

ИРИНА ЛЕУКИНА

ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ
РАДУГА
ЧАСТЬ 2

Я выбрала мечту.

И не знаю. Правильный это выбор или нет.

Я приехала в столицу, чтобы достичь своей цели. Чтобы оправдать ожидания родителей.

Сдержать обещание близким.

Но внутри меня пустота.

Мне нужно продолжать бороться. Особенно, когда оказалось, что рядом одни враги.

Каждый готов подсунуть победителю кобру в постель и подсыпать яда в чашку.

Не время быть размазней...

Вдох-выдох. Давай, Ксю. Раз выбрала мечту, достигни ее.

Где начинается радуга? Часть 2

Ирина Леухина

Вдох-выдох.

Нужно только успокоиться. Ведь Ануш позвала к себе в кабинет не, чтобы уволить. Она не такая. Была бы недовольна, то отправила меня бы при всех за кассу ближайшего фаст-фуд ресторана. Обслуживать с улыбкой людей и забыть дорогу в модельное агентство.

Но раз я стою тут. Около ее кабинета. Не выставленная с позором. Значит у меня есть еще шанс стать успешной моделью. Правда без полета в этом году в Париж на показ.

Стучу в дверь.

— Малахит? — уставший голос наставницы поразил. Мне казалось, что ее ничто не может пробрать. И она сильная всегда. — Проходи скорее. Нам нужно серьезно поговорить.

Серьезно? Сомневаюсь, что мы с ней будем пить чай с диетическими пирожными.

Усаживаюсь в кресло. И чувствую неловкость, которая подкралась и впилась. Впервые так со мной. Руки потянулись к краю футболки. Но я успела одернуть себя.

Нельзя показывать свою нервозность даже куратору.

Но Ануш на всех так действует. Ее статная фигура с темными ниже талии волосами и глазами, которые проникают в самые недра твоей порочной души.

Она словно все знает о тебе, даже то, что ты не знаешь сам.

Теперь ее взгляд направлен на одну меня. Не рассеян по толпе. А втягивает в зрительный контакт, который девушка так любит использовать перед камерами.

— Ты хочешь в Париж?

— Кто же не хочет, — усмехнулась я. И правда кто? Для меня это огромный шанс заявить о себе миру. Что я есть. Что я существую.

А еще это шанс простить саму себя. За проступок перед ним.

— Но ты теперь не сможешь полететь, — без насмешки проговорила Ануш. Она потрянула своей копной черных длинных волос. Провела по ним рукой. Она часто так делала, когда подходила к сути. Она что-то хочет предложить. Я для нее козырь. Она видит во мне потенциал. Но то, что она хочет предложить, может не понравиться мне. — Полетят другие. А ты останешься.

Черт, она снова пытается управлять мной.

Она также поступила осенью. Не ведись, Ксю. Не смей прислушаться к ней.

— Попробую в следующем году, — вроде равнодушно проговариваю, но что-то проскальзывает в голосе. Ануш усмехается и отворачивается от меня. А когда снова возвращает свой взгляд, мне становится не по себе. — Марина ведь год пахала здесь, а теперь летит. Я тоже смогу год отпахать, и полететь в следующем.

Год отпахать?

Я! Я могу... но скорее я завоюю репутацию гоблина из-за этого года. А не отлично зарекомендовать себя. Я не смогу долго продержаться в клоаке дерьма, в котором варятся модели из агентства.

И об этом прекрасно известно Ануш.

Я не отработаю тут год. Возможно, я смогу еще пару лет продержаться как модель подрабатывая на мелких съемках или рекламе. Но моя карьера будет загублена мерзкой пакостной мезью.

И тогда обо мне больше никто не узнает. Я даже не смогу вернуться к Глебу. Моя

гордость не позволит это сделать.

В итоге я останусь одна. Без родителей и другой родни. Без друзей. Одна без всякой надежды на будущее.

— Я могу предложить тебе одну возможность. Мизерный шанс. Могу дать рекомендацию, чтобы ты смогла прийти на кастинг. Одного фотографа. Он чокнутый. Но талантливый. Ты можешь знать, как его зовут. Вениамин Лессовский.

Кто же не знает его. Чудаковатый парень, который делает невероятные фотографии. От них захватывает дух. Быть моделью у него как прорыв плотины. Получить рекомендацию для него — это тоже шанс. Чтобы просто прийти на съемку.

— Ты пройдешь в святая святых его студии, — продолжает Ануш и достает конверт. В котором судя по всему лежит моя рекомендация. Мое светлое будущее. — И даже возможно встанешь напротив его камеры. Но сделает ли он хотя бы один снимок. Выберет ли он тебя для обложки. Одобрит ли он твою кандидатуру. Это зависит от тебя. Готова рискнуть?

Вы еще спрашиваете?

Хочу закричать ей в лицо. Что за глупость она говорит.

НО.

Торможу. Вместо кого я тогда поеду? Как отдельное лицо? Но мест для моделей только два. Для Рубин и той победительницы. Юлианы.

Вместо кого поеду я. Неужели это и есть тот самый подвох, из-за которого волновалась Ануш?

— Ануш, — зову тихонько. Но она понимает, какой вопрос появился в моей голове. — Вместо кого поеду я?

Она молчит.

И вместо слов понятно.

Мне придется снова выбирать. Моя мечта или друг.

Не слишком ли много забирает моя мечта? Все, что есть ценное в моей жизни. Это и есть цена моего успеха? Стоит ли она того. А не пожалею ли я об этом.

Но узнаю я об этом только после того, как выберу. К сожалению, не раньше.

Глава 1

«Самолет садится в аэропорту Внуково. Просим пассажиров привести спинки кресел в вертикальное положение и пристегнуться. Самолет заходит на посадку».

Я не двигаюсь, когда объявление заканчивается. И хоть весь полет я держала спину прямо, с пристегнутым ремнем безопасности. Я не могла двигаться. Я не хотела двигаться.

Потому что я стала камнем.

Словно статуя замерла, как только присела в кресло около прохода. В моей голове звучал голос. Который мог мне только померещиться. Но он вспарывал мою душу лучше всякого тесака.

Стоя около пункта досмотра, мне слышался его голос. Он эхом раздавался вдоль стен аэропорта, но тут же пропадал в гуле толпы. Мне казалось, что Глеб просил меня остаться с ним. Не покидать его. При этом он кричал одно слово. Мое имя, в которое вкладывал всю свою боль и тревогу о нас.

НО.

Как я могу...

Я уже предала его. Когда выбрала не его. Когда знала, что уеду, но молчала о своих планах.

Сначала, умолчала о своей мечте. Я скрыла от него, что хочу стать моделью. Самой настоящей, которая покоряет подиумы и снимается для Italia Vogue. Потом я на него разозлилась и не рассказала про свою поездку в Москву. Но последнее предательство должно убить все его чувства ко мне. Мне прислали приглашение на кастинг, который сможет изменить всю мою жизнь. Не рассказав ему, я сделала свой выбор в пользу мечты.

Я ужасный человек.

Но лучше так. Чем долгое расставание. И последующая ненависть друг другу.

— Девушка, — ко мне подошла стюардесса. Она была похожа на девушку, которая год назад отвечала за мою безопасность во время полета. Я не помню ее имя. Но чем-то она на нее походила. В принципе стюардессы все похожи друг на друга. Но я смотрю на девушку немного растеряно. Зачем она ко мне подошла? — Уже все вышли из самолета. Остались только вы. Вам плохо? Может помочь?

Она участливо заглянула мне в глаза.

Нет. Резко от нее отворачиваюсь. Нельзя. В моих глазах тьма, которую я сама же и впустила. Ей не нужно смотреть. А потом ужасаться, какой я человек.

Потому что за этот поступок я буду себя ненавидеть. Я буду его стыдиться. Мой камень в груди отвердел.

Прикасаюсь к кольцу с малахитовым камнем, моим талисманом. Последние дни я не могла найти его. Наверное с того дня, когда Матвей взял и одел на меня мое же кольцо после съемки.

Я не могла найти его. И моя удача словно отвернулась.

Стала совершать ужасные поступки. Из-за которых я себя мысленно убиваю.

НО.

Нужно двигаться.

Мой поступок не делает меня мертвой. Я так поступила ради своей мечты. Ради цели. А потому я обязана достичь своей мечты в полной мере.

Даже если потом я возненавижу всех и все. А особенно себя.

— Нет, — встаю и опираюсь о соседнее кресло. — Мне хорошо. Я просто задумалась.

Не подскажите сколько сейчас времени?

Август. Лето. Утро.

Солнце ярко светит и немного припекает голову.

Я дождалась экспресс до города. При этом прогуливаясь вокруг аэропорта почти два часа. Мыслей не было. Мне было одиноко.

Эти чувства меня поглотили почти полностью. Где когда-то был камень, а потом появилась любовь. Сейчас властвовала пустота. Мне казалось, что во мне появилась черная дыра, когда сжирала всё вокруг. Она расширялась и расширялась.

Остановить как-то ее я не могла.

Но ведь так же нельзя продолжать. Если я не прекращу убивать себя, то не смогу добиться успеха. Не смогу сосредоточиться на моделинге. А смогу только с кислой миной сидеть перед камерой.

А так нельзя.

Нужно как-то себя взбодрить.

В автобусе места не было.

Я поставила чемодан у окна и села на него. Люди толпились вокруг, и от этого мое дыхание спирало.

Словно мои легкие перестали усваивать кислород из воздуха.

Да что это такое!

Неужели это и есть муки расставания. Когда уезжаешь от любимого без шанса вернуться. Неужели это и есть те самые муки из-за которых страдают героини в фильмах. Да и знакомые девчонки в родном городе.

Помню как они убивались, когда бросали парней.

Почему я рассчитывала, что во мне появится место для свободы. Что во мне раскроет птица свои крылья. А оказалось, что съезжился ежик и выпустил иголки.

Как же это мучительно.

Открываю телефон, и высвечивается список звонков. Пропущенные. Почти тридцать звонков. И все от одного человека.

Пока я его не заблокировала.

Глеб. Как же мне больно. Ты бы знал. Но прошлое нельзя воротить. А ты скорей всего меня сейчас ненавидишь. За то, что изменила и предала. А потом улетела неизвестно куда.

Открываю галерею, а там его фотографии.

Я много его снимала. Наш поход. Свидание. Поцелуи. Выпускной.

Наша ночь для меня дарование. Воспоминание о ней я постараюсь сохранить, чтобы она грела меня в особо холодные дни.

Выхожу из автобуса. И вижу вывеску.

«Распечатка. Фото. Быстро».

Что-то во мне екает. Нужно это сделать. Когда я смотрю на него мне становится легче. Мне хочется дышать и жить. Даже если без него.

Уверенно захожу и прошу парня распечатать мне фотографии. Обычного размера, но хорошего качества.

Десять штук. Десять моментов нашей любви. Моя память, которая будет меня согревать. Чтобы совсем не окаменеть.

— Здравствуйте, — звоню по номеру, который мне прислали из агентства. Со вчерашнего дня началось заселение. И было сказано по приезду в столицу позвонить. Чтобы получить ключ от апартаментов. — Я Малахова Ксения. Я звоню, чтобы полу...

— Вижу, — перебила девушка по телефону. — Да, на вас выписано место в апартаментах. Ключ у меня. Подъезжайте в офис модельного агентства «Бон вояж». Адрес знаете?

— Да.

— Жду вас, Ксения. Позовете Анну. Это я.

Смотрю в картах как доехать до офиса. И понимаю, что нахожусь в десяти минутах ходьбы. В автобус садиться не охота. В метро спускаться тоже. Пешком лучше, хоть и тяжелее. Чемодан и сумка все же неприятно отяжеляли руки.

Пешая прогулка прочистила меня. Но легкая усталость ощущалась в покалывании ног и дрожи рук.

Я бы с удовольствием завалилась сейчас спать. Вытянула бы ножки и заснула крепко под мягким одеялом. Но пока это только мечты.

Ведь сначала офис. Потом поездка в апартаменты. Где я познакомлюсь со своим руммейтом. А от качества первой встречи зависит последующее спокойствие проживания в одной квартире.

Значит мне нужно наконец собраться. На свою квартиру пока не заработала. Но если не улыбнусь, то не заработаю на нее в принципе.

Захожу в стеклянный офис с вывеской “Бон вояж”. Название агентства, которое возможно станет моей материнкой. Потому как оно первое заключит со мной контракт. Оно откроет меня большому миру моды.

Главное только собраться и сделать то, зачем приехала сюда. А приехала я — побеждать.

Прохожу по коридору и поражаюсь. Как здесь светло и чисто. Много стекла, белого цвета с привлекающими яркими акцентами в стратегических местах. Либо на стене яркие фотографии. Либо яркая одежда на вешалке. Либо витрина с призами.

Одно я чувствую: мне тут нравится. Ощущаю как во мне появился неожиданный прилив сил. Благодаря которому я хочу улыбаться и радоваться. Оглядываюсь по сторонам и вижу ресепшен. Ярко-синяя стойка бросается в глаза, и я стремительно направляюсь туда.

— Здравствуйте, мне назначила встречу Анна. Я модель. Ксения Малахова.

— Малахова? — с ноткой сомнения уточнила девушка. Она вперивает взгляд в компьютер, а потом качает головой. — Извините, но единственная Ксения в моем списке. Это Малахит. Вы уверены, что договаривались о встрече.

— Верно, — усмехаюсь. Имя уже начинает бежать раньше меня. — Но это...

— Малахитовая принцесса!

Импозантный мужчина подошел ко мне и бесцеремонно обнял меня. И даже успел поцеловать в щеку. Я его не знаю. Но думаю, он принадлежит миру моды. Он улыбается так открыто, что меня начинает смущать его внимание.

К счастью, около стойки появилась девушка. Низенькая и миловидная. Она подлетела к нам и затараторила.

— Я Анна. И я должна была с вами встретиться.

Мужчина выслушал ее и как-то печально вздохнул. Потом поднял кулаки вверх и помахал ими передо мной.

— Я болею за тебя.

С этими словами он пошел на выход. А я устала на пустое место. Не вслушиваясь в речь Анны. Она извинялась, что в моих апартах будет жить руммейт. И что-то еще. Но мне казалось дикостью, что она за это извиняется.

Я не топ-модель, чтобы начать требовать к себе особое внимание. Я была готова к соседке.

— Но...

С ноткой сочувствия протянула Анна и опустила взгляд. Такие вещи мне не нравились. Беспочинное сочувствие и сокрытие чего-либо. Особенно когда вот так. Смущение от того, что приходится что-то скрывать.

По себе знаю, как тяжело что-то утаить, если чувствуешь, что это неправильно.

— Что “но”, — начинаю злиться. Девушка не предложила даже присесть. А усталость подкралась, когда ее не ждали. Радость от нахождения здесь растворилась. И вернулась изможденность. Мне хотелось хотя бы сесть, а еще лучше выпить кофе и заесть это дело. Но я упорно стояла. И даже не шелохнулась.

Проявить слабость — это плохо. По крайней мере для меня.

— У вас будет соседка. Она не совсем обычная... С эмоциональным характером. Я бы хотела вам посоветовать не встречать с ней в конфликты. Но понимаю, что с ней это будет крайне сложно. Она эмоционально реагирует на многие мелочи. Поэтому проще ее игнорировать. И...

— А не будет ли она на игнор еще больше истерить?

Хмыкаю я. И кажется этим высказыванием озадачила сопровождающую. Я выхватила из ее пальцев ключи и потребовала адрес.

Что же это значит: мир и покой в квартире не быть. Значит будем бороться. Но сдаваться я не собираюсь. А тем более уезжать.

Анна хотела поехать со мной и помочь мне. Кое-как ее отговорила. Потому что мой эмоциональный банк был практически на нуле. Не могла я нормально поддерживать разговор, тем более улыбаться. Мне бы помолчать. Но если я с кем-то поеду. То все равно буду продолжать говорить.

Даже если это будет парочку коротких слов.

Но внутри что-то едко отметило.

Не хочу воевать. Хочу иметь тихий мир. Хочу просто расслабиться без оглядки. Друг это или враг. Как к примеру с Ариной было. Или даже с Матвеем.

И особенно с Глебом. Только с ним я ощутила полную расслабленность. Словно меня подхватили волны моря и укачивали в колыбели волн. Только я напрягалась, как они окутывали меня сильнее и успокаивали.

Делать все же нечего. Не буду ведь я поднимать скандал из ничего.

Подхожу к двери и вставляю ключ в замочную скважину.

Два поворота и дверь открыта. Вкатываю чемодан, ставлю сумку, скидываю обувь. Приятно пошевелить пальцами ног после перелета и двух поездок по городу.

Хочу ванную. Ужин. И кровать.

В мыслях я уже давно купаюсь и заедаю чем-то мясным.

Но в реальности...

Я слышала топот шагов из комнаты. Сначала появляются ноги. Длинные. Почти как у меня. Аппетитные бедра. Тонкая талия. Грудь немного маловата. Но в данном случае она

подходила. К тому же девушка умела ее подчеркнуть. Выделяя ее особенность: упругость.

А на лице я спотыкаюсь.

Как такое возможно? Это мираж или реальность. Но как...

— Рубин?

— Малахит?

— Добрый день, уважаемые участницы!

В зал входят шесть человек. Из них я узнаю четырех девушек. Наши кураторы. Еще двое — это главное жюри. Кураторы — это опытные модели, которые успели достичь своего успеха.

К примеру, Алиса Ловкач. Высокая и стройная, как и все модели. Длинноволосая блондинка с небесно-голубыми глазами. У нее слишком большой лоб и слишком пухлые губы. Внешность: нестандартной куклы барби, которой она пользуется на съемках. Ее любит камера, а она любит ее. Чрезмерная стройность с роскошной грудью не подходит для подиума. Но на фотосессиях Алиса использует свою фигуру так, словно она необходимая часть снимка. Ее глаза запоминаются не меньше губ. Они словно утягивают в бездну. И что с тобой будет: не известно никому. Она в какой-то степени для меня кумир.

С ней рядом стоит Светлана Белова. Без макияжа она напоминает простую девчонку из соседнего дома. Но в этом ее и изюминка. Ее приглашают для съемок бьюти бренды, потому как она не перетягивает на себя внимание. А делает акцент на красках. Ведь в истории рекламы был прецедент, когда всемирно известная актриса участвовала в рекламе бижутерии. И так получилось, что она своей яркой внешностью затмила тихую красоту украшений. Их просто не было видно. Актриса заработала миллионы, а вот компания нет. Поэтому для такой съемки ищут таких моделей как Светлана. С тихой красотой, которую можно подчеркнуть макияжем и аксессуарами.

Янковская Ирина стояла около жюри и над чем-то громко смеялась. С пышным бюстом и с узким тазом девушка привлекала внимание многих мужчин. Я слышала, что девушка приехала из глубинки и смогла прорваться на высоту модельного бизнеса. Как она это сделала не известно. Возможно при помощи одного таланта, но слухи говорили обратное. Своей громкостью и яркостью она могла привлечь внимание не только работодателей, но и других спонсоров. Интересующихся больше ее телом, чем портфолио. О ней у меня складывалось своеобразное впечатление. Но все же ею можно восхищаться. Как минимум ее упорством и быдловатостью.

Еще один наш возможный куратор — это темноволосая, со смуглой кожей армянка. Ануш Бахтамян. Слухи про нее тоже ходили в сфере моды. Но не такие, как у Янковской. То, что ее в родном городе хотели выдать замуж за богатого соседа. Правда лет на тридцать старше ее. Да и ей было только пятнадцать. И она вместо того, чтобы подчиниться авторитарным родителям, сбежала по связанным простыням в Россию. Сначала работала уборщицей. Ей не было восемнадцати, и плохо знала русский язык. Но ей повезло. Один фотограф увидел ее и захотел устроить фотосессию с ней в главной роли. Долго ее уговаривал. И то, только потому что она не понимала. И шугалась его как огня. Как они договорились, слухи молчат. Но ее первая съемка взорвала бомонд. Тот фотограф давно не мог работать. Не было вдохновения. Потом последовало множество провальных работ. Все думали, что он снова потерпит крах. Девчонка с трущоб. Что она могла? Но оказалось, что могла. После этого Ануш Бахтамян стала моделью.

Ануш проходила мимо нас и вглядывалась в наши лица. Ее черные глаза слегка щурились, но не из-за плохого зрения. А чтобы разглядеть в нас то, чего не заметишь сразу. Наши личная индивидуальность. Мимо кого-то она проходила с улыбкой, на кого-то даже не

взглянула. Тут она прошла мимо знакомой девушки.

Я запомнила ее по конкурсу фотографий. Над которым я работала с Денисом и Ариной. Блондинка с королевской внешностью. Она в тот раз проиграла, но соперник она достойный. Мне запомнился ее уход. Гордый и плавный. И сейчас мы с ней снова встретились на поединке.

Ануш ее тоже отметила. Куратор приподняла губы в легкой улыбке и кивнула ей.

Дальше последовали отрицательные махи головой, потом едва заметный кивок. И очередь дошла до меня.

Она затормозила передо мной и уставилась. Мы с ней одного роста. Только она темнее, а я светлее. Она восточная ночь, я же пропитана лесом. У обеих есть таинственность во внешности. Но у нее она темная и утягивающая. Моя же притягивающая и согревающая. Но если нас объединить, то наступает ужас. Темнеющий в ночи лес пугает и замораживает. Если в него попадешь, то пропадешь.

Ануш оценила меня и провела по зубам языком. Она словно присматривалась и прикидывала, что со мной можно сделать. Пару минут, но потом она ушла.

И даже не оглянулась.

Мне казалось, что она мне что-нибудь скажет. Но она промолчала. Более того, на меня она больше не смотрела.

— Уважаемые участницы, вас ждет участие в конкурсе, который покажет, кто из вас достоин стать моделью нашего дома моды. Сначала мы сократим количество участниц до пятнадцати, а потом до двенадцати. Но после ко второму этапу вас останется шестеро, и каждая из вас подпишет с нами договор. Но только один сможет полететь в Париж на неделю мод. Чтобы стать моделью для французских подиумов.

После слов одного из жюри. Статного мужчины, которому примерно лет сорок. Девчонки зашептались.

Я уже знала про это. Как оказалось, меня поселили не с едкой соседкой, которую нужно остерегаться. А с моей давней подругой из родного города. Мы с ней учились в одной школе моделей. Но она была на год старше меня. Мы мало общались вне стен школы. Но много внутри.

Я была рада, что соседка мне досталась нормальная. И знакомая. Заводить новые крепкие знакомства я не хотела. Проверять дружбу на вшивость, тем более. Мы тут не подруги. Мы соперницы. И каждый готов подрезать другого на пути к мечте. Но с Мариной нас этого не ждет.

Оказалось, что она переехала в Москву год назад. Сразу после сданных государственных экзаменов. И попала в этот дом моделей. Пришла на конкурс, но не выиграла его. Но Марина осталась тут. Она работала над собой и участвовала в разных проектах, чтобы заработать себе имя в агентстве. И ей это удалось. Она поедет в Париж без конкурса. А вот мы участницы должны побороться, чтобы выиграть.

Про Париж я узнала от нее. Марина Рубина. Или же Рубин. Так ее звали в родном городе, так ее зовут и здесь.

Жюри и кураторы продолжали говорить о конкурсе. Что нас ждет справедливое и требовательное жюри. Что нужно постараться, чтобы отправиться в город мечты. И что-то еще.

Но мне в какой-то момент стало скучно.

Я отвлеклась. Я оглянулась и посмотрела на вид из окна. Река, здания, машины.

Красиво, без спорно. Но перед глазами мелькнул другой вид. Море, горы, Глеб.

Неожиданно на моих глазах появились слезы, которые я пыталась сморгнуть. Не хватало, чтобы другие заметили моей слабости.

Но она была. Моя жизнь на юге изменила меня. Она впиалась в мою душу, ломая ее и заново сращивая.

Во мне появилась пустота. Раньше ее я могла заполнить делами, моделингом, съемками. Но сейчас... Находясь в самом центре той самой жизни, к которой я стремилась последние пять лет. Она не заполняла меня полностью. Более того, она не хотела пускать меня ближе к центру.

Или же я сама себя держала на границе.

Потому что мне было страшно ступить туда. Ведь это значило развал иллюзии. Конец сказки, в которую попала при первой встрече с Глебом. Как только я ступлю в тот мир, назад дороги не будет. Буду только я и мода.

И...

— Ксения, вам там интереснее?

Ануш оказалась напротив меня, и я вздрогнула. Ее черные глаза видели то, что не должны видеть другие. Мою боль. Мои сомнения. Мой выбор.

Если я не смогу проявить стойкость, то мне действительно лучше валить отсюда.

Но разве я ради этого боролась с тетей весь год. Разве поэтому уехала из города, в котором почувствовала себя комфортно. Ради этого бросила любимого.

Нет. Я все это сделала из-за момента. Когда я смогу показать, чего стоит мой талант. Бороться со всеми, и в конце получить главный приз.

— Нет, здесь лучше, — проговорила я, не отводя взгляда.

Ей это понравилось, но хмуриться она не перестала. Я допустила оплошность.

Девчонки соперницы переглядывались. Они не скрывали торжествующих улыбок. Ведь я прокололась, а значит у них увеличиваются шансы на победу.

Кураторы попрощались с нами, жюри рассказали про первый конкурс и отправили нас в апартаменты набираться сил.

Мимо меня потекли девушки. И кто-то жестко толкнул в плечо.

Говорить что-то мне не хотелось. Да пусть им карма оплачивает, а не я.

Эти мысли пугали. Ведь это не я. Слово я. И не я. Настоящая Ксюша бы оцетинилась. Остановила бы нахалку и показала что значит толкнуть Малахову Ксению. Она бы не проигнорировала попустительство.

Но у меня не осталось сил. Мне бы дойти и упасть на кровать.

Я вышла последней. Но передо мной появилась преграда. Высокая и злая преграда.

Марина уставилась на меня и прерывисто дышала. Ее ноздри раздувались и казалось, что у нее волосы топорщились от напряжения, которое она излучала.

— Марин, ты чего?

— Я чего, — выдохнула она и как-то странно прищурилась.

Она кусала губы и сжимала кулаки перед моим лицом. Она хотела обругать меня, но подобрать слова она не могла. Поэтому молча стояла передо мной.

— Ты охренела? — выдала она. — Либо ты засунешь свою грусть в задницу, либо возвращайся к своему придурку, который не смог удержать тебя. Усекла? Я надеюсь на тебя. Что мы с тобой поедим в Париж. Но если ты не хочешь, то вали туда откуда приехала. Твою жалкую рожу видеть не охота. Ты либо борешься, либо сдаешься. Третьего не дано!

Она взмахнула волосами и цокая каблуками ушла. Ее бедра плавно покачивались. И я зависла. Не от вида ее бедер. Нет. От ее слов.

Либо борюсь, либо сдаюсь.

Неужели я готова сдать ради Глеба. Но он меня больше не ждет. Поэтому сдаваться мне нельзя.

Мне нужно взять себя в руки и начать. Начать карабкаться вверх, даже если ногти обломаются, а пальцы покроются кровью.

Я не имею права сдаваться!

Сжимаю руки, а ногти впиваются в ладони. Одинокая слеза скатилась по щеке и упала на блузку. Слезинка — предательница. Но боль в руках привела в чувства. Мне нужно жить здесь и сейчас. Это в прошлом я сделала сомнительный выбор. Это в будущем меня ждет успех модели. А здесь и сейчас мне нужно собраться.

Чтобы оправдать прошлый поступок.

Чтобы будущее сбылось.

Здесь и сейчас. Внимание только на это.

Вдох-выдох...

Первая пробная съемка для всех. Мы сами выбираем из предложенного наряд. Сами направляем визажиста и парикмахера. Эта съемка — знакомство с нашим нутром. Таким образом кураторы узнают нас по нашему выбору.

И это волнительно. Потому что моя вялость и бледность не помощник в этом деле.

Я выбрала серый скучный наряд.

Он висел забытый на вешалке. В глубине. Скрытый за яркими нарядами, которые расхватили девчонки. Словно это была еда. А они голодающий дети из бедных районов.

Ткань мягкая и удивительно податливая в моих руках. Я притянула вешалку к себе и посмотрела в зеркало.

Бледные впалые щеки. Тусклые глаза. Опущенные уголки губ.

Я не сверкаю. И если я одену яркую кричащую вещь. Она подавит меня. Мне нельзя этого делать. Надо выходить из ситуации, какой бы она не была. Как бы я сама себя не загнала в эту яму.

Отхожу от толпы визажистов и оказываюсь в скрытом ширмой углу. Кроме меня тут находилась еще одна девушка.

Знакомая блондинка с королевской внешностью. Она примеряет наряды в тишине и не вмешивается в разговоры девчонок. Которые в основном пищат и вопят на разных тональностях.

Мы переглянулись. Она узнала меня. А я узнала ее. Но я не помню ее имени. Как и она возможно не помнит моего. Но мы слабо кивнули друг другу и отвернулись. Нам обеим нужно готовиться.

Мое серое платье кажется таким скучным на вешалке. И только когда я его примеряю, понимаю как ошибалась на его счет. Он не скучный. Он элегантный и строгий. Но в то же время сексуально подчеркивающий бедра и грудь. И если бы у меня не было женственных выпуклостей, то наряд действительно стал скучным.

— Вот черт, — пробормотала я.

Пока на меня никто не смотрит, прохожу к свободному визажисту и парикмахеру. В двух словах объясняю концепцию своего образа и сажусь на кресло. Рядом со мной висит мое серое платье.

Во мне должен давно бурлить энтузиазм или хотя бы адреналин. Я ведь на конкурсе.

Но через зеркало вижу, что пока ничего не изменилось. Я по-прежнему тусклая и бледная. И я не понимаю, что нужно сделать, чтобы наконец мое сознание взбодрилось.

Я ведь выбрала. Я сделала выбор. Да, он полностью не охватывает список моих желаний. Да, я оставила свою любовь в другом городе.

Но ведь если бы я осталась, то тоже бы грустила. Сначала незаметно, но потом... Все бы переросло в обиду на любимого.

Поэтому я поступила правильно.

Снова сижу и убеждаю себя.

Как мне это надоело. Почему постоянно мне приходится заниматься рефлексией. Как хорошо тем, кто действует и не парится о содеянном. Интересно, во мне говорит совесть или вина? Или в этом разницы нет.

Шум и крики приблизились к зеркальным столикам. Девушки выбрали свои наряды и приближались к визажистам.

— Слушай, — брюнетка подошла к низенькой и полненькой мастеру визажа и ткнув пальцем в меня произнесла. — Хочу также, но ярче.

— Как также, — сомневается мастер, разглядывая меня и ее. — У вас же разные цветотипы внешности. Тебе больше подойдет...

— Ты думаешь я не знаю, что мне подойдет? — самоуверенно проговорила брюнетка, и гордо выпятила грудь. — Хочу также.

Она села на соседнее место и нагло улыбнулась мне. Потом ее взгляд скосился на мое платье и в них промелькнуло презрение.

— Ты в этом будешь показывать себя перед кураторами?

Спросила и тут же отвернулась. Она не ждала ответа. А я не собиралась отвечать.

К счастью, девушка потеряла ко мне интерес. Мне оставалось только прикрыть глаза и расслабиться. Для меня первая часть конкурса самая простая. Прошлый год я работала вместе со своей подругой. Мастером визажа Ариной. Я снималась на фотосессиях, а она готовила мою внешность. И хоть весь образ я готовила сама. Но именно Арина корректировала его при необходимости. Благодаря этому опыту, я многому научилась.

За это время я поняла, что мне подходит, а что нет. Где можно использовать свои плюсы, а где усовершенствовать свои минусы.

Придумать образ и объяснить его мастерам я смогла. Но ведь нужно еще создать коммуникацию с другими претендентками. Или можно прослыть необщительной стервой. И вести разговоры с одной Мариной. Тогда о друзьях мне можно будет только мечтать.

— Ксюш, я сейчас принесу лак и одно украшение. Оно тебе идеально подойдет.

Приоткрываю один глаз, чтобы заметить, как мой мастер Олег бежит в сторону подсобок. А украшение они не обязаны приносить нам. Помочь захотел.

Замечаю дополнительное движение слева. Со стороны брюнетки. Она отослала куда-то полненькую девушку мастера, а сама она нагнулась, чтобы прикоснуться к чемоданчику с косметикой.

Почему-то ее действия кажутся незаконными. Глаза держу приоткрытыми, но со стороны они кажутся закрытыми. Я наблюдаю за действиями брюнетки через зеркало. А девушка воровато оглянулась на меня, но с облегчением выдохнула. И снова потянулась к чемоданчику. Она достала светлую пудру, и ... в этот момент Олег перекрывает вид.

— Ну все, Ксюш, держи.

Он протянул кулон на длинной цепочке. Кажется с виду очень простым и аккуратным с темно-зеленым камнем на золотистой цепочке. Чем-то внешне напоминает мое кольцо, которое лежит у меня в апартаментах.

— Я думаю тебе подойдет.

Касаюсь и тут же отдергиваю. Поднимаю взгляд на парня и уточняю.

— А это точно мне можно взять? Может запрещено, а ты не знаешь?

— Мне Ануш разрешила, — объясняет он и кивает в сторону.

Оглядываюсь и замечаю куратора. Темноволосая с чуть смуглой кожей. Она кому-то указывает направление, и ребята устанавливают фотозону. Они запинаятся и чуть не сносят один осветитель. Ануш замерла. Она поджала губы, а глаза сощурила. Она не сказала ни слова. Но парни запаниковали. Они как можно скорее исправили свои ошибки и испарились.

— Их скорей всего уволят, — заметил Олег.

Мда, видимо слухи про Ануш имеет реальную почву распространения.

— Берешь кулон?

Поворачиваюсь к мастеру и понимаю одно. Если ему разрешила Ануш, никто не оспорит мой образ. Но также он бы не рискнул прикрываться этим именем, если бы собрался меня обмануть.

— Конечно, — забираю кулон и сжимаю его в ладонях. — Ты закончил?

— А то, нужно только зафиксировать эту прядку, — он поднимает локон с правой стороны лица и крепит его около уха. — И ты готова.

Разглядываю себя в зеркале и отмечаю каждый миллиметр работы Олега. Последняя прядка придает мне некой женственности. Так что соглашусь с ним. Эта маленькая деталь даже немного отвлекает внимание от моих тусклых глаз.

— Юлька, садись сюда. Хей, соседка.

Брюнетка соскочила с места и помахала девушке. Видимо той самой Юльке-соседке рукой. Темноволосая девушка подскочила и радостно защебетала.

— Блин, спасибо. Тебе Милка. Что уступила мне место. А то все мастера заняты. Я бы точно не успела бы накраситься. Ты ведь знаешь как долго мне приходится возиться с волосами.

Бросаю взгляд в сторону. И понимаю что она имеет в виду.

У подошедшей Юльки темные и гладкие волосы. Они тяжелые и непослушные. Чтобы их заставить сидеть в нужном месте, необходимо прочные заколки. И мощный фиксатор. К тому же не каждый мастер справится с такой волной.

— Спасибо, Олег. Пойду переодеваться.

Киваю парню и отхожу. Мое место в кресле занимает девушка с юга. Нужно узнать как ее зовут. А то как-то не прилично проходить мимо и кивать.

Прошел еще час, когда все девушки собрались. Каждая прихорашивалась до последней минуты. К нам вышла платиновая блондинка в платье цвета фуксии. Она бросалась в глаза, и казалась, что она “блондинка в законе”. Но черный пиджак расстегнутый и с длиной ниже бедер придавал ей строгий вид. Ее волосы убраны в конский хвост, и он покачивался при небольшом движении ее головы.

Модельный бизнес таков. Тут все девушки могут выполнять работу связанную с бизнесом, а если понадобится встать напротив камеры.

— Я скаут. Но так как вы только новички объясню кто я. Меня зовут Ольга, и я занимаюсь поиском новых лиц. Пока проходит конкурс, я буду часто появляться рядом с вами. Я можно сказать ассистент временной жюри. Так вот. Вы должны быть готовы, девушки. Вас сейчас тридцать, но половина отсеяться уже через десять минут. Еще трое уйдут после сегодняшнего шутинга. Поняли меня?

Вдох-выдох. Пора. Больше половины уже сегодня отправится домой. Так что нужно собраться.

Все уже встали в строй. Тридцать девушек, накрашенные, причесанный, а кто-то даже надушенный. Кстати очень едким запахом.

Пытаюсь расслабить свои мышцы и отпустить пустые мысли. Свободное падение. Представь, что ты летишь. Меня обдувает теплый ветер. А солнечный свет греет мою кожу.

Мимо нас пошли четверо кураторов.

Они рассматривали нас как призовых кобыл. Алиса прошла мимо меня первая. Она оглядела мои ноги, подняла взгляд выше, споткнулась на кулоне, а потом отошла. Она

посмотрела на всю меня, а потом странно взглянула на шедшую за ней Светлану.

— Ануш не промах. Успела пометить.

Светлана кратко взглянула на меня и улыбнулась.

— У нее есть вкус. Что сказать. Девушка может сниматься в разных стилях. Портфолио ее видела?

— Меня больше заинтересовала рекомендация, — Алиса расширила глаза и как-то по-особенному взглянула на меня. — Но вот глаза у нее тускловаты.

— Безжизненные, — согласилась с ней Белова.

И они вместе прошли дальше. С кем-то останавливаясь, кого-то игнорируя.

Янковская затормозила рядом с уже известной мне Юлькой и заорала.

— Если ты не здорова, не нужно было приезжать сюда.

— Но я здорова, — проблеяла девушка. — Честно.

— Да? А чего тогда красная такая?

Едко проговорила модель и пошла дальше. Рядом со мной она тоже остановилась. Оглядела, скривила губы и прищелкнула пальцами.

Она отходила и качала головой. Но мне казалось, что меня только что облили помоями.

Последняя была Ануш. Она бегло осматривала каждую. На мне она не остановилась. Кураторы встретились в конце линейки и переговорили. Ануш выступила и пригласила к фотозоне.

Но как оказалось не всех.

Пятнадцать девушек смогли пройти к месту съёмки. Среди них я увидела мою давнюю соперницу с юга, Юлька-соседка и брюнетка Милка.

Остальных девушек помощники ассистенты выпроваживали. За собой я слышала плач девушек. Они просились попробовать сняться, или дать им шанс доказать. Что они лучше нас.

Но их жестко отправили подписывать отказ от конкурса. С ними пошла и Ольга. Возможно кого-то она завербует на должность пониже. А кого-то отправят искать другое модельное агентство.

Этот конкурс создан найти лучшую, которая сможет заинтересовать парижский бомонд. Ануш позвала нас, и мы окружили ее.

— Вас пятнадцать. Но трое после съемки отсеятся. Потому что не сможет показать свой профессионализм на снимке. Это ваш первый шутинг на конкурсе. Вы сможете эти работы потом использовать в портфолио. Так что удачи.

Кураторы сели на стулья напротив фотозоны, чтобы наблюдать за нами во время работы. Фотографы приготовились снимать. И ждут когда первая модель подойдет к месту.

— Регина Афанасьева.

Девушка с королевской внешностью. Имя, которой я наконец узнала, выступила первая.

Регина выбрала белое платье от Валентино. Поплиновая ткань, с английской вышивкой на лифе с вырезом под шею. Плиссированная юбка колыхалась при движении девушки, обрисовывая формы ног.

Волосы она собрала в объемную французскую косу, а макияж сделала легким. С ярким акцентом на губах.

Она произвела эффект присутствия королевской особы. Она с достоинством прошла к фотозоне и с улыбкой обратилась к фотографу. Пару минут, и она приступила к съемке.

Без пошлости. Изысканно. Она работала качественно. Регина знала свои слабые и

сильные стороны. Не делала акцент на бедрах, потому что они у нее были слишком узкие. Но выделяла ноги. Она вытягивала шею словно лебедь. И эффектно показывала лицо. Не боялась показаться глупой или неуместной.

Она скорее всего хорошо делает бьюти съемки.

Вывод: она сильный соперник.

Выдыхаю. И чувствую наконец-то, что во мне появляется азарт. Желание быть лучшей. Победить.

У меня трясутся руки. Но это не волнения.

Это предвкушение.

Я тоже выйду к фотозоне и начну работать. Я буду чувствовать чужие взгляды, скользящие по телу. Буду слышать затвор фотоаппарата. А также голос фотографа, который управляет светом, аппаратурой и если нужно мной.

Кончики пальцев покалывают. А рядом сидящая девушка с показной усмешкой уставилась на мои руки.

Она думает, что мне страшно?

Какая глупость. Я в ожидании, что скоро наступит моя очередь.

Знакомая брюнетка уже успела отработать, как я поняла. И тут подошла моя очередь.

— Малахова Ксения.

Встаю. А девушки позади меня шепчутся.

“Ой, посмотри, как она трясется”.

“Да, ты взгляни на нее, она такая серая”.

“Бли-ин, я это платье видела. Оно попало мне. Я не думала, что оно будет смотреться вот так”.

“Мда, она серая мышка. Какая из нее модель”.

А мне их слова, только помогают настроиться. Они раззадоривают меня.

Подхожу к фотографу, а он кивает в сторону барного стула. У каждой девушки был свой дополнительный атрибут для съемки. По выбору фотографа.

Мне достался стул. Барный.

Что ж сделаем сексуальную бизнес леди в деле.

Вдох-выдох.

Приступаем.

Мой мир вокруг пропал. Была только я, вспышка камеры и голос фотографа. Как он становился заинтересованным с каждой новой секундой. Мой вакуум напрягался, но пробить его никто не смог.

И я отдалась на милость камере и моделингу.

Как я могла подумать, что я смогу жить без этого.

Мне больно, что пришлось выбирать. Что я не могла остаться с Глебом и развиваться как модель. В чем я точно могла быть уверенной: жить без камеры я не смогла. Глеба в моей жизни был лишь один год. А моделинг... уже прожил со мной почти десять.

Разница есть.

Поэтому нужно отпустить парня внутри себя. Он достоин лучшей девушки. И если я его люблю, то обязана пожелать ему только счастья. Даже если это счастье не со мной.

— Все!

Выхожу из вакуума и оглядываюсь. Девушки соперницы сидят с удивленными лицами. Они переглядываются и скалятся. Не понравилась им моя работа. Удручает, но что поделать.

Кураторы сидели слегка озадаченные. Все кроме Ануш. Она видимо предполагала, что у меня такой уровень. А фотограф улыбался.

— Не ожидал от тебя такого, — проговорил парень. — Как тебя зовут, повтори.

Задумываюсь на секунду. И внутри меня разгорается огонь. Я хочу сказать именно так. Потому что это мое имя в мире моды.

— Малахит.

Отхожу подальше ото всех и усаживаюсь на стул. Кротко улыбнулась кому-то и сложила руки на коленях. Им не нужно знать, что я в игре. Что я собираюсь бороться. Или что я настоящий борец. Пусть думают, что я кроткая овечка, которая постоять за себя не сможет.

Поток девушек продолжился. Ажиотаж от моего выступления спал.

И вот вышла последняя девушка.

Юлька. Соседка той брюнетки. Когда Янковская высказалась по поводу красноты девушки, я подумала, что она просто смутилась. Вот и покраснелась. Но сейчас с ней что-то происходило. Ее кожа припухла и стала свекольного цвета. Местами на лице проявилась пятнистость.

Что с ней?

Она вышла на точку и замерла. Из ее носа текли сопли, и она пыталась судорожно это убрать.

— Что с тобой? — проговорила Ануш. — Юлия, вы как себя чувствуете?

— Я... нормально. Прощу, давайте сделаем снимки.

Она встала в позу, но замереть так и не смогла. Она все время дергалась, чтобы почесать лицо или убрать сопли.

Она выглядит так, словно у нее... аллергия?

— Юлия, — продолжила Ануш. — Ты уверена, что ты можешь работать?

— Да-да.

— Я сомневаюсь, — протянула Янковская. — Посмотри на нее. Она вся красная как матрешка. А еще чешется. Может у нее вирус?!

Две другие модели кураторы как-то напряглись и даже отодвинулись. Одна Ануш что-то прошипела им и подошла к девушке.

— У тебя есть аллергия, девочка?

— Есть, — захныкала Юля.

— На что?

— Поллиноз.

— Что? — не поняла модель.

— На пыльцу, — взвыла Юля и расплакалась.

Пыльца? И где умудрилась найти пыльцу в городе, осенью. К тому же у нее скорей всего сильная форма аллергии. Потому что она утром была нормальной. И только на построении у нее стали проявляться симптомы. А перед построением были примерка, макияж и прическа.

Макияж!

Оглядываюсь на брюнетку. Как ее назвала Юля? Милка. Мила или Милана? Она уступила ей место. Чему обрадовалась девушка. Но перед этим Милка прикасалась к косметическому чемоданчику мастера.

Она добавила аллерген что ли в косметику?

Ануш позвала к себе ассистента, и он увел Юлю.

— Так девушки, на сегодня все. Отправляйтесь в свои апартаменты. Завтра будут результаты

нашего выбора. А также мы вас распределим по кураторам. Три девушки на одного куратора.

Она махнула нам рукой и конкурсантки, переговариваясь, пошли на выход.

А я осталась сидеть на месте.

Мне не нужно влезать в дела других. Но и сидеть ничего не предпринимая, по-моему, плохо. Справедливость разве не должна восторжествовать. Разве не так.

— Ануш!

Подскакиваю на месте и бегу к куратору. Она тормозит и с удивлением смотрит на меня. В глазах вопрос, но предубеждения в позе не было. Ей было интересно, что я скажу.

Выдыхаю, чтобы собраться.

— Ануш, Юлю подставили. Ей похоже подсыпали пыльцу.

Модель напряглась. Она с недовольством всмотрелась в меня и, скривив губы, уточнила:

— И наверное знаешь кто это сделал?

— Это ее соседка по комнате. Я видела, как она звала Юлю на свое место у мастера. Но перед этим что-то подсунула в чемоданчик.

— Мм, какая она коварная...

— Ануш, это ведь против правил, — растерянно закончила я.

Модель скрестила руки на груди и вытянула губы. Она не смотрела на меня. Но весь ее вид говорил, как ей не нравится наш разговор.

Неужели я ошиблась в ней. Неужели ей тоже пофиг на справедливость.

— Тебе что больше всех надо? — подумав, уточнила Ануш. — Или ты у нас из борцов справедливости. Или может ты участник Лиги? А мы и не знаем.

— Я не про это, — смутилась я.

— А я про это, — Ануш выпрямилась и перекинула волосы. — У тебя отличные данные. А еще рекомендации. Но я не увидела в тебе желания бороться. Особенно на показе. В время съемки ты улучшила впечатление. Я не спорю. Но этого мало. Для этого бизнеса тем более. Так еще вздумала спасти другого, — ухмыльнулась неожиданно она. — Иди и работай. Либо уходи. Мне не нужны сочувствующие девочки. Мне нужны модели, которые выгрызают победу из рук. А какими методами... Это уже вопрос личной этики и морали. А мы тут эти предметы не проходим. Юле не нужно было доверять сопернице. А Милана пробивная. Но моральная ответственность у нее пониженная. Так что...

— Значит вам плевать на правду?

— Я не про это, — ответила строго Ануш. Но я ее перебила.

— А я про это. Я не хочу бороться за каждую слабую душу. Я тоже не собираюсь сдаваться. Я тоже готова выгрызть свою победу из рук других. Но при помощи таланта, упорству и желанию добиться своей цели. Применять методы суки, чтобы вырваться вперед — унижительно в первую очередь для того, кто использует эти методы. Но то, что девушка использовала слабость по здоровью. Даже не по мастерству модели. А здоровью... Так может делать только последняя тварь. Я не уйду с этого конкурса без победы. Но и мириться с таким отношением не хочу.

Выговорились и выдохнула. Я трясусь. Слишком много эмоций вышло из меня с этой речью. А Ануш слегка улыбнулась на мою речь.

— Ты пойдешь в мою команду, Малахит?

— Пойду, — не раздумывая отвечаю и ухожу.

На сегодня с меня хватит эмоций. Но сдаваться я точно не хочу. А проигрывать таким вот людям как Милана, приравнивается к удару в солнечное сплетение. От которого можешь

только задыхаться и терять сознание.

Сдаваться я не собираюсь.

Говорю себе, и сжимаю кулаки. Так крепко, что чувствую как ногти впиваются в ладони.

— Ты справишься, Малахит.

Марина стояла рядом со мной и помогала мне сделать аккуратную высокую шишку. Волосы я с дуру вымыла с утра. И они стали мягкими и непослушными. Поэтому подруге пришлось помогать мне. Она утяжеляла их воском и пыталась справиться с моей гривой. Они длинные, от этого еще сложнее с ними управиться.

— Этот этап тоже важен, — продолжила Марина. — Потому что сегодня в жюри придет женщина из актерской академии. Она много лет обучает моделей и актеров актерскому мастерству. Вчера вас немного погоняли, но этого не достаточно, чтобы легко переключаться. Сегодня вас попросят показать десять эмоций подряд. А их будут снимать. Это сло-ожно...

Устало протянула она и неудачно потянула за локон. Боль привела меня в чувство, и я зашипела.

— Ой, прости, — откликнулась Рубин. — Тебе сильно больно?

— Сойдет.

Глухо ответила. Мне сейчас не до разговоров. Мне охота сосредоточиться на своих силах и побыть немного одной.

Но сейчас все девушки готовились к заданию и уединиться было проблематично.

Задание это называлось “Мастерство эмоций”. Модели обязаны изображать нужную эмоцию по требованию, чтобы ее смог поймать фотограф. Это сложно. Не каждая модель понимает, что на фотографии ты не должна быть красивой. Ты должны быть живой.

Актеры обязаны изобразить чувства героев, но для этого у них есть: мимика, действия, голос, слова, да хотя бы контекст сцены. У моделей же есть только момент. За этот момент она обязана рассказать свою историю.

Модели используют взгляд, мимику и позу. Но если они не понимают, что это за чувство или как его изобразить, то может получиться бред. Поза одна, мимика другая, а взгляд... пустой. И тогда модель становится просто мебелью. Без эмоций и внутренней истории.

Сегодня нас одели в белые обтягивающие наряды и собрали волосы в шишки. Мы сейчас были больше похожи на белых лебедей, чем на моделей. Но сама идея интриговала. На черном фоне, мы в белом. И десять эмоций. На каждую эмоцию дается три попытки.

Еще вчера нам провели небольшой мастер класс от преподавателей актерского мастерства. Я трудилась и вспоминала все свои занятия из школы моделей. И это окупилось. Вчера меня даже похвалили.

Но это также усугубило мое положение среди девушек.

После первого конкурса они увидели мою способность перевоплощаться. Они не заметили меня в начале показа. Потому что я печальная стояла в углу и не светила. Я не привлекала внимание. Поэтому они списали меня со счетов.

Первая фотосессия изменила мое количество баллов в их глазах. Обычно стараются позволить уединиться модели от других во время съемки. Хотя бы даже на минутку. Но здесь не облегчают работу для нас. Они специально создали сложную ситуацию для новичков. Собраться, когда на тебя пялятся. И не просто прохожие, которые с любопытством смотрят на процесс съемки. А твои соперники. Люди, которые с радостью бы сделали тебе

подножку.

Как это сделала Милка со своей соседкой Юлей. Она узнала про аллергию и добавила в косметику немного пыльцы растений. Откуда она их взяла, поставило меня в тупик. Сейчас осень, сентябрь. А она надыбала растение, которое плодоносило в это время. Ради единственной цели. Убрать сильного соперника.

Поразительное желание победить.

В итоге Юлю отправили домой. Как Ануш сказала, мое свидетельство не имеет доказательств. Я точно не видела, что она делала с косметикой. А то, что она позвала на свое место знакомую девушку, делает Милку хорошей.

Вышел один не радующий меня итог.

Мне не нужно соперниц подставлять, чтобы победить. А доказывать виновность других тоже подходит под статью “подстав”. Но мне нужно иметь глаза не только спереди, но и сзади. И работать как можно усерднее. Потому как тут борются не только таланты, но и махинаторы.

— Ксюш, ты не волнуйся главное.

Поддерживает меня Марина и улыбается.

Все были уверены, что Марина злобная фурия в этом агентстве. Она приехала сюда год назад из нашего родного городка. И работала тут как папа Карло, чтобы заработать себе уважение и место в ежегодной поездке. В прошлом году она приехала так же как и я на конкурс.

Но у Рубин всегда были некоторые проблемы с жизнью фотографий. Чтобы получились действительно удачные снимки, ей нужно постараться. А еще часто она ссорилась с фотографами. Потому как не каждый видел ее сильные стороны. И бывало мог снять слабый момент, пропустив сильный.

Она работала над собой этот год и над своей репутацией. Многие считали, что она съест любого, кто к ней подойдет слишком близко.

А тут я. Быстро схожусь с руммейтом. Показываю значительный результат на съемке. При их подозрениях, что я провалюсь как только подойду к фотографу.

Причины для злости у них были. А значит были у меня причины для подозрений.

Нас защищать кураторы не будут. Мы их ученики. Они дают нам шанс выбраться из дыры. Но ловить нас при падении никто не будет.

— Пора!

Заходит распорядитель и раздает нам указания.

В этот раз на фотозоне будут находиться только сама модель, фотограф, наш личный куратор и представитель жюри от академии актерского мастерства. Задание слишком сложное, чтобы усложнять его присутствием соперниц.

На следующий день после первой съемки мы получили свои фотографии и заключение кураторов. Они оставили из тридцати девушек до показа всего лишь двенадцать. По три девушки на одного куратора.

Я оказалась у Ануш. Со мной были еще двое. Довольно милых и способных девушек. Юлианна и Ася. Регина оказалась у Алисы Ловкач. К счастью, интриганка Милка оказалась у Янковской. Но как, по-моему, это даже хуже. Куратор и подопечная слишком схожи в характерах. Как бы Янковская не научила свою ученицу более подлым подставам.

Но все же первый конкурс фотосессий заняла первое место Регина. Я была только пятой. Мой тусклый вид и безразличный взгляд испортил обо мне впечатление от показа.

Сегодня я собиралась реабилитировать себя.

— Малахова.

Группа Ануш по жребию оказалась последней. Из-за ожидания можно растерять настрой. И это не есть хорошо. Я сидела в самом темном углу и настраивалась. Сохранить себя оказалось сложнее в кругу соперниц.

Я встала со стула и направилась в комнату с фотозоной. Девушки мимо, которых я проходила, ощерились. Они сквозь зуб говорили мне слова удачи. Но в переводе со змеиного эти слова имели значение “будь ты проклята”.

Захожу в темную комнату и оглядываюсь.

Глаза только привыкают к темноте. Я вижу, что для модели подготовили место. Задний фон будет черный, но его осветили специальной подсветкой. Они создали такой эффект, чтобы все внимание было на передаче эмоций модели. Даже наш внешний вид в этом помогал. Он не отвлекает от нашего лица.

Фотограф поправлял аппаратуру. А Ануш стояла рядом с незнакомой женщиной. Мужчина, который нам преподавал актерское мастерство, сидел на кресле и что-то рассматривал в телефоне.

— О, Малахит, уже пришла, — проговорила Ануш. — Вот твой список эмоций.

На бумажке значились десять пунктов. Мне дали пять минут подготовиться.

Незнакомая женщина замерла на месте. Она распахнула глаза и уставилась на меня, словно я привидение. Но к ней подошла Ануш, и она неловко дернулась, отойдя к своему месту.

Вчитываюсь в список и чувствую как мои руки трясутся. Напряжение сказывалось на мне. А еще страх. Как бы я не хотела показать себя самоуверенной стервой. Внутри себя я тоже боялась провала.

Пришлось громко выдохнуть, чтобы собрать мозги в кучку.

Страх. Печаль. Разочарование. Любовь. Ненависть. Агрессия. Дружелюбие. Искренность. Доверие. Спокойствие.

Десять абстрактных эмоций. С одной стороны они давали волю для передачи чувств. Но в то же время усложняли работу. Как к примеру нужно изобразить искренность или спокойствие. Но в этом и кроется прелесть.

У модели есть возможность проявить свой талант “разговора взглядом”. Заставить свою фотографию жить. Но для этого нужно вспомнить, что ты ощущаешь при этих абстрактных и в то же время точных эмоциях.

— Готова?

Ануш усаживается на свое место, а я подхожу к фотозоне.

— Мне нужно по порядку? Или вы говорите, что показать в разной?

— Мы говорим, — женщина глухо проговорила. Но я ее услышала.

Значит нужно позволить своей сущности работать. Открыть подсознанию место. А разуму отступить. Нужно суметь успокоить себя до медитативного момента. Марина была права. Это сло-ожно...

— Готова?

Вдох-выдох.

— Да.

— Агрессия, — мужчина довольно громко проговорил.

А у меня словно нет.

Я вижу фотографа. И в какой-то момент перестаю видеть всех. Вижу Свету, которая насмеяется. Вижу Ксюшу, которую обижают буллеры. Вижу Арину, которая кричит мне уходить. Вижу ту девчонку Дину, которая заносит руку надо мной.

Мои руки сжимаются в кулаки. Ноздри раздуваются. Брови сходятся над носом. Мои черты лица напрягаются, а в глазах... я чувствую как оттуда выливается огонь. Который готов сжечь.

Вспышка не ослепляет. Скорей всего я так привыкла к затвору камеры, что мне это звук не мешает для концентрации.

Три фотографии. И снова голос мужчины.

— Дружелюбие.

Выдох.

Перед глазами Люся. Когда она сидела одна в центре. И как я с ней познакомилась. Из меня волнами выходили дружеские эманации.

Мое лицо расслабилась. В глазах появилась мягкость. А на губах легкая улыбка. Не яркая. А милая. Притягивающая. Которая не пугает, а наоборот расслабляет.

Руки плавно вытянулись вперед словно для рукопожатия. И я вся вытянулась к невидимому человеку. Потому что я тянусь к другу, как и он ко мне.

Три затвора. И снова голос.

— Страх.

Когда мне было страшно?

Когда Глеб узнал про мою поездку. Мне было страшно? — Да.

Мне было страшно, когда я услышала про смерть родителей.

Мне было страшно лететь в неизвестность.

Мои руки упали. А потом слегка подтянулись вверх. Я сама себя обнимала. В глазах появились произвольные слезы. И потерянность. Кончики губ опустились. Мой взгляд поник. Мне страшно смотреть на окружающий мир. Я хочу защитить саму себя от всего опасного, что скрывается в тених. Но мне страшно поднять голову, а про защиту даже задуматься сложно.

Три щелчка.

— Ненависть.

Моя тетя. Ее отношение ко мне. К моей маме.

Вся она вызывала чувство раздражения и глухой ненависти. Мое тело выпрямилось. Потому что ненависть придает силы. Она не даст в обиду. Она даже может защитить. Мои губы сжались в плотную нитку. Глаза расширились. Голова чуть наклонилась. И взгляд получился исподлобья. Напряженный и ненавидящий. Моя поза вполборота, а руки... они словно хотят сжаться в кулаки, но и не успели еще.

Ведь ненависть — это еще не открытая агрессия. Она внутри тебя. Она питает твой огонь ярости, но не пылает в открытую.

— Доверие.

Я доверяю своим друзьям. Арине, когда высказала свои идеи. Роме, когда предложила поработать над конкурсом. Денису, когда он поддержал меня в открытую в классе.

Открытие души. Я ничего не скрываю перед ними. Я открытая книга для них. У меня нет скрытых мотивов. Я есть я. И больше ничего.

Приподнимаю голову чуть выше и раскрываю чуть объятия. Мое сердце незачем закрывать. Ведь я доверяю миру. Моя жизнь не принадлежит мне. Она ваша. На вашей в

воле.

Рот слегка приоткрывается, словно я готова вдохнуть в себя ветер веры.

И словно издали глухой голос дает новую команду.

— Разочарование.

Когда Глеб решил отстаивать свое право быть в паре со мной на выпускном балу. Я в нем разочаровалась немного. Я надеялась на его веру в меня. В мои чувства. Но он посчитал, что должен в открытую побороться с Матвеем.

Меня тогда кольнуло разочарование.

Пустота в глазах, где раньше была надежда. Опущенные плечи и голова. Словно меня всю придавило от осознания, что мое очарование было миражом. Я сама создала образ, который был неверным.

И это ощущения меня прибило.

— Любовь.

Глеб. Как он рассказывал мне о своих планах. Как он говорил о Люсе. Как он прикасался ко мне. Как любил.

Я увидела его словно он тут. Реальным и рядом со мной. Между нами не было моего выбора и желание состояться в профессии. А были только мы и наши чувства.

Едва заметная улыбка. Свет в глазах. Легкость в движениях. Ведь вокруг меня проявилась эта “любовь”. Я ею дышу. Живу. Она часть меня.

Щелчки камеры привели меня в чувства. Я слишком сильно улетела в свои воспоминания. И забылась.

— Печаль.

Смерть дяди Миши. Я его не смогла навестить. Проститься с ним в его последний путь. Ради меня он пожертвовал собой, а мне больно и стыдно.

Руки опустились. Я сутулилась. Напряглись немного мышцы лица, чтобы сдержать слезы. Которые накатывали от нахлынувших чувств. Ведь когда случилось горе, я не позволила себе в полной мере прочувствовать боль потери. Печаль окутала меня в кокон сожаления и страдания.

— Искренность.

С кем я могу искренне поговорить обо всем.

Уже наверно ни с кем. Раньше это была мама.

Да и что такое эта искренность. Она ведь проявляется во всем. Если ты только честен самим собой. Но какая я настоящая?

Я выпрямилась и слегка наклонила голову и повернулась в бок. Мой взгляд поднялся вверх. Хотя я еще нахожусь внизу, но стремлюсь вверх. Горда собой и честна. Для меня важно состояться в своей карьере. Потому что тогда я настоящая пропаду.

Не мягкая и не сентиментальна. В моих глазах нет трогательности и нежности. Я могу быть жесткой и непреклонной.

Вот моя искренность.

— Последняя эмоция. Спокойствие.

Я встала прямо перед камерой. Прямой взгляд в объектив. Вообще не рекомендуют смотреть прямо. Но сейчас это необходимо.

Расслабляю саму себя мягкими выдохами. Сейчас нужно отпустить все свои мысли и не думать. Я должна оказаться словно в пространственном пустом кармане. Где никого нет. И даже нет меня.

Руки по бокам, тело без напряжения.

Щелчок. Второй.

И тут открывается дверь и с шумом распаивается.

— Вы там такие долгие!

Янковская ворвалась и растормошила нашу обстановку.

Но ей никто не ответил. Женщина из жюри, преподаватель и Ануш смотрели на меня.

Они не могли оторвать от меня взгляда, и тогда Янковская притопнула ногой и выкрикнула.

— Вы вообще меня замечаете?

— Вообще-то, — протянула Ануш и встала около девушки. — Никто не мешает, когда идет этот вид конкурса. Какого ** ты ворвалась сюда! Ты совсем обнаглела что ли?

— Я?

— Да ты, — гаркнула Ануш и схватила модель под локоть вывела из павильона.

— Ты Малахит? — уточнил фотограф. Я ему слабо кивнула. Отрешиться от всего пережитого сложно сразу. Хочется закрыться на время и даже спрятаться. — Ты круто перевоплощалась. Даже можно сказать незабываемо. На этом все?

Он спросил это у преподавателя. Они подошли, чтобы обсудить некоторые детали. И к ним пришли ассистенты. Когда они успели войти, я не заметила.

Я обняла себя руками, а тело не смогло скрыть дрожь. Я эмоционально устала. Можно сказать выпита досуха. Решила выйти, раз все закончилось. Но мне преградила путь незнакомая женщина из жюри.

— Ксения... — прошептала она. — Вы удивительно талантливы.

— Спасибо.

— А еще вы удивительно похожи.

— На кого? — удивленно интересуюсь. Неужели она знакома была с моей мамой. Может она даже не знает про ее смерть.

— Ты словно копия ее. Спасибо тебе за сегодня. Я словно увидела ее живой.

Женщина провела рукой по щекам, пряча слезы.

А я не смогла оставаться рядом с ней. Слишком я сегодня не стабильна. Мне нужно уйти.

Вечером лежа в своей постели и устало разглядывая потолок. Я думала. Не о чем. И в то же время обо всем. Мозг пух от нахлынувших чувств и не мог успокоиться. Устало выдохнула и повернулась на бок. Уткнулась взглядом в стенку, в надежде, что усну.

Стук в дверь.

— Ку-ку, Малахит. Ты как?

— Я обглоданная курица, с которой сняли все мышца и отдали собаке.

— Понимаю. Это самое сложное задание, которое они любят давать. Многие проваливаются на нем. И можно быстро отобрать способных.

— Они после него многих уберут?

— Они ведут свои списки рейтингов каждой модели. И выкинуть всех не угодных перед вторым этапом.

— Но ведь кто-то не справился на этом конкурсе. Зачем ему доходить до конца?

— Может кто-то талантлив в других видах съемок. Бьюти, фэшн или парной. Эмоции ведь не в каждой съемке нужны. В парной более важно способность сотрудничать с партнером. На бьюти и фэшн не высвечивать самой, но круто продавать товар. Так что возможно всякое.

Киваю ей и поворачиваюсь. У нее в руках пухлый белый конверт. И она сама как-то таинственно улыбается.

— Что у тебя в руках?

— Мне передала Ануш. Твои снимки и письмо.

Приподнимаюсь и беру из рук конверт. Тяжелый.

Раскрываю и достаю оттуда множество снимков. Мои фотографии.

С каждой на меня смотрела я. Но каждый раз разная я. Один фон. Один наряд. Но такая другая.

Словно ожившие картинки.

— Ксюш, это потрясающе. Ты понимаешь, что стала еще лучше как модель. Ты где тренировалась?

Нигде.

Жизнь меня тренировала и наполняла эмоциями. И я передала свою историю камере.

— А что в письме? — спрашивает она, не дождавшись от меня ответа.

Рубин протягивает руку к сложенной белой бумажке и поднимает ее. Смотрит на меня, словно спрашивает можно ли ей. Молча ей киваю.

Я пока до сих пор пуста. Не могу чувствовать сильные эмоции. Мне нужно отдохнуть. Шальная улыбка у Марины на губах говорит о хорошей новости.

— Ты победила в этом задании.

Я отстраненно киваю и падаю на кровать.

Подруге не нужно объяснять, что со мной. Она не понаслышке знает, какого это раскрыть душу перед техникой. Она тихо собрала фотографии и положила на стол. А сама вышла.

Я лежала и не двигалась.

Рядом с моей рукой лежал телефон. Он манил меня. Взять его в руки, включить его и нажать одиннадцать цифр. Руки дрожат от напряжения, и в какой-то момент я вскакиваю и беру темный пластик в руки.

Снимаю разблокировку и даже нажимаю на нужное приложение. Передо мной цифры. Только нажми и позвони.

НО.

Тогда я дам ему надежду. Тогда он будет ждать меня. Мои звонки. Меня.

Это подло по отношению к нему. Я так поступать не буду.

Выключаю его и откидываю по дальше. Заваливаюсь на бок и закрываю глаза. Мне нельзя звонить Глебу. Нельзя.

— Ксюх, ты готова к выходу?

Марина облокотилась на проем входной двери и наблюдала за моей сумятицей. Она в джинсах, в свитере и в легком плаще ждала меня последние десять минут.

С утра оказалось, что у нее и у меня выходной. Ей не нужно было бежать в агентство, чтобы помогать готовить съемки. А мне в кой-то веки не нужно было бежать на занятия в модельное агентство или на тренировку.

На время конкурса нас все же решено было обучать. Они провели два конкурса, чтобы в начале отсеять большую часть. А потом будут проверять основные плюсы и минусы каждой конкурсантки по отдельности. Но сейчас до третьего задания они решили нас по-полному загрузить.

Мы приходили на уроки танцев, дефиле, актерского мастерства. Еще нам нужно было подтянуть знания в имидже и в моде. А в другие часы мы работали вместе с ассистентами.

Мы таскали все необходимое во время съемок настоящих моделей, готовили наряды вместе со стилистами, становились безмолвными манекенами, когда приходили модельеры.

Я уходила из своих апартаментов в семь утра, а приходила в десять.

Марина ничем не отличалась от меня. Она также была загружена в течение дня. Только к ней все же многие относились с уважением. От моделей до распорядителей. Она в течение этого года смогла заработать себе авторитет.

И это оказало вдохновляющий эффект для меня.

Когда мы с ней учились в одной модельной школе в нашем родном городе, Рубин не проявляла особого таланта в съемке или в показах. У нее была странная походка, высокая, но полноватая фигура, с брекетами на зубах.

Помню, когда она пришла к нам, многие над ней смеялись.

Но это была школа моделей, а не агентство. И там ее приняли. Потому что ее родители заплатили чуть ли не за весь курс вперед.

Местные учителя приняли ее, но и акцента на ней не делали. Мне кажется, они надеялись, что она уйдет сама. Благодаря их игнору.

Но они не знали Рубин.

Упрямото в ней было больше таланта. За год она похудела. Научилась красиво ходить. Танцевать. И приемлемо сниматься на камеру. Звезд с неба не хватало, но Марина стала уверенным среднячком. А не полнейшим аутсайдером.

У меня же получалось все. Я была их местной звездой. Но мне не удавалось с легкостью коммуницировать с людьми. Мне было тяжело сходить с другими. В чем Марина как раз таки преуспела.

Спустя время она даже со мной смогла выйти на контакт.

А сейчас я вижу, как она при помощи своей упрямоти смогла пробиться. Еще не на самый верх, но она была на пути к вершине. И это восхищало.

— Я тебе покажу всю Москву!

Радостно кричит Марина, когда мы выходим из подъезда. В первую очередь мы пошли на Красную площадь. В мои первые приезды я не ходила по достопримечательностям. А когда я была маленькой, и мы семьей отправились в этот город, мне было неинтересно.

Сейчас же я всматривалась в каждое здание. Я с интересом осматривала город. Но

слушать исторические факты мне, как и прежде было скучновато. С возрастом у меня не проявился интерес к историям вымышленным и настоящим.

Марина смеялась над моей гримасой, когда заметила ее покупки в книжном. Она была заядлой любительницей легких женских романов.

Ближе к обеду мы отправились искать место для потребления еды.

— Только давай туда, где нормально кормят. С нормальной едой. А не русский вариант иностранного деликатеса, — попросила подруга.

А это другая ее особенность. После пережитого процесса похудания Марина строго следила за своими тарелками. Для нее важно, чтобы продукты были свежими и настоящими. Так что найти ближайшую забегаловку с таким критерием трудновато.

Мы подошли к первому выбранному нами кафетерию. Я потянулась к ручке двери, но мужская рука накрыла ее первой.

Сдаваться я не привыкла даже в мелочах. Поэтому вместо того, чтобы отойти и позволить поухаживать за нами. Я хватаюсь за часть ручки чуть ниже и тяну на себя.

— Легче, Малахит. А то оторвем с тобой ручку от двери. Кто потом будет платить?

Я резко разжимаю руку и отступаю к Марине.

Насмешливый голос из прошлого. Даже немного нахальный. Он выбивает меня из колеи. Чувствую недоумение и подозрение во взгляде Марины. Она предполагает, что в моем заторможенном состоянии виноват парень. Но про Глеба я ей ничего не говорила. Не смогла.

А Матвей. Про него помнить я тоже особо не хотела.

Он человек из прошлого. Парень, который не понимал моего “нет”. И видимо до сих не понимает.

— Что ты здесь делаешь? — жестко отвергаю его помощь, я не мигающим взглядом уставилась на него.

Рубин внимательно осматривает парня. Но приходит к выводу, что у нее недостаточно информации.

— Ты кто такой, парень?

— Я? Ты про меня своей подруге не говорила? — спрашивает Матвей и тут же обращается к Марине. — Я Матвей Марков. Лучший друг и соратник Малахит. А ты кто такая?

— А я Рубин. Лучшая подруга Ксюши, — шипит Марина. — Но про тебя почему-то не слышала. Это он?

Тыкает в него пальцем, но смотрит она на меня.

Я отрицательно качаю головой, и она выдыхает.

— Тогда кто он, черт возьми?

— Может обсудим кто я за обедом? Я угощаю, — открывая дверь, приглашает он.

— Матвей, — начинаю я.

В моем голосе мольба. Он не виноват, что не вызывает во мне чувства. Он не виноват, что из-за него я вспоминаю другого человека. Которого люблю. К которому рвется мое сердце. И только усилие воли заставляет меня быть здесь.

— Это только обед, Ксюш. Мы поедем и разойдемся.

Обещает он. А мне тошно, когда я соглашаюсь. Ведь для него этого шанс на нас. Шанс, которого у него нет.

— Один обед и все.

Говорю и прохожу в кафетерий.

— Я за тобой слежу, Марков. — Маринин голос тверд и свиреп. Но у Матвея ее позиция вызывает только насмешку.

— Могла бы погулять одна ради подруги, — предлагает он. — Тогда бы не пришлось следить за мной.

— Уро-од.

Вмешиваться в их общение бесполезно. Марина не захочет отступить, как и Матвей. Ему нужен разговор. А мне нет.

Но у меня появляется новая задача.

Как показать Матвею, что мы с ним не пара.

— Ну так девушки, давайте поедим, — радостно потирая ладоши говорит Матвей и помогает нам сесть за стол.

Он последний присаживается рядом со мной, и к нам тут же подсакивает официант.

— Рады вас видеть в ресторане “Алоха”, — заученно проговаривает паренек и раскладывает меню. — Могу вам порекомендовать нашу новинку. Блюдо

— Парень, иди погуляй, — просит Матвей. — Мы посмотрим и выберем. Ты главное будь поблизости.

Официант кивает и уходит.

— Ну так девочки, рассказывайте, — улыбается Марков. — Ты сейчас в модельном агентстве?

— Откуда ты знаешь? — поражаюсь его информированностью. — Ты что ли...

— Нет, я не следил. Твоя ПОДРУЖКА рассказала.

Матвей странно скорчился на слове “подружка”. Это он про Арину? Она рассказала ему про мое агентство? А я ей тогда рассказала про кастинг? А сама забыла что ли.

— А он тоже знает? — прошептала я и наклонилась к нему.

Матвей поджал губы, но ответил:

— Я думаю, нет. ОНА ему точно не расскажет.

С минуту я замолчала.

Матвей устался на Рубин и оставил меня в покое. Мне нужно было время переварить информацию. Значит он не знает. Арина промолчала. Но в то же время она рассказала про мою поездку Матвею. Зачем? Хочет быть с Глебом? Но зачем подталкивать ко мне Матвея?

— Знаешь, я ненавижу три вещи, — пафосно проговорила Марина и открыла меню. Она зыркнула гневно на парня и продолжила. — Сырую рыбу, твердый рис и ... нахальных парней, которые имеют наглость волочиться за занятыми девушками.

Матвей фыркнул, а я улыбнулась.

Последнее точно про него. Он и нахальные, и наглый. Матвей видимо тоже оценил схожесть с ним.

— Я понял, — кротко произнес он. Приподнял уголки губ и подмигнул мне. — Я уверен, Марин, что скоро. Ты спустишь с пьедестала ненависти все три пункта. И у тебя останется всего лишь один единственный.

— Не поняла..., — взъелась Рубин и подпрыгнула на месте. — Ты о чем толкуешь, парень? Хочешь, чтобы я сырую рыбу сожрала?

К нам подлетел официант, когда Матвей махнул ему рукой. Подруга еще продолжала рычать, а Марков фыркать.

— Успокойтесь, — разозлилась я. — Давайте сначала закажем еду, а потом поссоримся.

— Рекомендую попробовать “Поке”, — запинаясь проговорил официант.

— Традиционную? — уточняет Матвей и заинтересованно разглядывает меню.

В карте не написано из чего сделано это Поке. Но на фотографии блюдо выглядит аккуратно и аппетитно. С чем-то зеленым, белым и красным. На вид красиво. Но ажиотаж парня меня смущал.

— Это гавайское блюдо, — продолжил официант. — Его делают из...

— Я буду Поке, — закрывая меню, заказывает Матвей. — Девочки, очень рекомендую.

— Я тоже, — решительно произносит Рубин и тоже откладывает меню.

— Ксюш?

— Я буду “Хули-хули”.

Отдаю в руки официанта меню.

— Ну хули, так хули, — шепчет Матвей. — И давайте нам безалкогольного лимонада и овощей.

Официант записывает заказ, повторяет и уходит.

— Вообще-то это куриный шашлык, — громко говорю я.

А Матвей улыбается и также шепчет:

— Ксюш, тебя разве ругают за хули? Зачем объясняешь?

И правда?

Мне разве важно мнение Матвея? Не особо. Но то как он повторил название блюдо, мне вспомнилось другое.

Глеб когда-то рассказал мне про свою маму. После нашей с ней встречи. Он рассказал про ее болезнь. Про ее любовь к ругани, когда наступает приступ. И то, что он отказывается материться из-за этого.

У меня тогда могли проскользнуть мат в чрезвычайных ситуациях. Но после его рассказа, я намерено отказывалась ругаться. Мне не хотелось стать напоминанием о болезни матери. И это желание не намерено вошло в мою привычку. Теперь я не могла материться вообще. словно во мне стоял блок, который регулировал, что можно говорить, а что нет.

Я познакомилась с Глебом год назад. Но за этот год он повлиял на меня намного сильнее. Я даже не заметила как он вошел в мою жизнь. Так глубоко. словно теперь я перестала собой. Я стала нами. Он и я сплелись так крепко. что теперь нас не разлучит ни расстояние, ни преднамеренная ссора.

И как мне быть?

Мне нужны воспоминания о жизни на юге. Я их не хочу отпускать. Но также я не хочу остаться привязанной к Глебу.

— Ваша еда.

Официант резво раздает наши тарелки. Марина смотрела с сомнением на свою тарелку, а вот Матвей с предвкушением. Неужели это так вкусно. Раз он ждет не дождется, когда начнет есть.

— Приятного аппетита.

Я надкусываю первый кусочек шашлыка. И это действительно вкусно. Нежный, но пряный маринад сделал с мясом нечто нереальное. Мне казалось, что этот божественный вкус может быть реальным.

Марина набрала первую ложку и отправила в рот. Она тщательно жевала по всем правилам правильного питания. Она приготовила вторую ложку. А потом третью.

Матвей ей не уступал.

— Это вкусно, — с улыбкой говорит Марина и закидывает новую порцию.

— Ага, — согласно кивает Матвей. — Сырой тунец, бурый рис и кимчи это нечто вкусное. Согласен с тобой.

Марина замерла. Ложка остановилась на полпути.

— Повтори!

— Согласен с тобой, Марина. Это вкусно, — нахально улыбаясь повторяет Матвей.

Вот засранец! Он знал рецепт традиционного поке.

Марина побледнела. А потом она резко схватилась за рот и панически оглянулась по сторонам. Я тоже завертела головой и первая заметила знак туалета.

— Марина, он там.

Указываю направление и подруга соскакивает. Она огибает несколько столов. В одном месте чуть не столкнулась с парнем. Но без особых происшествий добралась до туалета.

— Ну наконец-то, — довольно проговорил Матвей. — А то бы она нас не оставила одних.

— Зачем ты с ней так, — отодвигаю я тарелку и зову официанта. Остаться с ним мне тем более не охота. После его некрасивой подставки для Марины. Она ведь заботится обо мне. А он вызвал ее на слабо. — Ты ведь знал из чего состоит традиционный поке.

— Знал, — не отпирался Матвей. — Ксюш, как ты?

В его вопросе нет подтекста. Ему действительно важно.

Но мне нечего ему сказать. Потому что про свою раздавленность я не буду трепаться. Мне больно, что я так поступила со своей жизнью. Предала любимого. Но отказываться от того, что осталось. Я не собираюсь.

— Матвей, пообещай мне.

— Все что угодно.

— Не жди меня.

Встаю из-за стола и беру сумку Марины.

В туалете она уже проблевалась и умывалась.

— Этот козел, — вытирала лицо салфеткой и жестко кинула ее потом в урну. — Не дожждется моего помилования.

— Согласна.

— И он оказался прав, — продолжила Марина, накладывая слой помады на губы. — Теперь в моем списке ненависти только один пункт. И это этот засранец парень.

Мы с ней вышли из ресторана. Матвея за столом уже не было.

Оставшийся день мы бродили по улицам и выпили огромную кружку капучино с чизкейком. А еще мы зашли в книжный. После пережитого стресса Марина потребовала купить ей дополнительные книги. И пока она выбирала себе чтиво, я заметила нежно-мятного цвета блокнот. На нем не было страз или ярких лент. Аккуратный и без рисунка. Внутри листочки прочные и чисто белые.

Что-то во мне нашептывало взять его. И я подчинилась.

Уже дома мы приготовили ужин моделей. Смужи из тыквы, банана, корицы и облепихи заменил нам полноценный ужин. Она отправилась принимать горячую ванную с не менее горячей книгой.

А я прошла в комнату. Недавно купленный блокнот манил к себе.

На первой страницы я прописала свои цели. Мои причины нахождения в этом городе, в доме, в агентстве. Описала Глеба. И почему ему будет лучше без меня. Расписала плюсы и

минусы отношений на расстоянии.

А в конце вклеила фотографии Глеба. И там же была наша общая после похода.

Когда я закончила, наступила ночь. Мне стало легче. Словно я что-то в себе отпустила. Теперь моя память тут. Иногда я буду возвращаться к ней. Но ей полезней оставаться там. Запертой на страницах блокнота.

— С тобой точно все хорошо? — в третий раз уточнила у меня Марина.

А я в третий раз с улыбкой ей киваю.

Ее можно понять. Ведь приехала я с угрюмым выражением лица. И первые два месяца работы выглядела угнетенной, а общество мое квалифицировалось уровнем “мега-скучно”. Но сегодня я впервые встала с приподнятым настроением. А уж моя готовность работать стремительно возрастала.

Мне не нужно было медитировать полчаса перед работой или объяснять себе, для чего мне все это нужно. Я впервые встала с боевым настроением. И была готова не сдаться.

Не после того, как я собственноручно сломала себе отношения.

Сегодня у нас назначена примерка. Планируется в скором времени парная съемка, и мы к ней тщательно готовились. Нам привезли работы российского молодого модельера и наши кураторы выбрали для нас лучшие наряды.

Я пробовала представить возможные образы, которые можно показать в парной съемке. И старалась не думать, что мне придется прикоснуться к партнеру со страстью. Сегодня я акцентировала свое внимание на одежде и словах куратора.

— Я выбрала для вас парня модель, который будет с вами работать. У вас будет лав съемка на прогулке. Также выбрала локацию. Это будет парк.

Ануш повторила свои слова несколько раз. И показала нам наши осенние наряды.

С Юлианной и Дашей, две другие подопечные Ануш, она справилась быстро. Для Юлианны она выбрала кожаные брюки клеш песочного цвета и такого же цвета шерстяной жилет. Под жилетом белая блуза. Черное укороченное пальто и широкая ярко-желтая сумка.

Для Даши был подобран белый твидовый брючный костюм.

Но со мной она возилась долго. Она давала мне наряды, а после примерки с отказом кричала. И снова шла к вешалкам, чтобы найти другое.

Но в какой-то момент она замерла. Она остановилась около желтого платья из ангоры.

— Это оно, — прошептала Ануш и сняла его с вешалки.

Она подлетела ко мне и приложила его ко мне.

— Ты посмотри. Этот цвет удивительно подчеркивает твою внешность. Еще нужно подобрать медно-коричневый плащ до пола. Полусапожки на ботфортах и черную сумку. И образ готов.

Ануш с вдохновением смотрела на меня через зеркало. Казалось, что она исчезла. И провалилась куда-то далеко.

— Ануш, вам нравится подбирать образ? — уточнила у нее. Вдохновенное лицо всегда преобразует человека в лучшую сторону. А у куратора оно стало счастливым.

— Мне нравится находить образ, — ответила она. — Я вижу, что идеально подходит человеку. И что можно сделать, чтобы он стал лучше.

— Поэтому вы здесь?

— Можно и так сказать, — с улыбкой ответила она.

— Нет! Это платье занято!

Громкий голос заставил меня вздрогнуть, а Ануш напрячься. Нежность из глаз ушла, а вот жесткость проявилась.

Янковская подлетела к нам и схватила за платье. Она грозно уставилась на меня, словно

я взяла чужое платье. И не просто чужое, а ее.

— Я его отметила сразу, — шипя проговорила модель и потянула на себя желтую ткань.

— Но не сразу взяла, — отбила мяч Ануш и потянула на себя.

— Вы его не порвете? — уточнила я и отошла.

Потому как обе модели взглянули на меня огненным взглядом. Который может подпалить. Решила лучше мне отойти. Ставлю на Ануш. Она способна выиграть соревнование с королевским достоинством. А вот Янковской придется упасть попой в грязь.

— Ты права, в их разборки лучше не лезть. Ануш сможет и без тебя справиться.

Оборачиваюсь, а там женщина из жюри с фотосессии эмоций.

— Здравствуйте, — ответила я и согласно кивнула.

Спор поднимался в оборотах.

Янковская кричала все громче. А Ануш едко отбивала самые острые комментарии Ирины. В какой-то момент чужой куратор не выдержал и запричитала, взывая к вниманию жюри. Что другая команда действует против правил.

— Это надолго, — прокомментировала женщина. — Ксения, у вас минутка будет?

Я удивленно на нее посмотрела, но она приглашающе позвала меня отойти к свободной зоне отдыха. Я последовала за ней. Женщина прошла к кулеру и набрала холодной воды, разбавив ее немного теплой. Присела на диван и выпила почти половину пластикового стаканчика.

— Извини, немного волнуюсь. Можешь присесть.

Я напряглась. Она волнуется? Она хочет что-то предложить?

Одно дело если бы мужчина позвал так. То можно предположить, что это связано с интимом. К сожалению, жизнь моделей такая. Не всегда получается прорваться благодаря своему таланту. Иногда на внешность клюет кто-то состоятельный и влиятельный, кому приглянулось твое тело. Надеюсь мне не придется отбиваться от такого внимания.

Но женщина. Что может предложить она.

Свингерство? Групповой? Или она по девочкам. Или это что-то пристойное и никак не связано с интимной стороной общения.

Прохожу к дивану и сажусь. Неловко поджимаю ноги, и укладываю руки на колени.

В какой-то момент женщина подсаживается ближе и касается моей руки. Она тянет к себе мою руку и крепко сжимает.

Эмм, и что дальше?

— Ксение, то что я хочу сказать... Мне неловко. Но в то же время только вы можете помочь мне.

Эмм, что же такого я могу сделать. Но при этом это не смогут сделать другие.

— Я понимаю, что вы можете отказаться. Но я очень прошу дослушать меня до конца. И войти в мое положение. Эта просьба странная. И крайне неловкая. Возможно для вас она будет неприятной. Но по-другому я не могу поступить.

Эмм, мне как-то дурно стало. Чувствую, как сердце забилось чаще. Подмышки вспотели, а в глазах померещились красные пятна. Если она скажет, что хочет, чтобы я легла в постель к ее мужу. То я просто встану.

— Вы так похожи на нее, — с болью проговорила она.

Я резко обернулась. О чем она?

— Ладно, давай сначала, — пробормотала женщина и отпустила мою руку. Она достала из сумки сухие платочки и вытерла влажные щеки. — Меня зовут Лидия Семеновна Бойм.

Я...

— Подождите, — перебила ее я. — Вы та самая Бойм? Мастер перевоплощений?

— Да.

Офигеть! Бойм известна как мастер эмоций на фотографиях. Она не снималась в коммерческом плане. И как модель, которая ходит по подиуму не прославилась. Но как учитель. Как мастер перевоплощения до неузнаваемости. Она известна. И только в последние года два исчезла из СМИ. О ней мало писали. И казалось, что она отошла от всего мирского.

И к тому же... я пригляделась к ней. Года три назад я по ней кумарила. Я училась по ее методике перевоплощаться. И конечно, я видела ее фотографии. Но женщина, которая сидела передо мной. Была лишь тенью той, что была известна.

— Что с вами стало? — не подумав проговорила я.

— Об этом я и хотела поговорить с тобой, — грустно произнесла она. — Два года назад у меня произошло несчастье.

— Вы заболели? — посыпались от меня предположения. — Серьезная болезнь? Но как я вам могу помочь?

— Нет, девочка. Если бы это была болезнь, — смахнул с щёк наворачнувшиеся слезы. Но она продолжила. — Два года назад у меня погибла дочь. Ей было пятнадцать. Она возвращалась после музыкальной школы и переходила в неположенном месте. Но там ехал камаз. И... столкновение. Она умерла на месте.

Сжимаю руки, а у самой глаза на мокром месте. Знаю, что это такое, когда родные люди умирают во время аварий. И так внезапно. Я таким образом потеряла обоих родителей. Но каково матери хоронить дочь. Я не представляю. И не хочу представлять.

Теперь понятно почему она замерла, когда увидела меня. Она сказала, что мы похожи. А мне всего восемнадцать. Три года разницы. И ей должно быть примерно как мне.

— Сочувствую вашей потере, — хрипло проговорила я. — Понимаю вас. Сама потеряла своих родителей в автомобильной катастрофе.

— Ксюшенька, — пролепетала женщина. — Прошу тебя, я могу тебе помочь с рекомендациями. Могу помочь с карьерой. Может даже с конкурсом. Но прошу, помощи.

— Да как я вам помогу. Я ведь не смогу стать вашей дочерью, а вернуть ее тем более не смогу.

— Но ты можешь отдать мне свою часть, и у меня появится малыш, — выкрикнула она, неожиданно громко, и закрыла глаза.

Что?

Я уставилась на женщину и не могла понять о чем она. Какой малыш? При чем тут я?

— Вы о чем? — с трудом выговорила я. — Я вас не понимаю.

— Я все узнала, — затараторила Лидия Семеновна. — Я не могу родить. Стресс из-за смерти дочери извел мой организм. Но я нашла суррогатную маму, которая вынесет мне ребенка. Но я долго не могла найти донора яйцеклетки. Я не могла выбрать любую. Мне бы хотелось, чтобы малыш был похож на нее. На мою девочку. А тут ты. Ты копия ее. Поэтому я прошу тебя. Дай мне яйцеклетку. Я смогу вырастить малыша. И он не будет нуждаться ни в чем. Я буду любить его. Помогите мне.

Она опустила свою голову на мои колени и тихонько заплакала. Я с трудом могла думать, не то что говорить. Мне было безумно жаль эту женщину. Безмерно талантливую и несчастную.

Но готова ли я помочь ей? Ведь это значило отдать СВОЕГО ребенка. Смогу ли я?

— Простите, Лидия Семеновна, — она поднимает голову, а я резко встаю и отхожу от нее. — Мне нужно подумать. Мне сложно выдать вам свое решение сразу.

И убегаю. Ануш как раз звала меня. Видимо она смогла вырвать платье. Подумаю о предложении чуть позже.

— Ты чего такая задумчивая, — пихает меня Марина, как только мы перешагнули порог нашей квартиры. — Всю примерку такая отстраненная. Хотя нет, подожди, — замахала руками девушка. Она скинула свои туфли и с блаженным видом задвигала пальцами ног. А потом подняла свое удовлетворенное лицо и улыбнулась. — А теперь объясняй, что с тобой.

— На самом деле, я тебе смогу все рассказать. Только если достанешь, что-нибудь из запасов, — поджала я губы и устало присела на пуфик, стоявший в прихожей.

Она озадаченно на меня посмотрела, но молча прошла на кухню. Залезла на верхнюю полку и достала оттуда бутылку белого вина. Я скинула обувь у порога и проследовала за ней. Марина налила немного вина себе, и побольше мне.

Первый бокал залетел в меня за секунду, и я попросила еще. И только когда второй раз мой бокал опустел, я устало взглянула на подругу.

— Меня попросили дать им свою яйцеклетку, для будущего ребенка.

Марина выпучила глаза и выпила за раз свой бокал. Наполнила в третий раз мой и повела меня к обеденному столу. Усадила меня, устроилась сама напротив.

И я начала свой рассказ о приватной встрече с Бойм...

— Вот так вот, представляешь, — выдыхаю после долгой речи и отмечаю, что Марина не перебивала меня. Даже вопросов не задавала. — И как мне быть? Разве я могу отдать яйцеклетку. Но она так страдает. Мне даже плохо стало от ее просьбы. И от боли в ее глазах.

Делаю глоток белого вина. Меня сильно взволновала просьба, раз только алкоголь помог мне успокоиться.

Марина держала в руках бокал, а ее локти лежали на столе. Она вытянула губы и долго думала над моими словами.

Я же допила бокал и отставила его. Мне завтра вставать рано. А если переборщу с выпивкой, то встану усталой и опухшей.

— Но ты ведь отдаешь не ребенка, а яйцеклетку, — начала Марина.

— Я это понимаю, но в будущем эта клетка станет ребенком. Моим ребенком. Как ты это представляешь. Я буду значит где-то там. А мой ребенок где-то здесь. Я что ли по твоему совсем кукушка?

Забываю о здравомыслии и подвигаю себе бокал с бутылкой. Наклоняю последнюю, чтобы налить себе еще вина. Но Марина выхватывает из моих рук зеленоватое стекло и убирает подальше.

— Тебе хватит, — твердо произнесла Рубин. — А теперь слушай. Ты не кукушка. То, что тебе хочется помочь несчастной женщине, получить ребенка, который похож на ее умершую дочь. Это хорошие чувства. Ты не продаешь его. Ты не используешь его. Хотя некоторые на минуточку продают свои клетки направо и налево. Чем ты хуже. Мужчинам значит можно раздавать свои клетки на создание детишек, а женщинам зазорно что ли? Где справедливость?

— Она мне предлагала помощь в карьере, — прошептала я.

— Это естественно, — ответила Марина. — Я бы удивилась, что она не предложила все свои деньги тебе. Ради того, чтобы иметь ребенка. Но Ксюш, выбор за тобой. Это правда. Не ты не сделаешь ничего плохого, если согласишься. Также ты имеешь полное право отказаться. Не стыдись своего выбора. А принимай его с честью.

Я вернулась в свою комнату и устала в потолок.

После примерки мне Ануш вручила визитку Бойм. И теперь карточка лежала в центре кровати. Я смотрела в потолок, чтобы не смотреть на кровать. Но я не удержалась. Устала на постель и не могла отвести свой взгляд от маленькой картонки.

Кто-то другой родит моего ребенка. Кто-то другой будет воспитывать его и любить. А я не буду знать о нем ничего.

Но я сама когда-нибудь рожу своего? По своей воли. По своему желанию.

Я не мечтала о материнстве. Я не думала о семье, о свадьбе. До тех пор, пока не встретила Глеба. Он заставил меня задуматься об этом. С ним я захотела об этом помечтать. Я бы с радостью родила ребенка от него.

НО.

Я не с ним.

Я вряд ли вернусь к нему. А значит, я вряд ли рожу ребенка. Но я могу иметь ребенка вдали. Кто-то будет любить его. Кто-то в нем будет нуждаться. Возможно он даже изменит мир хотя бы одной женщины.

Достала свой телефон и вбила в поисковике “донорство яйцеклеток”. Информации повалило на меня, и заставило растеряться. Что делать? Что открыть первое.

Банки...

Процедуры...

Сколько платят...

Последствия...

Как решиться...

Особенности программы...

Столько всего и даже не знаешь, что первое нажать. Пока не увидела...

Истории Ольги, которая трижды становилась донором яйцеклетки.

Я читала слова этой неизвестной Ольги. Ее страхи и мысли. Как вначале она стала анонимным донором. Как было страшно идти на операцию. Что пришлось сделать и каким образом.

После прочтения статьи внутри меня созрело странное чувство. словно моя пустота наполнилась светом. Я помогу другому и мне не нужно ничего в ответ. Он будет счастлив благодаря моей помощи. Просто ему помочь.

А внутри меня созревало мое солнце. Меня наполнил свет, и пустота отступила.

И невероятное чувство — это правильный поступок.

Я взяла визитку и открыла контакты.

Номер телефона вбивала быстро, чтобы не передумать. И ответили мне сразу.

“Ксения?”

В голосе Бойм столько надежды. Теперь я точно не могла отступить.

— Мы можем сегодня встретиться и обсудить детали?

”Да.”

— Говорите адрес, я приеду.

Я собралась за рекордное время. А когда вылетала из квартиры, Марина с улыбкой провожала меня.

Я подъехала к ресторану и вошла внутрь. Лидия Бойм меня уже ждала.

— Спасибо, тебе Ксения.

— Пока не за что, — сурово ответила, и Бойм замолкла. Я села за стол и сделала пару

глотков воды. — У меня несколько условий.

— Говори.

— Я сегодня прочитала про донорство яйцеклеток. И поняла, что мне предстоит несколько недель курс гормонов. Ведь так?

— Да.

— Потом сама операция. И после нее нужно отойти. Там ведь с наркозом все делается.

— Все верно.

— Обследование тоже нужны.

— Да все так.

— У меня конкурс. Я бы не хотела быть в отстающих из-за помощи вам. Нужно будет составить наши встречи с врачом и мой график. И...

— Я договорюсь с Ануш. Чтобы тебе дали выходные, когда нужно отлежаться.

— Но простите, как вы сможете. Вы же не главный член жюри в конкурсе.

— Верно, я его председатель и один из организаторов, — я немного опешила. То есть я сейчас говорю с той, что продумывает все задания и принимает решение в результатах. Той, что будет потом решать, кто полетит в Париж? — Я могу, чтобы ты выиграла без конкурса, если хочешь. Но мне бы этого не хотелось.

Лидия посмотрела на меня исподлобья. Немного нахмуренная, словно уже придумывала как отдать место мне.

— Нет-нет, — отмахиваюсь я. Мне еще не хватало нечестной битвы. Я в своих силах уверена. — Помогите только с выходными. Чтобы моя помощь вам не испортила мои результаты в конкурсе.

— Знала, что ты хорошая девочка.

После ее слов, мы замолчали. Я пыталась представить, что буду делать во время курса гормонов. Пыталась успокоиться. Но у меня не особо получалось. И как попросить ее, чтобы о нашей договоренности никто не знал. Не подумает ли она, что я стыжусь. Хотя мне не хотелось домыслов со стороны соперников. Они и так меня недолюбливают.

— Ксюш, — Лидия Бойм коснулась моей руки и потянула к себе. — Я если честно уже поговорила с Ануш. Она согласилась согласовать наши встречи. Об этом никто не будет знать кроме нее и меня. Все важные съемки и встречи ты не пропустишь, я обещаю.

— Тогда я согласна, отдать вам мою яйцеклетку.

Сказала, а у самой словно гора с плеч. А свет заструился по моим венам. Как же приятно помогать.

— Доброе утро, Ксения. Я доктор Виктория Никифорова. Я веду процесс оплодотворения суррогатной матери будущего ребенка Бойм. Пройдите за мной, поговорим.

Невысокая пухлая брюнетка приветливо улыбнулась мне и повела меня в кабинет. На двери висела табличка с именем девушки и ее должности. Врач-гинеколог.

Светлый кабинет. По центру несколько кресел для посетителей. И рабочий стол. Это моя первая встреча с доктором, который будет непосредственно заниматься выниманием из меня яйцеклетки и переноски ее в суррогатную матку.

Марина похвалила меня. Что было странно для меня. Моя подруга слишком эмоционально отреагировала в этом вопросе. Почему-то человек, который не любил вникать в проблемы других, эту историю она приняла близко к сердцу. Не замечала за ней такую сентиментальность.

— Вы волнуетесь? — доктор села за свой стол.

Я подошла к креслу и неловко приземлилась на место. Нервно растянула губы и прошептала.

— Нет, — соврала я.

Виктория понимающе на меня взглянула. Не я первая приходила в этот кабинет с сомнением и в то же время желанием помочь.

Я прошла полное медицинское обследование до моего прихода сюда. И раз меня сюда пригласили то результаты по моему здоровью — отличные. Об этом меня предупреждала Лидия. Она оплатила поход в частную клинику для проверки здоровья. Если бы у меня все было плохо. Не каждая модель следит за здоровьем своего тела, а не только фигурой. То она бы отказалась от безумной идеи использовать мой генетический материал.

— Каждая женщина, которая приходила сюда впервые — волновалась и переживала. О процедуре донорства идут разные слухи. А некоторые мифы поражают своей..., — доктор на секунду прервалась, взмахивая руками. Видимо описать всю суть проблемы ложного восприятия людьми донорства она не могла. — Но могу сказать, Ксения, здоровому женскому организму бояться нечему.

Молчу.

Я прочитала много статей по этому вопросу. И да. Статистика говорит о многом.

Но у меня есть один момент, который волнует.

— Доктор...

— Виктория. Лучше зовите меня так.

— Хорошо, Виктория. Но я ни разу не беременела. Тем более не рожала. У меня первый секс был летом. И то несколько раз. От этого зависит исход операции.

Виктория хмыкнула, но не прокомментировала. Все же моя сексуальная жизнь не такая роскошная по меркам современного общества. А уж по мнению общества... Моя профессия тоже имеет много домыслов и мифов в народе.

— Ксения, скажу так. После родов проводить стимуляцию гормонами проще. Потому что организм знаком с таким процессом. С вами. Так как ваш организм ни разу не встречался с таким уровнем гормонов. Поэтому мы будем вас дополнительно стимулировать. Чтобы для начала ваши циклы с суррогатной матерью совпали. Для вас... Точнее для вашего организма этот процесс будет шоком. Может заболеть голова. Может быть перепад

настроения. Как при тяжелой версии ПМС. Если доктор неправильно дозирует гормон, тогда могут вылезти самые неприятные последствия. — Доктор помолчал нагнетая ситуацию. Специально она это делала или нет. Мне не понятно. Но из-за ее слов я не успокаивалась. — Это отечность конечностей и полнота. Но я вам клянусь, за дозировкой я лично слежу особенно тщательно.

Я молчала.

С физической стороной донорства разобрались. Но как быть с тем фактом. Что я хочу помочь бедной женщине. Но меня не отпускает мысль, что я отдам своего ребенка чужому. И это гложет меня.

Мне неловко спрашивать об этом. Словно я истеричка, которая успела согласиться. Но делаю отступные.

Но Виктория профессионал. С большой буквы.

Она встала со своего кресла, налила воды в кружку и присела на соседнее место. Она протянула мне кружку, и я сделала несколько жадных глотков.

— Тебе кажется, что ты отдаешь своего ребенка? Ты мучаешься мыслью, что ты за мать. Раз готова отдать своего ребенка чужому. Ведь так?

Отчаянный взгляд. Я резко вскидываю голову, а потом опускаю. Не могу смотреть. Она права. Она словно прочитала мои мысли слово в слово. Мне кажется, что я и своих — рожденных мной детей смогу бросить где-нибудь, когда-нибудь. Раз способна отдать свою яйцеклетку другой.

Виктория молча отобрала кружку и взяла мои руки в свои. Она сжала их.

— Посмотри на меня, Ксения. — поднимаю голову. — Ты не отдаешь своего ребенка, которого ты зачала. Ты не безалаберная мать. Ты даже матерью будешь являться лишь номинально. И то, только потому что помогла родиться. Ты помогаешь другой женщине стать матерью. Лидия и ее муж с трудом пережили смерть дочери. И они оба хотят этого ребенка. Лидия не может зачать и родить. А пробовала она много раз. Но здоровье купить нельзя. Это общеизвестный факт. Ее муж будет биологическим отцом. Но благодаря тебе, они станут во второй раз родителями. Благодаря тебе, ребенок будет похож внешне на их дочь. Для них младенец будет отрадой. Как продолжение их жизни. Ты можешь подарить им смысл жить дальше. Благодаря тебе.

Ее слова западают мне в душу.

Я словно дарю помощь. И мне не нужно ничего в уплату. Благодаря мне человеку станет хорошо.

Я снова ощутила свет в моей пустоте. Словно во мне разрослось солнце, которое растет и увеличивает мощность.

Может мне действительно заняться благотворительностью, раз мне она облегчает чувство вины.

— Хорошо, — киваю я. — С чего начинаем?

— Пойдем познакомимся с суррогатной матерью. И должна подъехать Лидия.

Я прошла по коридору за Викторией. Светлый дизайн приятно гармонировал с постерами. На каждом говорилось о пользе донорства, радости родителей, которые не могут иметь своих детей, но у них появился этот шанс. На многих мелькали младенцы и счастливые родители.

Мы проходили окно, но я заметила во дворе большую толпу ребятишек от года до пяти лет. За ними приглядывали взрослые, но дети радостно пищали и бегали друг за другом. Эта

картина меня остановила, и я замерла.

Виктория не сразу заметила, что я затормозила. Она тихо подошла ко мне и объяснила:

— Эти дети появились благодаря нашей клиники.

— Они все из пробирки? — поразилась я и внимательнее присмотрелась к родителям.

Я искала в их лицах что-нибудь негативное. Почему-то мне казалось, что они чувствовали в этих детях не родное, поэтому невольно отталкивали.

Только я не находила этих эмоций.

Одна лишь безусловная любовь. Они, мужчины и женщины, стояли с распахнутыми глазами и широкими улыбками. Они по очереди посматривали на малышку. Но они были счастливы. Счастливы иметь детей. Родить их. Стать родителями. Стать большой настоящей семьей.

И я, черт возьми, могут подарить этот шанс одной женщине.

Могут дать возможность взять на руки своего ребенка. Ее ребенка. Не моего. И тут вопрос не генетики. А желания. Желание быть матерью и иметь ребенка.

— Ксения?

— Я сделаю все, как вы скажите. Только прошу — сделайте так, чтобы ни яйцеклетка, ни моя деятельность не пострадал.

— Можете мне доверять.

Виктория повела меня дальше. Мы проходили мимо огромного стенда с детскими рисунками, отзывами родителей с их счастливыми фотографиями.

— А как по вопросы анонимности? — уточнила я.

— По-разному, — после минуты ответил доктор. — Кто-то приводит как Лидия похожих людей, согласных на сдачу биоматериалов. Но это крайне редко. Психологически очень сложно отдать определенной паре свою клетку, которая потом станет ребенком.

— А чаще?

— Анонимная сдача. А потом пары приходят и ищут по каталогу описания внешности будущих себе детей.

— Суррогатных матерей тоже вы предоставляете?

— Да, — с улыбкой произнесла Виктория. — Мы можно сказать предоставляем весь спектр. От сбора биоматериала, до родов. Иначе говоря выдачи результата в виде ребенка.

Не отходя от кассы.

Мы вошли в приемный кабинет.

В нем сидели Лидия и молодая девушка. Невысокая шатенка с дружелюбным взглядом. Такие девушки любят всех, как по-моему.

— Ксения, это Лена, — представила мне девушку Лидия. — Лена, это Ксения. Донор яйцеклетки.

Мы пожали руки, неловко улыбнулись и присели на кушетку.

Мда, тут по факту сидят три матери. Одна биологическая, вторая суррогатная, третья официальная.

Неловкая ситуация. Но ради помощи можно потерпеть.

— Давайте начнем, — взяла бумаги со стола Виктория. — Ксения, начнем с вас. У вас только что закончились менструации. Ведь так? — киваю. — Вы здоровы и молоды. Поэтому для вас мы проведем короткий протокол. Сегодня я дам вам таблетки с гормонами. И уже сегодня вы начнете принимать их в течение десяти дней. За эти дни вам нужно будет сдать дважды кровь и посетить узиста. Если все хорошо, то через десять дней мы запустим

триггер.

— Триггер, — хрипло повторила я.

Меня пугала вся эта информация, но в то же время успокаивала. Виктория профессионал, который понимал, что нужно давать и что делать.

— Верно, — кивнула она. — Триггер. Он запустит усиленную овуляцию. Он поможет твоему организму созреть сразу несколько фолликул. После этого через 35 часов мы проведем пункцию и заберем у тебя яйцеклетку.

— А фолликулы это что?

Я задала вопрос. А потом вспомнила биологию. Это я так переволновалась что ли? Раз не могу нормально соображать.

— Фолликул — это то из чего родится ребенок. — продолжила Виктория. Потом она посмотрела на Лена. — Лена, у вас примерно такой же цикл.

— Менструации скоро закончатся, — подтвердила сурмама.

— Тогда мы постараемся сделать так, чтобы через несколько дней после забора материала у Ксении и оплодотворения, мы провели ЭКО вам. Тем самым мы сократим нахождения зиготы вне матки до минимума.

— Хорошо.

— А как дела со спермограммой мужа? — с волнением уточнила Лидия.

Виктория посмотрела на нее с грустью, но продолжать разговор при нас она не захотела.

— Елена, приезжайте в центр как только у вас закончится менструация. А вы, Ксения, держите гормоны. По одной каждый день. Начните прием завтра с утра. И пьете их строго с утра и запивайте водой. Хорошо?

— Я поняла, — с дрожащей рукой я забрала коробочку.

— Не бойтесь, Ксения. Все будет хорошо, — кивнула мне Виктория.

Я попрощалась с Лидией, и мы с Леной вышли из приемного кабинета.

Мы с ней не говорили. А также молча проследовали на выход, и подошли к метро. И только там молча друг другу кивнули и разошлись в разные стороны.

Сумка словно нагрелась от нахождения внутри гормонов. Мне было страшно. Я сидела в метро, а передо мной семья. Папа, мама и двое детей. Мальчик и девочка. Им где-то было по пять. Муж стоял, а жена сидела. И у нее был огромный живот. Ей было тяжело, но она улыбалась.

— Я ведь тебе говорил, — возмущался мужчина. — В метро душно. Воняет. Это в конце концов опасно. Вдруг рожать начнешь.

— Родной, но мне так хотелось проехаться в метро. Не злись, — улыбается в ответ она и поглаживает живот.

А мужчина тоже улыбнулся. Он посмотрел на детей, потом на живот и выдохнул. Он любил их. Они были счастливы со своими детьми.

А я дам снова повторить этот опыт быть мамой Лидии.

Сумка перестала отвлекать меня. Я достала свой телефон и зашла в календарь. Нужно разобраться со своим графиком и купить продукты. Теперь не только Марине важен мой рацион.

Я захожу в агентство на место сбора. Тепло окутывает меня после холодного ветра осени в столице. Сегодня я впервые захватила с собой шапку и шарф, но сбивающий с ног ветер морозил в это утро похлеще сибирского мороза.

Дойти до агентства казалось опасным мероприятием. Только это мелочи по сравнению с тем, что нас ожидало в этот день. Ведь именно сегодня нам предстоит парная съемка вместе с партнерами парнями. Для нас Ануш выбрала локацию на улице. На крыше здания, где находится наше агентство. Съемка в стиле “лав стори”. И если признаться, мне было малость не по себе.

С одной стороны я свободна. Я могу ходить на свидание. Могу встречаться с мужчинами. Могу даже заняться сексом с понравившимся парнем. Но официальный факт ничего не значит по сравнению с моими чувствами. Мое сердце принадлежит одному мужчине. И оно считает, что я ему изменяю. Если позволю обнять себя другому. Поцеловать. Про большее я вообще молчу.

Захожу в комнату, где девушки переодеваются. Им делают прически и макияж. Наши локации в двух шагах от агентства. Крыша, парк, соседняя улица и площадь. Но основную массу работу наши мастера проделают здесь. На месте только подработка испорченного.

Делаю шаг. И чувствую как мои ноги подкашиваются. Слабость от кончиков пальцев до головы. Словно я вошла в зону высасывания сил. И мне срочно понадобилось сесть. Маленькими шагами перемещаюсь по стеночке к дивану и присаживаюсь. Нужно перевести дух.

По симптомам — это действие гормонов. Я принимаю их уже несколько дней. А вчера я ездила на плановое узи со сдачей крови. По результатам у меня все хорошо. Но такие минимальные изменения в моем организме естественны. И будут происходить со мной чаще. Еще пару недель.

Вдыхаю пару жадных глотков воздуха, а потом передо мной появляется стакан воды.

Поднимаю голову и вижу Ануш. Она молча протягивает мне пластиковый стаканчик, и я резко его забираю.

Вода. Об этом я тайно мечтала, пока сидела. Выпиваю все до капли под внимательным взглядом Ануш и возвращаю ей стакан.

— Не смей тут падать в обморок, — проговаривает она. И уходит.

Все правильно. То, что я согласилась помочь Лидии не значит, что я имею послабления в конкурсе. Максимум, чтобы операцию не поставили в один день с конкурсом.

Выдыхаю и встаю. Пора готовиться к съемке.

В зоне отдыха видны парни модели. Они пили кофе и весело общались. Их четверо. По одному на каждую группу. Их видно через прозрачную стенку. Они переговаривались, но при этом оценивали нас. А мы в это время наряжались и переодевались.

Фуу.

Они что не могут хотя бы из вежливости отвернуться. Морщусь и иду к стойке, где должен висеть мой наряд.

Только его там не было. Или был, но остались ошметки странного материала. Который даже предположительно не мог быть платьем из нежной ангоры.

— Ануш, — позвала я, оглядываясь.

Прошла к стойке, где стоял куратор и позвала ее снова.

— Ануш, у нас проблема.

— Я ведь сказала тебе, Малахит. Не смей падать в обморок. Это твои проблемы, что согласилась на благотворительность. Если тебе нужно куда-то бежать, то будь так добра выбирать, что важнее.

Она продолжила говорить о моей “миссии”, пока я не кашлянула и не привлекла внимание модели.

— А я думала вы понимаете друг друга, — со смешком проговорила я. — А вы оказывается на ножах.

— Мы понимаем друг друга, до тех пор пока она не переманивает мою кандидатку для своих целей.

Хмуро ответила Ануш.

Она наконец выдохнула свой гнев через свои слова и обернулась ко мне.

— Ты почему еще не переделась?

— Потому что от моего платья осталось одни нитки, да шерстянка, — рассматривая ногти ответила я.

В моей голове стали мелькать идеи, как выйти из ситуации победителем. Но гениальной их не назовешь. Хотелось больше всего ответить тем же. Разорвать чье-то платье или насыпать стекла в обувь. Но так поступать я не собираюсь.

И хоть столь мерзкая подлянка свершилась. Оно только доказывает, что у меня шансов больше, чем думаю я. Кто-то не хочет моей победы и решил действовать радикально. Раз не может победить честно, остается подло.

Поэтому испортил мой наряд. Ведь парная съемка станет основой частью выбора участниц для второго этапа.

Что делать?

— Что-о! — взревела Ануш. — Кто посмел?

Модель подлетела к стойке, где висел когда-то мой наряд и ахнула. Мои слова были правдой, а что делать со мной подвластно решить только ей. Нашему куратору.

Из всех представленных нарядов модельерами остались не самые лучшие варианты. Поэтому остается выбрать более и менее неплохой вариант, чтобы выйти на следующий этап. Но работы для меня только прибавляется. Раз одежда на мне будет скучной, тогда я усложняю себе задание. Мне придется извратиться и сделать историю на фотографии интересной. Страстная история или драматичная. Больше чувств со стороны меня в отношении незнакомого парня.

— Вот мразь, — прошипела Ануш. — Янковская точно доиграется.

Опа, значит это агрессия даже обращена не на меня, а на моего куратора.

— Она так поступила из-за вас?

— Я однажды вырвала из-под ее носа очень важный контракт. Хотя агентство искало девушку с ее внешностью, они выбрали меня. А она до этого была основной фавориткой. Особенно после ее танцев перед спонсором.

Опа, а слухи все же правдивы по отношению Янковской.

— Не беда, — неожиданно спокойно проговорила модель. — Я предполагала такой поступок и сберегла другое платье. Оно хорошее. Но тебе будет холодно в нем сниматься. Еще сегодня как назло похолодало. Поэтому твоя задача отсняться быстро, но качественно. Тебе сейчас болеть запрещено. Даже простывать нельзя. Особенно после твоего соглашения

с Бойм. Поняла? Быстро и качественно.

Ануш резво побежала в сторону отдельных шкафов и вытащила из своего черного платье. Обтягивающий верх, обнаженные плечи, но с длинными рукавами. Юбка платья расходилась от талии куполом и должно достигать примерно моих колен. А еще она достала бурую меховую пелерину.

— Держи, — протягивает мне платье куратор. — Это не совсем тот образ, который мы изначально выбрали. Но делать нечего. Возьми черные плотные колготки и также коричневые замшевые ботильоны на маленьком каблуке. Сумку я тебе сейчас принесу.

Через минуту она принесла мне клатч. Черный с бурыми линиями, которые образовали едва заметный рисунок цветка.

Она отошла на пару шагов покривила губами, но потом согласно кивнула.

— Сойдет. Макияж легкий, с акцентом на губы. Прическа собранная кверху. Лучше всего подойдет элегантный пучок. И пару локонов отпустить.

Она привела с собой мастера и повторила свою идею девушке. И все.

Меня взяли в оборот. Тридцать минут меня крутили и вертели в разные стороны. Мои волосы дергали, расчесывали, подпаливали утюжком, а потом подцепляли шпильками. Макияж несколько раз наносили, а потом снимали. Потому что Ануш не нравился цвет теней или губ.

Потом меня наконец отпустили, чтобы я переделась. Но и потом кто-то постоянно кружил вокруг меня. То, что-нибудь подправить, либо изменить.

— Во-от!

Удовлетворенно произнесла Ануш.

Я не успела обрадоваться, как ворвались в зал жюри, а позади них плелась Янковская.

Это выглядит слишком подозрительно. Если поблизости эта модель, то это признак подставы что ли. Новая примета этого конкурса?

— Участницы и их кураторы, слушайте объявление, — распорядитель вышел вперед и поднял руки, чтобы призвать к тишине. — Мы изменили условия последней съемки. Вы будете сниматься все в одной локации. Но так же поделенные на группы.

— А почему?

Ануш выступила вперед и скрестила руки на груди. Честно хотела повторить ее жест. Поведение жюри настораживает, а вдруг изменившие условия съемки злят.

— Потому что нужно оценивать конкурсанток по одинаковым условиям. А если у кого-то локация лучшая, а у кого-то сложнее. Так будет некомфортно оценивать.

Бросаю взгляд на Янковскую, а у нее очень мерзкая улыбочка на губах. Она мне сейчас напоминала Светку, когда устроила подлянку. И к ее счастью, она удалась.

Неужели это опять оно то самое.

— Ануш, — подхожу ближе к своему куратору, но меня резко обрывают взмахом руки.

— И никто вас не надоумил на эти “изменения”? — тихо уточнила девушка, и шагнула вперед.

Распорядитель оглянулся на главное жюри и тогда выступил статный мужчина и писклявым голосом просипел.

— Нам помогла кураторша. И мы действительно ей благодарны. Нам предстоит и так слишком много работы. А с разными локациями мы бы усложнили условия конкурса.

Я поморщилась.

Вот как так. Внешне статный на все сто мужчина. Широкие плечи, высокий, крупные

черты. А голос... писклявый. И кто-то его ведь постоянно слушает.

Ануш тоже заметно дернулась на его голосе.

— И на какой тогда локации будем “все” сниматься?

— Локация номер 3, — запищал мужчина и вышел.

А вслед за ним и остальные.

— Стерва, — прошипела Ануш, глядя на Янковскую. — Вот же стерва.

— Почему? — уточнила я.

— Потому что это наша локация. И она была лучшей. Эта стерва передо мной выбрала самую сложную локацию. А потом поняла, на что обрекла своих девчонок. А теперь, чтобы хоть как-то исправить ситуацию, она смогла изменить правила игры.

Куратор сжимала руки и отправилась в сторону зоны отдыха.

— Ануш, — окликнула ее я. И она остановилась. Но поворачиваться не торопилась. — Вы от победы своих подопечных что-нибудь выигрываете?

Она обернулась и кивнула.

— Мы тоже присоединимся к работе с модельерами во Франции.

— Твоя группа справиться, — попыталась подбодрить я.

Она мне не ответила. Она просто развернулась и пошла дальше.

А я пошла настраиваться на съемку.

...

Самое сложное в парной съемке — это суметь показать себя и показать вашу командность. Приходится открыться эмоционально и начать чувствовать другого. Но еще сложнее, когда твой партнер другого пола.

Бывали случаи, когда партнеры во время откровенной съемки забывались. И тогда возникало напряжение, а потом и возбуждение. С этим у меня проблем не было. Я вообще было очень закрытой на такие чувства. Чувства сексуального притяжения. Только Глеб смог разбудить во мне эти желания. Мне сложнее давалось не контролировать возбуждение. Как основная проблема у других ребят моделей. А наоборот открыться.

Локация номер три находилась на крыше здания, где находилось агентство. Я выходила самая последняя. Потому что на мне был самый легкий наряд из всех. Сегодня самый холодный день этого месяца. И поэтому по моим рукам бегали мурашки. От холода и неожиданной мерзости к себе. Мне скорей всего придется позволить чужому парню прикоснуться к себе. Руками, ногами, возможно губами. И еще до самого процесса я уже чувствую отвращение к нему и к себе.

А еще кружилась голова. Не сильно. Но приятного от этого было мало.

Я подошла к своей группе. Девочки весело щебетали. Для них это приятное приключение и возможность пообжиматься с красивым мужчиной. Крайне редко бывало, чтобы мужчины модели не были красавцами. Это их несомненно единственный плюс.

— Так девочки, — Ануш подлетела к нам и небрежно перекинула свои волосы. — Первая группа для съемок выйдут модельки Ловкач. Потом Янковской. А мы третьи. Я бы вам сказала идти греться. Но вам лучше посмотреть как они будут сниматься. Они ваши соперницы. Поняли?

Девочки кивнули, и я с ними.

— К вам сейчас подойдет ваш “любимый” и вам нужно с ним познакомиться. В этом плане Ловкач сложнее. Потому что они первые и время на общение в обрез.

— Нет худа без добра, — с улыбкой произнесла Юлианна.

— Ты права, — отметила Ануш и убежала.

Вместо нее к нам подошел красавчик.

Девчонки повздыхали и тут же начали флиртовать с ним. Его зовут Олег, и да, он модель уже два года. Но в этом агентстве всего пару месяцев. Высокий парень с широкими плечами. Узкий таз и на животе скорей всего можно увидеть кубики пресса. В его взгляде мелькали огоньки нахальства и наглости. И такой красавчик несомненно понимал как влияет на девушек.

Одурманивающе.

На всех. Кроме меня.

Я смотрела на него. И видела манекен. Красивый, впечатляющий и ухоженный. Но мне не хотелось заглянуть в его душу. Мне даже не хотелось снять с него одежду.

Матвей пробуждал во мне гораздо больше чувств, чем эта кукла.

Но этой кукле понравилась я. К сожалению. И к моему ужасу, он подумал, что мой игнор искусственен. И я специально не смотрю на него, чтобы привлечь еще больше его внимания. Может, конечно, у меня самомнение зашкаливает.

Или я к своему несчастью права. И его желание подойти ко мне ближе и прикоснуться происходят по причине заинтересованности во мне.

Ладно, я с этим справлюсь.

На площадку вышла Регина.

К ней присоединился блондинчик. Милый и ангельский. С ее королевской внешностью казалось, что он ее верный паж. И она это тоже поняла. Поэтому она ставила себя на некоторую возвышенность. Словно она позволяла себя любить. И в то же время сама нуждалась в этих чувствах. Она пылала, но скрывала. А он таял от ее загадочности и красоты.

Сработались они быстро и качественно.

Две другие модели от Ловкач сработались с моделью хуже. Но смогли показать себя. Хоть не смогли скоординировать совместную работу.

Дальше пошла группа Янковской. Первая и третья работали на откровенную страсть без загадок. Я тебя хочу, а ты меня. Давай покажем это. Их парень модель справился. Он показал как он их хочет. Но изюминки мне не было видно. А вторая конкурсантка Милка. Та самая девчонка, которая ловко подставила девушку на первом задании выполнила работы блестяще. Без загадок. Простая история любви. Но ей удалось посмотреть на него с внутренней нежностью. И это озадачило. Казалось, что эта Милка пустая. А вот оказалось, что нет.

И теперь настала наша очередь.

Я пропустила перед собой Юлианну. Потому что была не готова.

Но в какой-то момент моя отстраненность сыграло со мной в шутку. Я не заметила как пришла моя очередь. Для меня это стало шоком.

Олег радостный ждал меня на площадке. Он предложил присесть к нему на колени. А я смотрела на него. И не могла. Что-то во мне говорило, что это неправильно.

Ануш подлетела ко мне и зашипела на ухо.

— Ты долго собираешься медитировать перед парнем. Мы ведь не ваш секс на камеру снимать будем. Завязывай и садись на колени. Раз не придумала историю за это время.

Она тут же ушла.

Вдох-выдох.

Я должна.

Подхожу партнеру и аккуратно сажусь к нему на колени. И замираю. Потому что я в сомнениях. Хочу ли я этого или нет.

Я хочу стать моделью. Но вот сниматься в таких съемках не очень. Словно камень бьется о стекло.

Или....

— Ануш, — кричу я. — История о втором свидании. Когда девушка не знает нужно ли ей это.

Не вижу лица куратора. Но я уже вижу идею. Усаживаюсь чуть ближе к парню. Но вытягиваю руку. Словно я хочу ближе, но боюсь. Словно внутри меня идет борьба.

Олег тянется ко мне за поцелуем. Но я в последний момент отклоняюсь. Потому что девушка не хочет пока касаний. Она пока не знает чего хочет.

Слышу как фотограф кричит осветителям. Подойти с другой стороны и просит нас повторить наш недо-поцелуй. И нам приходится повторить его несколько раз.

Вдруг все меняется. Олег держит меня крепче. Дышит чаще. А в глазах появляется странный блеск. А я впервые ощутила страх. Страх стать жертвой. Я не знала такого страха, когда на меня кидалась девчонка с ножом. Когда Светка шипела мне в глаза. Даже когда Матвей навалился на меня. Я знала, что справлюсь. Знала, что серьезной проблемы не выльется из этого.

Но тут было другое. Чувство самосохранения кричало мне. Что я в опасности. Серьезной. И внутренняя жертва, которая живет в каждой женщине испугалась.

Потому Олег мог стать опасным. Он хотел меня. А я его — нет.

Наши обнимашки на меня никак не влияли. А вот на него. Он возбудился. Он сжимал меня и старался прижать меня к своему восставшему естеству.

А я...

Так же сильно старалась от него отстраниться.

И вот остались последние кадры. Как Олег разворачивает мое лицо и жадно целует. Жестоко. Кусая губы и засовывая язык мне в глотку.

Ублюдок! Больной и неуравновешенный!

Я толкаю его и бью каблуком по колену. И только тогда он выпускает меня.

— Тебе кто позволял целовать! — выкрикнула я. — Больной что ли?

Я отхожу от него и тру со всей силы губы. Чтобы вывести из памяти его касания.

— Ксюш, — подбежала ко мне Ануш. Я отворачиваюсь от нее. Мне стыдно. Я ведь поступила непрофессионально. Но, черт возьми. Он тоже не профи. Кто пользуется случаем поцеловать девушку, когда она явно сопротивляется. — Что он сделал?

Она разворачивает меня и видит кровь. На моих губах. Он умудрился искусать их за несколько секунд поцелуя.

— Засранец!

Она оставляет меня и идет к нашей третьей девчонке. Наклоняется к ней и что-то говорит. Она хмурится, потом ее глаза распахиваются, и потом следует кивок с предвкушающей улыбкой. О чем она ее попросила?

— Как думаете? Она это специально, чтобы ее запомнили? Или она прикрывается за маской правильной девочки, а на самом деле та еще ш...

Милка громко высказала свое мнение. И ее поддержали. Большая часть девчонок засмеялись. Кто-то скрытно, кто-то явно. Но они смеялись над моей ситуацией. Не

поддержали, что я стала жертвой приставания. А наоборот подумали, что я это сделала специально.

Голова закружилась сильнее. Устоять было сложно. И единственное, что стало для меня важно. Это не упасть при шакалах. А дойти на своих ногах до ближайшего стула и сесть. Потом я смогу им высказать все.

НО.

Не сейчас.

Я оглядываюсь в поисках куда бы сесть. Но вокруг меня все помутнело. Словно одела очки для зрения с чужих глаз.

Пол казался приближенным, но это иллюзия. Столы близко, но это не так. Тогда мысль не успокоившийся жертвы мелькнула. Упади. Просто упади в обморок. Но тогда я точно привлеку к себе лишнее внимание.

Нужно оно мне такое.

Меня подхватили чужие руки. Сильные и холодные. Легкий аромат шел от спасительницы, и она твердо повела меня к стульям. Усадила, поправила платье, выдохнула. Мутность стала отходить. И я увидела кто мне помог.

Регина.

— Спасибо.

Она только кивает. С площадки нас привлек шум и мужской вопль.

— Я на такое не подписывался!

Это кричит Олег. И на него в ответ орет Ануш.

— Тебе заплатили. Ты подписал контракт. Ты обязан!

— Да я...

— Либо ты раздеваешься, либо вали!

— Круто она его, — улыбнулась Регина.

— Почему круто? То что замерзнет?

— Нет, у него некрасивое тело. Он еще не успел пропить весь курс. И пройти всю подготовку. Не успел. И он надеялся, что у него еще есть пару месяцев, чтобы выполнить свои обязательства перед агентством. И если сейчас он покажет, что он этого не сделал.

— Его уволят?

— Скорее оштрафуют. Но его должно пронять наконец-то. Что девушек нельзя целовать против воли. Даже если сильно хочется.

Надеюсь, что он это запомнит. Регина принесла мне плед и укрыла меня, и только потом отошла к своим. Когда закончилась съемка нашей группы, заметила, как Ануш повела Олега. Она ему что-то выговаривала, а это парень не смотрел на нее. Он глядел на меня.

Олег скалился и перед тем как выйти подмигнул мне.

А страх вернулся. Беспомощность в ситуации реальной опасности. Кто меня будет спасать?

Стоп! Это не мои мысли. Они не могут быть моими.

Потому что если я попаду в реальную опасность, то меня никто не будет спасать. Потому что у меня есть я. Сильная девушка, которая не боится страх. Которая может вытащить себя из любой передрыги.

Во-от! Вот это мои мысли. Мысли Малахит победительницы.

Доктор Виктория аккуратно прикоснулась к моему лицу влажной салфеткой. Она проверила мой пульс и улыбнулась.

— Не волнуйся Ксюш. Ты реагируешь на наркоз хорошо. Тебе сейчас плохо, потому что сопротивляешься наркозу. Тебе нужно расслабиться.

— И получать удовольствие, — пошутила неловко я.

Мне уже сказали дышать глубже. Чтобы позволить своему сознанию улететь. Только на любую успокоиться, я находила новый раздражитель. Или скорее причину не закрыть глаза. Мои веки тяжелели. Но опустить их, я не позволяла. Сопротивлялась как могла вялости и сонливости.

Что меня так держит оставаться в сознании?

Страх? Но какой? Мне страшно стать мамой и не быть ею для малыша? Или что?

— Ксюш, ты помогаешь Лидии стать матерью, — прошептала Виктория, поглаживая меня по лбу. — Она мечтала об этом давно. Смерть дочери ее почти уничтожила. А когда она захотела стать второй раз матерью. Она пыталась убедить себя взять приемного. Но это сложнее, чем кажется. Она до сих пор общается со многими детскими домами. Помогает им. И проводит там различные кружки актерского мастерства для детишек. Она не смогла взять одного, чтобы стать ему матерью. Но она взяла их всех под свое крылышко и стала им учителем. Но быть матерью... это другое. Это безусловная любовь. Она бескорыстная. Она увидела тебя и почувствовала смежные чувства. Но тебе она матерью не может стать. А вот продолжению твоему... да. Поэтому твой поступок — это подарок для Лидии.

Я слушаю как ее слова попадают в самое сердце. И оно начинает биться. По-настоящему. Именно так, когда ощущаешь себя по-настоящему живой. Человеком, который умеет чувствовать счастье.

Но какие ее слова сделали это с моим сердцем. Неужели разговор о материнстве зажег во мне такой свет? Но я не чувствую жажду стать матерью. Качать младенца на руках. Если такие мысли и появлялись, то только в альтернативной реальности. Где я замужем за любимым. А если нет любимого, то лучше без брака и детей.

Всё или ничего. Девиз, который объясняет меня.

Либо — либо. Либо брак с любовью до гроба, либо быть одинокой карьеристкой с единственным питомцем — цветком.

Тогда какие ее слова сделали это со мной. Может слова о помощи. О благом деле, который делает других счастливыми. Мне нравится помогать другим? Невозможно. Но если предположить этот факт хоть на секунду.

То да. Мне нравится помогать. Не просто дать деньги и не париться о проблеме других. А задуматься о человеке. Частично сложить его проблему на себя. И сделать человека счастливым. И мне это нравится. Это делает меня счастливой.

Тем временем сознание медленно уплывало. Казалось, что я плыву все дальше. И дальше. А в конце наступила тьма.

...

— Ксюша, ты слышишь?

Голос такой далекий звучал так рядом и одновременно далеко. Пульсировал и отдавал по вискам.

— Послушай и можешь спать дальше, — продолжал голос. — Операция прошла хорошо. Скоро пройдет внедрение эмбриона в полость сурмамы. Ты здесь на сутки. Так что спи. Тебе нужно отлежаться после операции.

...

Мне снился Глеб.

Он был таким реальным. Я вспоминала все наши встречи, поцелуи, объятия. Наш поход в горы, наша первая ночь. Я была так счастлива с ним. И в то же время так несчастна. Я люблю его всем сердцем. Но оставаясь с ним я бы не смогла быть собой до конца. И это убивало.

В этом вопросе Матвей был прав.

Для Мрака, чтобы его девушкой восхищалось, чтобы ее все хотели. Это естественно. Он был рожден для того, чтобы его девушка была моделью. Красивая, притягательная. Которой хотели обладать каждый.

А Глеб — он не такой.

Он мечтал о спокойной жизни. В которой он смог бы доучиться и начать зарабатывать. Чтобы его семья была счастлива. Чтобы сестра не замечала их семейные трудности. И не заморачивалась. Поэтому подружка, которую все хотят, ему не нужна. Подружка, за которой волочилась толпа поклонников, которая обнималась на съемках других. Лишние тревоги... зачем они ему.

А я бы их ему принесла.

Мы только начали встречаться, а он сразу был втянут в соперничество с Матвеем. Постоянные слухи, волнения, ревность. Эти вещи отвлекали его от цели.

А меня отвлекал он.

Но при этом я не смею жалеть, что познакомилась с ним. Благодаря ему я почувствовала себя девушкой. Желанной. Я ощутила любовь. И жалеть об этом глупо.

Жалею только о том, что я не рассказала ему правду. О своих желаниях, целях, планах. Что я поступила по-детски. Я сбежала, а не поговорила. И если у меня представится шанс, я бы перед ним извинилась.

...

Открываю глаза. Но моментально прищуриваю. От неприятной рези.

Свет попадал мне в глаза. Ослепляя. Кто-то сидит рядом, но мне пока видны одни лишь очертания. И спустя пару минут моргания я стала нормально видеть.

— Доброе утро, — Виктория проверяла датчики, сидя около меня. — Как себя чувствуешь?

— Слабо, — хрипло ответила я.

Мне доктор подала стакан с водой и что-то отметила у себя в бумажках.

— Ты перенесла наркоз хорошо. Гормоны сработали отлично. Твои клетки здоровы и не повреждены. Мы взяли несколько. Так что у нас есть возможность несколько раз провести попытку беременности сурмамы. А так... Ксюш, ты молодец.

— Виктория, — тихо проговорила я, ставя пустой стакан на тумбу около кровати. — Я могу вас попросить кое о чем.

— Конечно.

— Когда Елена забеременеет. И если останется мой биоматериал, то могли бы...

— Уничтожить?

— Да, — совсем тихо ответила я.

Все же мне будет сложно. Если останется моя клетка и вероятность, что кто-то тоже будет воспитывать моего ребенка без моего ведома. Видимо я не совсем потерянная. И во мне что-то теплится. От тревожной мамочки.

— Ксения, мы уничтожаем чужой биоматериал, если по договору его больше использовать нельзя. Но мы могли бы его сохранить. Возможно для тебя. Вдруг... Ты ведь модель. А у моделей бывают свои проблемы. Особенно по женской части.

— Не хочу оставлять для себя такой запасной исход.

— Уверенна?

Я ей только киваю.

— Тогда держи бумаги. Это твоя выписка. Там же список того, чего тебе нельзя принимать следующую неделю, — Виктория всмотрелась в мое лицо. Видимо ожидая, что я передумаю о клетке. Но когда я стойко выдержала ее взгляд, она улыбнулась. — И удачи тебе.

Я забираю бумаги и откладываю их на тумбу. Когда Виктория уходит, я встаю. Голова немного кружится. Но душ приводит меня в чувства. В телефоне уже ждет оповещение.

“Фэшн съемка в студии агентства”.

Придется заказывать такси, чтобы успеть вовремя доехать. Вбиваю адрес клиники и агентства, а сама собираюсь. А через двадцать минут такси увозит меня к своей цели.

Студия встречает меня бегающими девчонками в нижнем белье и с распахнутыми глазами мастеров. Девушки кричали и вопили, когда я вошла. Я заметила Янковскую, которая шепталась со своей подопечной Милой. Ловкач собрала всех своих, среди которых я заметила Регину. Девушка тоже меня увидела и кивнула мне.

А я ей в ответ помахала.

Регина оказалась милой девушкой. Она мне сильно помогла на последней съемке. Виктория объяснила на встрече, что прием гормонов без подготовки влияет по-разному на организм. Слабость и головокружение головы — это один из основных симптомов. Но если добавить стресс, то может такая ситуация привести и к обмороку.

В тот день я испытала сильнейший стресс. Из-за приставаний Олега. Жесткость не для меня.

Его кстати выгнали. Ануш оказалась слишком влиятельной и напористой. Парень каким-то образом меня нашел на следующий день после съемок около наших с Мариной апартаментов.

Высказал все что думает обо мне. И даже хотел схватить меня за руку, чтобы затащить в машину. Но к счастью Марина оказалась рядом. Она врезала ему между ног.

Когда Рубин узнала, кто этот парень. Она хотела вернуться к нему и добить лежачего. Я ей не позволила, но Ануш мы рассказали. И куратор не подвел. Она действовала быстро и решительно в отношении харассмента.

— Малахит, — помахала мне Юлианна, вырывая из воспоминания прошлой недели. — Нам сюда.

Две девушки, которые вообще-то являлись моими прямыми соперницами оказались милыми. Юлианна так вообще расточала свое обаяние ко всем. Она как солнышко притягивала. Ей не хватало только уверенности и смелости быть дерзкой на съемке. Но кажется это временно. Опыт дело наживное.

— Нас ждет яркая сексуальность бурлеска, — с улыбкой предупредила девушка, взмахивая двумя руками и немного выпирая правым бедром.

Она уже одевалась. Ей сделали объемные локоны и накрасили очень ярко. Как и нужно для стиля бурлеск. Яркие губы, подчеркнутые глаза. Сексуальность во всем.

Меня ждало платье. С корсетом. Чем-то оно напоминало наряд бабочки, но без крылышек. Блестящее платье без бретелек должно обтягивать мое тело хуже, чем вторая кожа. Корсет утянут до состояния обхвата талии двумя руками. Я примеряла его дня три назад и чуть не задохнулась. Но отказаться не могла. Попросила только не затягивать меня как мешок.

Не думаю, что они прислушаться к моей просьбе. Потому что если клиент заказал талию в обхвате двух рук, то модель выполнить это условие.

— Кому нужна вода, — незнакомая девчонка, которая бежит у всех на побегушках, раздавала бутылки с водой. Она подходила к одной группе моделей, потом к другой.

Мы с Юлианной помахали ей рукой, подзывая. Мне после наркоза еще хотелось пить. А тут целая бутылка. Мне кажется я выпью ее всю. Жалко, что нельзя. Иначе в корсет не влезу.

Девчонка подбежала и улыбнулась нам.

— Держи Малахит. ТВОЯ вода.

Юлианне она дала одну бутылку, мне другую. Я подозрительно присмотрелась к девчонке. Но она уже успела убежать.

— Мне не показалось, что она выделила, что это моя бутылка? — уточнила я у Юлианны.

— Не заметила. А что?

— Паранойя, — объяснила я.

Открыла бутылку и сделала пару глотков. Вода вроде обычная. Осмотрела этикетку, крышку и сделала еще один глоток. А потом закрыла. Юлианна уже пошла сниматься. Подошла ее очередь.

Я же прошла к свободному мастеру и уселась на кресло. Уже знакомая полненькая девушка мне не улыбнулась. Она молча приступила к работе и методично осматривала полотно своей будущей работы. То есть мое лицо и волосы.

Почти час она возилась со мной. Но результат стоил того.

Большинство девчонок успели отсняться. Вообще-то я опоздала на общий сбор. Но для меня сделали небольшую поблажку. После операции мне нельзя было резко соскакать. Поэтому Ануш вместе с Лидией освободили меня от сбора. И позволили мне на официальном уровне приехать на пару часов позже.

— Спасибо, — поблагодарила я девушку. И мельком заметила ее приподнятые уголки губ.

Наряжаться мне помогали. Затянуть корсет так как нужно самостоятельно невозможно. Поэтому я держалась за стол пока меня утягивали в несколько рук. С каждым разом я становилась все уже, а дышать мне становилось все хуже. Глубокое дыхание запрещено. Только короткие и размеренные. Иначе будет казаться, что не хватает воздуха.

Я подошла к площадке. В этот день я работаю последней.

Милка отрабатывала последние кадры. Регина сидела уже в своей одежде в уголке. Она не мешала, но внимательно следила за девчонками. Юлианна стояла рядом с Ануш. Куратор заметила меня и направилась ко мне.

Она проверила макияж, наряд, туфли. Убедилась, что выгляжу я как надо.

— Как ты? — решила неожиданно уточнить мое состояние она.

— Нормально, — взмахиваю рукой, чтобы нагнать немного воздуха в свое лицо.

Странное состояние. Я словно оказываюсь в вакууме. Но это скорее всего из-за корсета. Съемка Милы окончена. Пятиминутный отдых для фотографов. И начнется моя.

— Ксюш, особо не пытайся выпячивать свое мастерство. Ты после операции. Ты в любом случае попадешь на второй этап. Но побереги себя, — поправляла мне юбку Ануш.

Она вспомнила последнюю съемку. Как я пострадала от Олега. Но хоть мои фотографии заняли второе место. Из-за моего старания сумела привлечь психа. Поэтому раз я сейчас не в полной физической форме, нужно поберечь себя. А потом отдохнуть.

— Малахова.

Фотограф оглядывается в поисках меня.

Площадка. Стул и стол как декорация. Антикварная мебель. Дорогие ковры. Все такое тяжеловесное. Но от этого я буду казаться изящнее.

Встаю около стола, и опираюсь на него.

И я пропадаю.

Меняю позы. Работаю вместе с фотографом. Он говорит где лучше. И я повторяю. Где-то я импровизирую, и он радостно показывает пальцами “окей”. Следующие полчаса пролетели незаметно. Но последние минуты тянулись долго. Даже слишком.

Вакуум сжимался вокруг лица. Я перестала видеть людей. Одну лишь вспышку. Но я не могла сосредоточиться. Волнами накатывала слабость. Мне хотелось лечь на мягкий дорогой ковер и уснуть. И только гордость не позволяла мне опуститься на колени при всех.

— Снято!

Кричит фотограф и пожимает мне руку. Слышу как он говорит, что я ему понравилась. И он согласен меня поснимать снова. Я ему только киваю и слегка улыбаюсь.

— Ксюша, — зовет меня Ануш.

Она ведь близко. Она касается моей руки. Но почему-то кажется, что она далеко.

— Как ты?

— Корсет, — шепчу я.

И она понимает. Мне его все таки перетянули. Она быстрыми движениями снимает его. И я наконец могу сделать глубокий вдох. Мне становится легче. Но вакуум полностью не рассеивается. Что со мной?

На сегодня работа окончена. Я переделалась в свое. На умывание сил нет. Сейчас бы домой. Упасть на кровать. И спать. Долго.

Выхожу из агентства. Но понимаю, что не дойду. Я уже сейчас хочу сесть. Прямо сейчас. Лучше упасть сейчас у входа в агентство, чем на пешеходном переходе.

Ведь так?

— Ксю?

Кто это? Резко оборачиваюсь. Но это зря. Голова кружится сильнее. Перед глазами мутные пятна, а не человек. И чувствую как мелькает небо, а сильные мужские руки ловят меня.

— Ксюша, что с тобой? Маленькая моя, — голос касается меня, но теряется. Я словно снова уплываю в наркоз. Он тянет ко мне свои руки и утягивает за собой.

— Плохо, — говорю я одними пересохшими губами. — Позвони. Виктория. Доктор. Она знает, что дел...

Я передаю телефон, трясущимися руками, и отключаюсь. Я не знаю, кто меня подхватил. И не убежит ли он с моим телефоном. Может он вообще отнесет меня в машину, увезет куда-нибудь, изнасилует и убьет. Как того хотел Олег. Я доверилась непонятно кому.

Но мне ничего не остается, как довериться жизни. Отдаться во власть темноты. Или может быть мрака.

Иногда тьма кажется теплее.

Иногда находиться во тьме спокойнее.

А иногда из тьмы не хочется выбираться.

Вот и я. Ощущаю эту тьму. Она ластится ко мне. Приятно окутывает. И кажется проще отказаться от света и остаться здесь. Где нет хлопот. Нет убивающих мыслей. Нет стыда и совести. А есть только колыбель сотканная из шелковых прядей темноты. И так легко, легко...

НО.

Мне не за кого держаться. По крайней мере я так думаю. А если это не так? Если для того, чтобы жить — достаточно памяти о близких. Достаточно друзей, которые не покидают тебя. Хоть ведешь себя как скотина. И уверен, что не заслуживаешь их. А если достаточно жить ради самой себя?

Так просто. И так сложно одновременно.

Может пора перестать держаться за кого-то.

Сначала меня держала обязательство перед родителями. Ведь так говорил дядя Миша. Ради них, я должна продолжать бороться. Потом от меня ушел и дядя. И я заставляла себя жить ради него. А еще Глеб. Ведь я снова заставляла себя дышать и добиваться цели РАДИ кого-то.

Может хватит?

Мне достаточно жить ради себя. Я хочу жить. Хочу исполнить свою мечту. Хочу стать счастливой даже на руинах, которые сама же создала.

Я. Хочу. Жить...

Открываю глаза и такое простое действие кажется для меня самым трудным. Но я это делаю и вижу людей. Которым не безразлична. Но достойна ли я их чувств? Этот вопрос будет висеть в моей голове долго. Если не целую вечность.

Потому что внутри меня можно услышать шепот предостережения, что они зря тратят свое время на меня. Но почему они думают иначе? Или пора мне изменить самой мнение о себе.

Матвей и Марина. Они находятся по разные стороны от постели и спорят. Они спорят тихо, но эмоционально. Он и она тыкают в друг друга пальцами и шипят. У меня в голове словно фен включается от их шипения. Марина не выдержала и схватилась за лацканы пиджака Матвея. А тот тут же отмахнулся от ее рук и притворился, что презрительно смахнул с костюма крошки.

Я моргаю и даже шевелю рукой. Надеюсь, что они заметят мое пришедшее сознание. Но они не утруждают себя в этом, продолжая размахивать руками и рыкать друг на друга. Как дикие звери.

— Кто-то ей подсыпал снотворное. Ты это понимаешь, — шипит Матвей. — Ты хоть понимаешь как это опасно в ее состоянии. А то что Ксюша после наркоза, это вообще чудо, что она отпила немного. Пить после такого хочется жуть как. Да она бы окочурилась после такой дозы.

— Матвей...

— Марина, — перебивает ее парень. — У вас там совсем чокнутые что ли. Кто так

поступает? За это можно и нужно посадить человека.

— Это модельный бизнес, детка, — хлопнула парня по щеке и снисходительно улыbnулась. — Они подсыпали снотворное, чтобы она была сонной во время съемок. Никто не знал про ее согласие на операцию. Все были уверены, что она выпьет немного. Никто в здравом уме не будет целый литр выпивать перед тем как одевать корсет.

— Хочешь сказать, что если бы знали про ее операцию. Что недавно она перенесла наркоз, то исход был бы другим? Никто не подсунул бутылку со снотворным? Ты б*ь это серьезно?

— Не уверена. Матвей, ты не понимаешь что на кону. Поездка в Париж. Работа с модельерами Европы. Многие пойдут на нарушение некоторых правил ради этого.

— Некоторых правил, — взревел Матвей. — Это преступление! Это гребаное преступление. Она могла умереть из-за вашего Парижа. И вообще, что это хрень с наркозом и донорством яйцеклетки? Почему она согласилась на это дерьмо?

Марков оперся руками о койку и прогнул матрас своим весом. Марина отвернулась от него, но иронично покосилась при его последнем вопросе. Даже открыла рот, чтобы ответить.

— Так! Вы обещали не ссориться, если позволю остаться здесь, — Виктория зашла в палату и первая заметила мое пробуждение. — К тому же Ксюша проснулась. А ей вредно слушать ваши ссоры.

Они ошарашено смотрят на меня и оба стыдливо опустили глаза. И в то же время Матвей хватает меня за руку, а Марина выдыхает и подается вперед.

— Что со мной? — прохрипела я.

Виктория подошла к койке, отодвинула Матвея. Он поджал губы, но ему пришлось молча отпустить меня. Доктор не ответила мне, а только налила воды и отдала стакан.

— Вышей сначала.

Пить хотелось, поэтому я приподнимаюсь. Марков хотел подскочить ко мне и помочь, но Марине было сподручнее. И она нажала на кнопку поднятия спинки. Матвей сложил руки на груди и обиженно засопел. Нашел из-за чего... Как ребенок иногда поступает.

Забрала стакан и начала пить. Жадно.

— Виктория, — кашлянула я. Последние глотки попали не в то горло. — Объясните, что со мной случилось?

— Ты приняла запрещенный после наркоза препарат, — спокойно ответила она.

— Но я не принимала, — протестую и пытаюсь сесть удобнее. — Я честно не пила ничего запрещенного. Только воду.

Матвей уставился на Марину. Марина стыдливо опустила голову. А Виктория с улыбкой начала объяснять мне, что произошло.

— После наркоза некоторые вещи под запретом. Потому что сама операция — это стресс для организма. По факту наркоз — это искусственный обморок, но он влияет на головной мозг. И воспринимает его каждый человек индивидуально. Он не опасен, если только специально не усугубить состояние организма после выведение его из наркоза. А снотворное... Это тоже влияние на мозг. На его нервную систему. И после приема препарата твой мозг можно сказать устал. На него слишком много за последние дни воздействовали. Поэтому он решил защититься, что он можно сказать и сделал.

— Отключился, — проговорила я и отдала доктору стакан.

— Да. Но это самое безопасное, — попыталась успокоить меня Виктория. — Хуже было

бы, если не отключился, а наоборот продолжал работать. И тогда могли бы быть нарушены когнитивные функции. Как память и речь.

— Значит мне дали снотворное? С водой? — спросила и посмотрела на подругу.

Марина поджала губы и кивнула.

— Но кто это сделал?

— Никто не знает, — прорычал Матвей. — Они даже расследовать не захотели. Они сказали это побочный эффект стресса во время конкурса.

— Матвей, — отозвалась Марина. — В модельный бизнес идут не за спокойной и безмятежной жизнью. А славу вырывают из рук вместе с брендовой сумочкой Гуччи и туфельками Джими Чу. В этом состоят подводные камни моды.

— Но...

Начинает спор парень, но его перебиваю.

— И что теперь? — снова уставилась на доктора.

— Отдых. Не принимать из чужих рук ничего. Здоровый сон, отсутствие других препаратов, еда. Пару дней поваляешься и будешь как новенькая.

— Промывание желудка, — дала идею.

Но Виктория отрицательно махнула головой.

— Это лишнее. Ты приняла мало препарата. У тебя организм предпочитает не рисковать.

Откидываюсь и вспоминаю. Как пару раз падала в обморок в больницах. Мне ставили укол, я сидела на руках у мамы, но потом неожиданно просыпаюсь. Вакцина уже внутри меня. А я без чувств на руках у родителей. И толстая врачиха рядом, которая говорит:

“Какой слабый у вас ребенок!”

Ненавижу быть слабой. Слабость — это признак для хищников, что меня можно есть. Я не хочу быть жертвой. Я от всего готова отказаться. Всего того, что делает меня слабой и зависимой. Потому что зависимость тоже слабость.

— Хорошо, я отлежусь, — проговорила я. — У меня как раз несколько дней есть отдыха.

Говорю и успокаиваю саму себя. У меня есть пару дней для отдыха. Все имеют право на отдых из-за болезни. К тому же я пострадала из-за соперниц.

НО!

Это не помешало организаторам отчислить ту девушку, которая доверилась соседке и рассказала про аллергию. А Милка этим воспользовалась. Все знали правду. Жюри, кураторы и девчонки. Но никто не воспротивился этому.

Так что причина “вред от соперниц” не подходит. И болеть нельзя.

Руки затряслись от паники. Как же я нервничаю. Я уже стольким пожертвовала, чтобы быть здесь. Надеюсь мое прохлаждение тут и желание помочь женщине не сыграют со мной в ужасную шутку.

— Ксюш, — Марина мягко проводит по моей руке, привлекая мое внимание. — Не волнуйся. Съемки на этом этапе закончены. И ты лучшая на фотосессиях. Всегда.

Матвей тихо стоит в сторонке и осматривает палату. Но он не смотрит на меня. Он тих и задумчив. И если честно, когда он такой — пугает больше. Лучше пусть он злится или ругается. Злой Мрак привычен. Но когда он такой, Матвей кажется непредсказуемым. Он может придумать и сделать все что угодно.

— Матвей... — зову его я. Лишь бы вывести его из состояния думы.

Рингтон привлек свое внимание лучше. Мой телефон лежал на тумбочке рядом и трещал своим стандартным рингтоном. Мне как всегда было лень поменять песню на звонках. Виктория улыбается и уходит. Матвей садится на стул для посетителей. А Марина протягивает мне мой телефон.

— Это Ануш.

Я не хочу отвечать. Потому что уверена, что она не скажет хорошей новости. Мои руки слабы. Но я сжимаю зубы и беру в руки аппарат. Нажимаю на кнопку принятия вызова и подношу к уху.

“Ксения, — секундное молчание Ануш. Словно она собирается с мыслью и не знает как начать. — Я слышала, что тебе стало плохо. Мы не сможем определить кто это сделал. Прости. Я...”

— Ануш, вы ведь звоните не для пожелания выздоровления, — перебиваю и откидываюсь назад.

“Одно из заданий на этом этапе — это выход моделей на благотворительном вечере. Они презентуют платья модельера Жрецовой Ангелины. Она жена бизнесмена Жрецова Василия. Он спонсирует и вечер, и ее. И вроде как они собирают деньги на помощь детям. Но по факту это реклама для нового модельного дома Ангелины. Все девушки обязаны быть. Особенно те, кто является фаворитом первого этапа.”

Облегченный выдох куратора последовал после ее речи.

У меня же во рту скопилась слюна, которую я с трудом проглотила. Нужно встать и собраться, а потом весь вечер ходить и презентовать одежду. Быть рекламой. Мне нельзя даже хромать. А в моем теле нет сил.

— Когда выход? — прохрипела я.

— Завтра в три начало. Но в двенадцать надо быть в агентстве.

Отдвигаю телефон, чтобы взглянуть на время.

21:20

Не так все и плохо. Возможно успею восстановиться.

— Хорошо, я буду.

— Отлично, — воскликнула Ануш и отключилась.

— Ты знала? — посмотрела на Марину, которая явно паниковала. Она распахнула глаза. И смотрела на меня с ужасом.

— Ты что? Собираешься пойти? — ужасается Рубин. — Да ты издеваешься! Ты на ногах еле стоишь. Ты не успеешь восстановиться к завтрашнему дню, тем более к двенадцати дня. Тебе ведь сказали несколько суток отлежаться.

— Я должна, — прошептала я. — Но откуда ты знала?

— Слышала, — отмахнулась девушка. — Янковская довольно громко хвасталась знакомством с Жрецовыми. И уговаривала включить этот вечер в конкурс. Но я надеялась, что Ануш сможет выбить поблажку для тебя.

— А в чем дело? — обеспокоено спросил Матвей.

Он решительно смотрел на нас, крутя в руках зажигалку. Он ждал ответа. Но отвечать ему я не хотела. Он ведь начнет убеждать меня остаться тут. Побережь себя. Мне предстоит с ним борьба, а мне нужен отдых. Чтобы завтра я встала и пришла на рекламу.

— Ей нужно завтра отправиться на благотворительный вечер. Он засчитается как часть конкурса. Ей предстоит представить рекламу нового модельера. Но она завтра даже вставать не должна, не то что на ногах провести весь день и вечер. Да она бухнется в обморок от

перенапряжения еще до начала мероприятия.

Я закрыла глаза, чтобы не видеть этих двоих. Которые оба готовы убедить меня отступить. Но они не понимают, я не могу. Мне нельзя. Я лучше проиграю в борьбе, но не отступлю без боя. Из-за страха или слабости.

— А моделям можно приходиться с парой? — голос Матвей звучал решительно. И я резко открыла глаза. Он не смотрел на меня. Он вперил свой взгляд на Рубин. И моя боевая подруга впервые замешкалась. Она не знала, что ему сказать. И в какой-то момент Мрак взглянул на меня и взял за руку. — Я тебя подхватываю, если будешь падать. Ты сможешь весь вечер провести опираясь на меня. Лучше пусть все задаются вопросом, кто я тебе, чем уверятся в твоей слабости.

— Матвей, тебе придется всем улыбаться, — предупреждает Марина. — Быть милым и вежливым. А также по возможности помогать рекламировать бренд агентства с Ксюшой. Ты уверен, что справишься? Может профессионала модель попросить?

Но Матвей смотрел на меня, а я на него. Он говорил своим взглядом все. Все, что мне сейчас нужно услышать.

Что он поддержит меня. Подхватит если нужно. Не оставит.

Хоть я ему столько раз делала больно. Я до сих пор делаю больно. Тем, что до конца не могу отпустить. Даже если в этом не признаюсь. А он готов помочь.

— Ты уверен? — шепчу я.

— А ты?

— А если он не справится, — кричит в изнеможении Марина. — Он ведь подставит тебя.

— Он справится, — отвечаю я Марине. — Ты не знаешь, что он может, если захочет. Но нам нужно обговорить это с Ануш.

Подруга резко поднимает голову, а потом опускает. Она сомневается, но и позволить мне сдаться не может.

— Хорошо, — соглашается спустя минуту она и отступает. — Это я возьму на себя. И организую это, как часть мероприятия. Чтобы на тебя меньше косились. Я пошла тогда?

— Спасибо, Марин.

Рубин набрала номер и разговаривая вышла из палаты. Остался только Матвей, который продолжал держать меня за руку.

— Ксюша, это не должно потом обязывать тебя. Это мое желание помочь тебе. А не желание пленить.

— Надеюсь, — отвечаю я. Утирая одной рукой слезы, которые катились по щекам. — Тебе от этого не станет хуже? Не хочу, чтобы ты страдал из-за меня.

— Ксюш, — потянулся к моему лицу парень и убрал пальцами несколько слез. — Перестань сама страдать из-за себя. Из-за выдуманных страхов. И стыда. Ты такая какая есть. Плохая или хорошая неважно. Прими себя такой какая есть. И перестать страдать из-за этого.

Согласна с его словами. Как же полезно принимать себя. Любить себя. Ведь единственный человек, который обязан быть важен для тебя. Всегда. Это ты сам. От себя не убежишь. Ведь так?

— Спасибо, Матвей.

Марков потянулся ко мне. Он хотел поцеловать.

Вот только...

— Она согласна, — кричит Марина в приоткрытую дверь. — У тебя будет пара на вечере. А сегодня спать. Матвей, на выход. Ей нужно набраться сил и надрать им завтра задницы за грязный прием.

Марина увела сопротивляющегося Матвея. А я осталась одна. Снова пропадая во тьму. Но в иную. Теперь мне охота возвращаться в свет, когда наступит завтрашнее утро.

— Молодец, что приехала, — встретила меня Ануш около агентства. Она зыркнула на державшего меня под руку Матвея и уточнила. — А это кто?

— Тот, кто поможет выжить в вашем гадюшнике, — прорычал он и крепче прижал к себе.

— Я-ясно, — протянула куратор и повела нас в здание. — Здесь тебя сейчас ждут преобразования. Анют, — позвала она мастера и помахала рукой. Полненькая девушка прибежала. — Накрась Малахит. Побольше румян и туши. Она бледная. А прическа... Пусть будут локоны. А ты, красавчик, пойдешь за мной.

Матвей нахмурился, идти за командующей дамой мало кому охота. Да и отпускать меня ему не хотелось. Он вначале убедился, что я устроилась на кресле с удобством. И мастер приступил к работе.

— Анют, — Марков очаровательно улыбнулся девушке. И она потекла. Девушка, которая с трудом улыбалась нам, расплылась для него. — Если ей станет плохо, позови Матвея. Это я.

Ткнул в себя пальцем и потрепал меня по волосам он. С этим он ушел, оставив после себя шлейф мужского очарования.

— Кто этот образчик мужественности, — протянула Милка, выйдя из-за ширмы в одних стрингах и прозрачном бюстгальтере. — Я прям теку от тебя Матвейка.

Скосила на нее свой взгляд, но промолчала. Говорить ей замечания как-то лишнее.

— Я тоже думаю, что ему нужен кое-кто другой, — громко прошептала подружка Миланы и кивнула в мою сторону. — Не холодная глыба, а живой огонь.

— Такая, как я? — уточнила Милка.

— Или я, — усмехнулась ее подружка.

Они осмотрели меня с головы до ног, и хитро улыбнулись.

На соседнее кресло села другая участница. В отражении зеркала замечаю Регину. У нее уже все готово, но видимо после одевания, нужно было что-то по мелочи поправить.

— Как себя чувствуешь, Ксюша? — спрашивает девушка и кивает мастеру, чтобы он подошел. — Я видела, как ты упала. Это чудо, что твой парень пришел вовремя.

— Мой парень? — уточняю. Потому как я не помнила кто меня поймал перед обмороком. Неужели мой парень был в тот день. Глеб? Неужели он решил приехать за мной даже после моего поступка. — Откуда ты знаешь кто мой парень?

— Так с ним пришла. Разве не так?

Мое лицо перекосило. Ну конечно, какая я дура. С таким отношением многие готовы подумать, что мой парень Матвей. Но столько во мне было надежды из-за слов Регины. И столько разочарования. Как же неприятно разочаровываться в своих ожиданиях.

— Со мной все хорошо.

Регина осмотрела меня, но промолчала. Ей поправили макияж и немного прическу, после чего она встала.

— Я в первой группе отправляюсь. Ты немного задержалась.

— Да, мне позволили приехать на два часа позже.

— Тогда до встречи на вечере, — проговаривает Регина и уже собирается отходить, но резко вернулась. Она присела около меня и раздвинула губы в подобие улыбки. Ее глаза

остекленели и она неожиданно выдала. — Я рада, что ТЫ с нами, Ксения.

И она ушла.

Она милая или пугающая?

— А вот и я, — прокричала мне на ухо Марина и плюхнулась на кресло. — Ты как, красotka?

— Все хорошо.

— А где твоя собачка? — оглядываясь по сторонам уточнила подруга.

— Он тут. Переодевается. Его увела Ануш. — кратко отвечаю. Потому что Анюта заставила вытянуть губы уточкой. — Он скоро вернется.

— Он... охренеть. Ладно, теперь соглашусь. Его держать при себе полезно.

Пробормотала Марина и с расширенными глазами за кем-то следила. Мой мастер тоже оглянулся и замер. Некоторые девчонки, которые общались поблизости, затихли.

Они из-за кого так?

Оглядываюсь и замечаю Ануш. А за ней в смокинге Матвей. Темные волосы уложены гелем назад. Его спортивную фигуру отлично обтягивает пиджак. Он осматривает помещение и замечает замерших девушек. Каждой он посылает улыбку. Которая соблазняет, но ничего не обещает. Но когда он видит меня, то усмехается. Подмигивает и указывает на невидимые часы.

— Анют, мне скоро отправляться, — шепчу я девушке.

— А? Что? Точно, — выкрикивает она и приступает к работе. — Извини.

— Он просто красавчик, — шепчет Марина.

— Рубин, — кричит Ануш и подруга подсакивает.

— Да, мой капитан.

— Не паясничай, — командует куратор. — Переодевайся и отправляйся в зал. Убедись, что все готово. Ксюша, а тебе пора переодеваться.

Марина шутливо делает книксен и уходит. Ануш приносит мой наряд. А Матвей становится около зеркал и туалетного столика.

— Признай, я великолепен, — требует Матвей.

— Ты это и сам знаешь, — отмахиваюсь я. А затем шиплю. Анюта сильно потянула расческой волосы. — Ну хорошо-хорошо. Анюта точно считает тебя великолепным.

Матвей резко вскидывает взгляд на девушку, а она краснеет.

— Ой, — говорит она.

— Ой, — повторяет за ней Матвей. — Какая ты все таки плохая, Ксюха. Жду тебя, Малахит.

*

— Ты как?

Это был тысячный вопрос от Марины, и мой тысячный ответ.

— Я в порядке.

Она кивнула и прошла вперед. Ей предстояло выйти первой. Вместе с кураторами и жюри на благотворительный вечер. Я и девочки выходили по очереди парами. С ними шли парни модели и только со мной шел Матвей. Парень гармонично смотрелся в смокинге и казалось, что он тоже из агентства.

Когда я ему сказала это, Мрак хмуро кивнул. Он стал другим. В школе он чаще улыбался и еще чаще усмехался. А сейчас... Он словно повзрослел. В его глазах пропало безрассудство, которое раньше превалировало в нем.

— Ты стал другим, — прошептала я.

Нас до выхода отделяло несколько пар. Только что вышла Регина с белобрысым парнем. Матвей неожиданно усмехнулся. Как раньше. А потом наклонился ко мне и прошептал.

— Ты тоже.

— Спасибо тебе, Матвей. Ты мне помог. Это для меня важно.

— Ты ведь понимаешь, что это должен был делать не я, — напоминает он мне о прошлом. — Но почему ты решила за него.

— Это уже не важно, — глухо проговорила я. Скорее для себя, чем для него.

Подошла наша очередь. Открылась дверь, и кто-то проговорил название наряда. Которое сегодня было на мне. Жрецова оказалась довольно талантлива. Платье насыщенно коричневого цвета. Пышная юбка, верх без бретелек, но через одно плечо перекинута оборкой органза. Создавая легкое напоминание греческих мотивов.

— Ты чудесно выглядишь, — перед самым выходом проговорил Матвей и гордо вскинул голову.

При его словах — улыбка засияла на моих губах. Много женщине не надо, чтобы ярко улыбаться. Мы выходили под музыку представляя наряд. Песня словно отдавалась в моей душе. И вдруг я почувствовала.

Я смогу.

Я справлюсь.

Все мы совершаем ошибки. Нужно принимать себя такими какие мы есть. Ошибающимися, невежественными, неправильными. Я должна была спросить мнение Глеба. Рассказать ему про свои планы. Но я ошиблась. Но мне нужно прекращать себя ненавидеть. Испытывать стыд. Матвей был прав.

Сколько я еще допущу ошибок в своей жизни? И что мне ненавидеть себя за каждые.

Раз я приняла решение, что для меня сейчас важнее стать моделью. Значит нужно прекращать стыдиться за свой проступок в прошлом. Значит я ему достаточно не доверяла. Раз скрыла свою частичку души.

— Ты снова светишься, — прошептала мне Рубин, когда мы спустились с небольшого подиума. — Теперь нам нужно кружить по залу. Не вздумай прятать платье за столбами. Окей?

Я кивнула подруге и та убежала. Перед этим погрозив пальцем Матвею. Его идея с сопровождением понравилась не только Марине, но и Ануш. Именно она поменяла концепцию за сутки до показа. Пригласив моделей парней, чтобы они вели девушку в платье от Жрецовой. Для Ануш это еще как шанс утереть нос Янковской. Она всех заставила забрать нашу локацию и предложила выступить на благотворительном вечере. Но при этом именно наш куратор изменил всю концепцию.

Мстительная Ануш.

К нам подходили гости, оценщики, фотографы. Мужчины подмигивали мне и даже пытались провести по платью в опасной близости от груди. Но к ним тут же обращался Матвей. И видимо интонацию они улавливали быстро. Потому что отправлялись ощупывать платья к другим девушкам. Более покладистым. Женщины осматривали чаще смокинг, желая тоже пощупать грудь только парня. Точнее крепкие мускулы моей пары на этот вечер.

— Дамы, я не модель. Я гость мероприятия.

Так Марков высказался, когда несколько женщин уже хотели проверить его простату.

— Ты неподражаем, — восхитилась я им.

— Согласен с тобой, но почему-то только ты не хочешь влюбиться в мое великолепие.

— Матвей...

Начала уже я. Снова виноватым голосом. Но он махнул рукой и кивнул в сторону.

— Знакомое лицо. Почему мне кажется, что я ее уже видел.

Оглядываюсь. Матвей показывал на Регину. Она улыбалась какому-то мужчине. И даже позволяла некоторую вольность ему. Хотя его намек был ясен всем. И она позволяла ему это делать.

Это ее выбор. Проговариваю про себя. Я не в праве осуждать девушку.

— Ты мог ее видеть на конкурсе. Помнишь ты приехал, когда я, Денис и Арина участвовали в конкурсе фотографий. Она там тоже была.

— Умг, — он немигающим взглядом продолжал следить за ней.

— Что... понравилась, — попыталась пошутить. А то слишком он стал напряженным.

— Она мне не нравится, — спустя пару минут ответил Матвей. — Вы с ней общаетесь?

— Конечно, она хорошая девушка. Перестань на нее наговаривать.

— Я на нее не наговариваю, — резко перебил меня он. — Но она точно не хорошая. И советую тебе быть с ней осторожной.

К нам подошел официант и предложил бокалы с шампанским. Матвей взял один бокал для себя и попросил воды для меня. Юноша исчез и почти тут же появился с бокалом воды.

— Держи.

— И что теперь мне не общаться с ней? — отмерла я. — Раз она не прошла твой кастинг симпатий?

Возмущение во всю во мне клокотало. Я хотела закричать на парня, что он несправедлив к девушке. И уж я-то разбираюсь в людях. Меня сложно обмануть. Я ведь не подвержена эмоциям.

— Малахит, я не запрещал, — успокаивающе провел по руке Матвей. — Я только сказал, что она мне не нравится.

— И как это понять?

— Будь осторожна с ней. Ты не умеешь разбираться в людях. Хотя при этом считаешь, что тебя нельзя обмануть.

— А ты значит умеешь?

— А я умею. Жизнь заставила этому учиться.

— Но ты обманулся, — прошептала я. — Я ведь нехорошая. А ты продолжаешь мне помогать. А я... врунья. Я использую людей ради достижения своей цели.

— Ты не врунья. Ты трусиха. Ты боишься полностью открыть свое сердце и оставить его без защиты. Поэтому ты сбежала от Глеба. Он слишком близко подкрался к тебе. И от меня бегаешь. Потому что я тоже могу заставить тебя открыться. К тому же ты гордячка. Поэтому не признаешь, что я стал для тебя также дорог, как и тот парень. И что ты доверяешь людям быстро. И если они тебя предадут, ты просто не показываешь виду. Но ты точно не бесчувственный камень. Ты живая и открытая. Только внутри. Ты ракушка, Малахит. Прячешь свою жемчужину ото всех.

Он смотрел на меня так проникновенно. Он не боялся своих слов. И то что они доказывали, силу его чувств ко мне. И это подкупало.

Какой же он все же засранец. Он смог докопаться до истинной меня, раньше меня.

— Ты меня так иногда раздражаешь, — прошептала я.

— Потому что я прав.

На подиум поднялись главные члены жюри и Жрецова. Модельерша взяла микрофон и постучала по нему.

— Раз-два, все меня слышат?

Толпа гостей подошла ближе. Все весело перешептывались и улыбались. И только соперницы излучали напряжение.

— Сегодня я впервые представила свою осеннюю коллекцию. И для меня это волнительно. Но еще этот день окажется знаменательным. Потому что моя подруга Ирина Янковская, — модель выступила и помахала всем рукой. — Предложила объединить мою коллекцию с конкурсом модельного агентства “Бон вояж”. В этом агентстве проходит конкурс между девушками за шанс стать модель международного уровня. Для девушек на кону поездка во Францию. И многое другое. И сегодня вас, мои уважаемые гости, просили проголосовать за каждую девушку.

Что?!

Оглядываюсь и смотрю на Ануш. Она комкает рукой салфетку и это единственный признак ее гнева. Даже она не знала про голосование.

— Надеюсь, в конкурсе важным качеством не было позволение трогать себя, — с усмешкой проговорил Матвей.

Согласна с ним. Может они рассчитывают на доступность девушек. Поэтому и Регина позволяла вольности, потому что знала о правилах.

— Оценивали такие качества как: внешние показатели нервозности. Для модели важно быть уверенной, — засмеялась Жрецова и продолжила. — Также представительный вид. Или же способность показать наряд в лучшем свете. И ваши голоса говорят о том, что лучшей в этом конкурсе стала... Юлианна Демидова.

Юлианна ахнула и вышла на подиум к модельеру. Девочка от Ануш. Она не сдержала слезы, которые текли по ее щекам. Я ей радостно хлопала. Она это заслужила.

— Эта девушка получает место во втором этапе конкурса, поздравляю! — Крикнула Жрецова. — А дальше мне дали список из девушек, которые допущены на второй этап. Готовы?

Гости захлопали.

— Афанасьева Регина...

Хлопки и поздравления.

— Калмыкова Милана...

Хлопки и поздравления.

— Жилина София...

Хлопки и поздравления.

— Березина Вера...

Хлопки и поздравления. У каждого куратора была возможность отправиться вместе со своими девочками во Францию. Регина и Вера от Ловкач. Милка от Янковской. Юлианна от Ануш. И София от Беловой. Но у кого-то шансов будет больше.

Но что я? Неужели это все?

— И последняя в списке, но не последняя в таланте. Хотелось бы отметить эту девушку за ее невероятные способности как фотомодели. И поздравить ее не только с переходом на второй этап, но и в победе в прошлом конкурсе. Фэшн съемке. Подойди сюда.

И тут на проекторе появилась фотография. Девушки в корсете. Она казалась нереальной и в то же время живой. Хотелось повесить эту фотографию на холодильник и сделать ее

своим кумиром. И я столько всего хотела сказать.

Но тут запнулась.

Ведь это я.

Это я стою. И это меня зовут на подиум.

— Ты поднимешься сама? — прошептал Матвей.

— Д-да.

Конечно да!

Я оторвала свои вспотевшие ладошки от смокинга парня и сделала шаг навстречу. Медленный как мне казалось шаг. Второй, и вот я уже около Жрецовой. Она поцеловала меня в обе щеке и подала мне сертификат, как и другим.

Меня встретила объятиями Юлианна. Потом к ней подошла Регина и другие девушки.

— Ты следующая, — в ухо в конце проговорила мне Милана и очаровательно улыбнулась. — Жди подарка, красавица.

С ее словами в пеший тур отправились мои мурашки.

Кто-то еще сомневается, что мир моды — это змеиное гнездо. А женщины невероятно коварны, когда желают достичь цели.

Но ведь бояться ничего не нужно. Потому как страх — это унижение и потеря себя. Так что натяни улыбку Малахит. И вперед. Раз выбрала этот путь. Держись данного направление до самого конца.

— Ксю, выходи из своей темницы и выпей за наше здоровье, — кричит в прихожей Рубин. Да так громко, что я ее слышу в своей комнате. Откладывая свой новый, но уже немного потрепанный блокнот и встаю с кровати. — Выходи, красавица, я принесла фрукты и молоко. Сделаем коктейли, и выпьем этим вечером.

Девушка скидывает свои каблуки и проходит на кухню. Слышу как она распаковывает пакеты, включает кран, а потом выключает. Стучит стаканами и столовыми приборами. Открывается и закрывает холодильник.

— Ты подойдешь ко мне, — снова кричит она.

А я с улыбкой поднимаю ее обувь и расставляю на специальной полочке. На вешалку вешаю пальто и закидываю шарф на верх. Проверяю на всякий случай замок, а то у нее есть неприкольная привычка. Забывать двери не запертыми, когда заходит домой.

— Иду, — говорю и ногой поправляю коврик.

Теперь все.

Марина на кухне уже успела нарезать фрукты и достать блендер с верхней полки. Ополоснула высокие стаканы и теперь они сушились.

— Наконец у нас есть возможность отдохнуть, — делая молочный коктейль сказала Рубин. Она собрала мешающиеся волосы в небрежный хвост, и теперь пару локонов свободно висели. Иногда ей приходилось их сдвигать. — У тебя есть неделя отдыха перед вторым этапом, и мне дали целых три дня выдохнуть. А то забегалась я, пока организовывала все тут.

Подаю ей яблоко. Его она разрезает на дольки, также за ним следует апельсин и манго. Вечеринка моделей без алкоголя, с фруктами вместо десерта. И если я себе иногда позволяла некоторые вольности в еде, то Рубин нет. Она подвержена к полноте. И много набирает если дает себе эти вольности. Алкоголь, сладости, хлеб. Фрукты давно стали ее единственными десертами. А вместо алкоголя вода с лимонным соком.

Блендер шумно смешивает ингредиенты, а спустя минуту наступает тишина.

— Держи, — Рубин наливает коктейль в высокий стакан. — Это молочный коктейль с обезжиренным молоком, с овсянкой и клубникой. Щепотка корицы и меда делает коктейль десертом. Вкусным и нежный.

— А еще низкокалорийный, — усмехаюсь я.

— К сожалению, — морщиться девушка и отдает мне стакан. — Немного калориен для вечера. Но на то она и вечеринка. И это мое маленькое послабление в вечной гонке за красотой тела. Точнее за стройностью.

— Ты одна из самых упорных женщин, которых я встречала.

С восхищением смотрю на подругу. Делаю глоток ее коктейля и улыбаюсь. Разве есть сильнее женщин из моего окружения, чем она. Сколько помню ее она всегда боролась с собой. Ей приходилось держать себя в узде, чтобы иметь стройную форму. Ей приходилось много тренироваться, чтобы позы становились естественными. А еще ей приходилось защищаться от чужих нападков. Мало кто верил в ее успех. Кроме нее самой.

И в какой-то степени я стала больше ценить свой талант благодаря Рубин. Видя как ей приходится бороться за каждое движение. В то время как мне оно доставалось с легкостью. Я заметила ценность и начала также дополнительно работать над собой. Прикладывать

усердие, а не только надеяться на свой талант.

— Как же я завидовала тебе, — пробормотала Марина и взяла тарелку с ассорти фруктов. — То, что ты делаешь на фотосъемках. Как работаешь с партнером. Если конечно он не бесит тебя. Как тот парень...

Она прищуривает взгляд и кусает щеку. Памятью на имена она не славилась. Поэтому она пытается вспомнить, и мне приходится прийти на помощь.

— Ты про Олега?

Иду за подругой и вспоминаю того парня. Который вместо того, чтобы работать начал щупать меня. Это было непрофессионально.

— Ага, — расставляет тарелки на столик. — Бывают все же такие уроды.

Мы падаем на диван и чокаемся стаканами.

— За нас, — говорю я, и мы вместе пробуем ее коктейль.

Марина включает музыкальный канал.

— Но есть и нормальные. Благородные. А еще и влюбленные, — она кидает хитрый взгляд на меня. — К примеру как Матвей.

— Да, — тут же соглашаюсь с ней. В этом она права как никогда. Получить такую поддержку от парня, который при первой встрече казался эгоистом, кажется пределом мечтаний. — Матвей, он очень хороший парень...

И тяжкий вздох в конце.

Потому как хороший парень не всегда становится тем, в ком нуждается душа.

— Но не любимый?

Гляжу на подругу и вижу понимание в ее глазах.

— К сожалению.

— Понимаю, мы не всегда любим правильных и хороших, — отвожу от нее взгляд. Потому как я сама когда-то отказалась от правильного и хорошего парня. Так еще почему-то от меня не отстает Матвей. Тоже заслуживающий большее, чем могу дать ему я. — Я сама как-то попала на удочку уроду.

Заканчивает неожиданно печально подруга.

— Чего? — с недоумением уставилась на нее, а она отпивает немного напитка и грустно улыбается.

— Помнишь я встречалась с Эдиком?

Эдик? Что-то знакомое, но не особо важное.

— Он худой и с крысиной мордой? — уточняю.

Потому что особо его не помню. Но из воспоминаний остались ощущения, мне он сильно не нравился. А вот Маринка от него была без ума. Но мне казалось, что они расстались нормально. Без драмы по крайней мере.

Фиговая я подруга, раз проморгала такое.

— Да это он. Ты уже уехала. А я в этот момент узнала новость, которая повлекла за собой череду изменений. Я ведь не планировала перебираться в Москву. Но так получилось, что оставаться в городе, где мне все напоминало об этом. Я не могла. Память медленно убивала меня. А мне хотелось двигаться дальше. Жить. Дышать полной грудью. Хоть и без него.

Я ставлю стакан на столик и поддвигаюсь к ней, чтобы обнять. Марина скукожилась и легонько тряслась. Она не плакала, но дрожь проходила по ее телу.

— Он изменил тебе? — гадаю я, но та качает головой.

— Нет, — хлопает носом и продолжает. — Я забеременела.

Вот это да... И как она с этим справилась? Невольно я опускаю взгляд на ее плоский живот, где сейчас точно нет ее ребенка. Но почему-то проверить это захотелось. Тогда я крепче ее обнимаю и спрашиваю дальше.

— И сделала аборт? — и снова она отрицательно замахала головой, а потом отсела от меня.

— Эдик всегда был против моего увлечения модой и моделингом. Может помнишь это, — уточняет она. У меня всплывает одна неприятная картинка. Как тот парень требовал от Марины, чтобы она бросила школу моделей. А она потом за ним бежала и просила его остановиться. Неприятно узнать, когда любимый ненавидит твоё увлечение. — Называл это пошлостью. А что модели работают больше эскортницами. Но когда я узнала про беременность, я готова была отказаться от мечты. Ради ребенка. Семьи. Эдика. Но знаешь что он сделал, когда узнал новость?

Я молчала.

В моей голове роились предположения. Но их озвучивать страшно. Словно убивать невинного малыша. Только мысленно.

Но что сделала бы я? Если бы беременность была у меня?

Отвечать честно на это я не готова даже себе. А произносить вслух такие вещи кажется кощунственным.

— Он спустил меня с лестницы. Спустил и сказал, что с такой шлюхой как я, поступать иначе нельзя. Модели все такие. И что мне нужно быть благодарной, что он делал меня честной. Что признавал своей девушкой. Но верить в “нашего” ребенка, ему не хочется. Представляешь?

Марина провела по влажным щекам и с удивлением смотрела на мокрые кончики пальцев. И как-то со смесью презрения или облегчения, она улыбалась этому факту.

— А что с тобой потом произошло?

— Со мной..., — она помолчала, посмотрела на потолок и безысходно выдохнула. Но продолжила говорить. И кажется она это рассказывала потому что ей это было нужнее. — Выкидыш. Я сильно переволновалась. Пришла домой. Лежала на кровати и плакала. И в какой-то момент сильная боль скрутила меня. А дальше кровь, боль и скорая. В больнице мне сказали, что теперь у меня проблемы с женскими органами. Если захочу забеременеть, мне понадобится хорошенько пролечиться. Вот так... Конец моей истории.

— Мда, печальная история для вечеринки, — и даже страшная. Особенно, когда в итоге остаешься у разбитого корыта.

Сколько нужно иметь сил, чтобы подняться, когда в тебя кидает близкий человек камень? А хватило бы у меня на это? Если бы Глеб раньше меня понял, что мода для меня важна. А если бы он также спустил меня с лестницы и назвал шлюхой, только потому что я модель.

А не поэтому я молчала. Чтобы в меня мой близкий не кинул камень. Значит я все таки слабачка.

— Прости, — она заметила мое грустное лицо, и подумала, что я так расстроилась из-за ее истории. Жаль, что мне трудно все объяснить ей. Все то, что крутится в моей голове, но не может вылиться в слова. — Но я хотела объяснить почему тебя убеждала помочь той женщине. У меня хотя бы есть шанс забеременеть. Но у некоторых его вообще нет. И прости, что я твоими руками... Ну не совсем руками, — мы одновременно улыбнулись. — Но

заставила помочь ей.

Беру коктейль в руки и выпиваю все сразу.

Ей не за что извиняться. Потому что мне самой понравилось. Не отдавать по факту своего ребенка другим людям. А помогать. Мне самой стало легче, когда осознала это. Что мои действия привели к тому, что чья-то проблема решилась. Благодаря мне.

Я помогла другому человеку.

Не потому что он заплатил. Не потому что так надо, и он меня убедил.

А потому что я хотела помочь. Я чувствовала этот жар желания сделать это. Сделать чужого человека счастливее.

— Но кто тогда в твоём сердце... и в блокноте? — резко сменила тему Марина, глядя на меня.

А я не оборачиваюсь. Я снова вижу его. Словно наяву. И мне стыдно перед ним. Мне именно стыдно. Что позволила своим страхам решить свои отношения. Но я бы не хотела, чтобы мне мой любимый сказал, что все модели шлюхи.

А он имел право так сказать. Ведь мне пришлось сниматься в паре с парнем, который распускал руки. Только на фото кажется, что мне нравятся его приставания.

И это так сложно.

Отвечать Марине глупо. Она и так все понимает. Что есть один парень, который мне дорог. А я труслива.

Пишет телефон.

Я подхожу и открываю сообщения.

“Поздравляю! Вы прошли на второй этап конкурса. Вам предстоит два задания, которые определяют. Поедете ли вы во Францию, или нет.

Первое задание: съемка в стиле ню.

Второе задание: дефиле.

Удачи. Мы ждем только одного победителя!”

Вот же...

Ню. Стиль ню. Вот и еще одна причина моего ухода от Глеба. Я сомневаюсь, что ему бы понравилось это. Что его девушка обнажается перед фотографом. А потом ее голое тело видят все, у кого в руках фотография.

— Что тебе пришло? — спрашивает Марина и допивает свой коктейль.

— Следующее задание, — хриплю я. — Это стиль ню.

Рубин давится и кашляет так долго и сильно, что мне приходится подойти к ней и постучать по спине. Она кое-как привела свое дыхание в норму и вздрогнула.

— Да ладно, они все же решили включить его в конкурс.

— Это сложно?

— Это скорее стыдно, если не отстранишься от всего. Это просто тем, кто не стесняется своего тела.

— Но я не стесняюсь, — пытаюсь убедить подругу, но мне не получается сказать это уверенно. Поэтому в это не верю даже я. — Да, ты права. Стесняюсь.

— Ты не поняла, не в том смысле, что комплексуешь из-за формы. Или еще чего-нибудь. Хорошо. К примеру, ты душу каждому раскрываешь, — спрашивает серьезно она.

— Нет, конечно. Мне кажется, я вообще никому ее не показываю.

— А тело? Это почти твоя душа, только она облечена в физическую форму. И представь, тебе нужно сниматься. Раскрепоститься. Для жюри это важно. Узнать, сможет ли

расслабиться модель при сложных условиях съемки. Так что победа в этом конкурсе, это почти победа.

— А ты сама снималась в таком стиле?

— Было дело, — хмуро отвечает она. — Когда приехала сюда на конкурс.

— И как?

— Представила, что на диване сидит Венсан Кассель и ждет меня. А я его соблазняю.

— Боже, — кидаю в нее подушку и присаживаюсь на диван. — Ты до сих пор кумаришь по этому старому актеру.

— Может он и старый, — важно отвечает Марина. — Но он француз, и он в прекрасной форме. И я уверена, что он любит девушек в теле. Такие, как я.

Гордо отвечает и поворачивает лицо профилем с улыбкой королевы.

— Откуда такое мнение? — прищуриваю глаза и хихикаю несбыточным надеждам подруги.

— Мужчина был женат на Монике Беллуччи. А она совсем не худышка, — строго говорит Марина и встает, чтобы кинуть в меня подушкой. — Стройная — да. Красивая — да. Сексуальная — да. Но точно не худышка. Совсем как я.

И она проводит по своим аппетитным формам и хихикая уносит стаканы.

Да уж, у кого и можно научиться обнаженной съемке. Так это у Моники Беллуччи.

Резко встаю и подхожу к зеркалу, которое стоит в прихожей. Оно во весь рост и я могу разглядеть себя. Осматриваю вначале свое лицо. Немного взволнованное и растерянное. Щеки бледноваты. Мешки под глазами портят вид. Но это потому что я не выспалась сегодня. А глаза у меня блестят. Наконец-то, не то, что было в начале конкурса.

Дальше я взглядом следую по шее вниз. Поднимаю руку и провожу указательным пальцем по ключице, а потом вниз к груди. Спускаюсь уже обеими руками к талии и обхватываю ее. И дальше вниз к бедрам.

Ноги у меня стройные и длинные.

Хватит смелости у меня обнажиться перед камерой? Стесняюсь ли я своего тела?

Или я могу открыться и душой, и телом только перед камерой. Неужели мне так сложно рассказать о своих чувствах другим, но показать их камере... Для меня это проще простого.

Значит ли это, что я смогу раздеться и раскрыть свою душу? Пока не знаю. Но попробовать точно нужно.

Вот и первый снег. В этом году он сильно запоздал. Уже середина декабря, а он только впервые лег на асфальт. Через неделю начнется полноценная сумятица по предстоящему новому году. Но некоторые уже сейчас начали сходить с ума по этому поводу.

Снег вальсирует за окном и медленно падает на улицы города. Я слежу за одной бархатной снежинкой, и вижу как она приземляется на остановившуюся машину. Из автомобиля вышла женщина и поправила воротник, скинув снег, а потом вошла в здание агентства. За ней последовал из машины паренек, который нес коробку.

Отворачиваюсь от окна и смотрю на своих соперниц. Нас осталось шестеро. Кураторы стоят поодаль и что-то обсуждают. А девчонки сидят на стульях и по-разному реагируют на предстоящую съемку.

Софья и Вера мнут руки и переглядываются. Они опустили головы и кажется, что они молятся модельному богу и просят о помощи. Милка развалилась перед ними и смеется над девчонками. Она наклоняется к ним, что-то шепчет, а потом громко ржет. Вера вздрагивает от ее слов, а Софья бледнеет.

Вот же сучка.

Кто так поступает.

Регина сидит недалеко от них, но не реагирует на нее. Даже не поворачивает головы, когда Милка окликает ее. Регина молча ей показывает фак пальцами и продолжает игнорировать. Милану это раздражает. Она поджимает губы и презрительно смеется.

Господи, кто-нибудь может запретить ей смеяться.

Кажется, словно среди нас есть черная ведьма, которая накладывает на каждого свое усовершенствованное проклятье. И это жутко бесит.

Юлианна сидит недалеко от меня и дрожит. И ее вид заставляет меня заткнуться. Девчонка боится этой съемки. Лучше побудь человеком и помоги ей, — говорю себе. А не кипятись на других. Так пользы не будет. Одно лишь раздражение останется.

— Юль, расслабься, — подсаживаюсь к ней и трогаю ее за плечо. Она пытается мне улыбнуться, но получается у нее не ахти. Ее выражение больше напоминает кислую рожу, чем улыбку. — Это просто фотки.

Хочу успокоить, но Юлианна качает головой.

— Ксюш, тебе легко говорить. Ты талант. Ты делаешь такие фотографии, от которых дух захватывает. Я вряд ли выиграю в этом конкурсе. Потому что есть Регина, и есть ты. А еще скорей всего, — обреченно вздыхает и смотрит мне в глаза. — Потому что я завалю эту съемку.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что мне стыдно. Если мои фотографии увидят родственники. Они ведь устыдятся меня. Они скорей всего отвергнут меня как дочь. Потому что нормальная дочь не позволит снимать себя голой.

Она замолкает и отворачивается.

Родственники, которые стыдятся дочери модели. Это даже хуже парня, говорящего, что все модели шлюхи. Потому что парня можно бросить. А родственники... их не бросишь. Они всегда будут с тобой. И их слова в твоей голове.

— Они по крайней мере у тебя есть, — шепчу я.

Завидовать некрасиво, я знаю. Но, черт возьми, они у нее реально есть. И наверное, лучше иметь хоть каких-нибудь?

Вот же лицемерная Ксюха, — тут же кричу на себя. У тебя вообще-то есть родственники. Дрянные, которые ненавидят моделей. И что тебе от этого легче? Нет, только хуже. Потому что они как бы есть и их как бы нет.

— Хотя забудь, — тут же отвергаю свои сказанные прежде слова. — Близкие люди должны принимать тебя любой. И если они этого не делают, а наоборот хотят изменить под свой придуманный образ. То они скоты. А ты крутая модель. Хорошая и старательная. А еще, — неожиданно добавляю я. — Прекрасный человек.

Юлианна косится на меня, но молчит.

В зал зашли несколько человек. И с ними дама с парнем, которых я видела из окна, и он нес коробку. Дама выложила какие-то предметы на стол и помахала кураторам.

Начинается, — промелькнуло в голове. И тут же услышала тихий голосок рядом.

— Спасибо, Малахит. Ты тоже прекрасный человек.

Поворачиваюсь к ней, но вместо прежней неуверенной Юлианны, сидит красивая девушка. Спокойная и твердая как скала. Она мягко улыбалась, но поза не выдавала волнение. Только мелькающий взгляд паники. Но он пропадет, когда она встанет перед камерой.

Дама привлекла наше внимание и начала говорить.

— Каждой участнице пришло уведомление, в котором указаны задания второго этапа. Мы решили, что к дефиле подготовиться никак нельзя. А вот к сегодняшней съемке подготовиться нужно. Так вот основные условия этого задания. Шесть предметов. Ваши кураторы выбирают для каждой девушки один предмет. Единственное, что будет прикрывать тело...

Выдыхаю. Медленно.

Но успокоиться мне не помогает даже моя привычная дыхательная гимнастика. Потому что эта съемка действительно сложная. На нас не будет одежды. Ничего. Распущенные волосы и один предмет. И то его выбирает куратор. А предметов всего шесть, значит если Ануш не захочет побороться за нас. И укрыть нас получше, то возможно единственное, что будет в моих руках — это крошечная чашечка.

А это... смех, а не прикрытие.

Опускаю голову и смотрю на дрожащие руки. Я волнуюсь. Мне не приходилось полностью обнажаться перед людьми. А мужчина, единственный который видел меня голой — это Глеб. Во время съемки будут находиться один фотограф (мужчина) и куратор.

Не думала, что мне будет так сложно собраться для этой съемки. Знала бы Юлианна, что я боюсь этой съемки также сильно, как и она. Она бы сразу свергла меня с пьедестала, на который сама и воздвигла.

— Кураторы выбрали предметы? — спросила незнакомая дама. Представиться перед нами она не пожелала.

Кураторы разобрали предметы и понесли их нам. Я радостно улыбаюсь, когда замечаю, что выбрала Ануш. Но потом все обрывается. Она в одной руке несла невесомый палантин. А в другой руке туфли на высоком каблуке.

Вот же...

Переглядываемся с Юлианной. В ее глазах плескается паника. Она тоже волнуется.

— Юль, тебе это, — и Ануш отдает в руки моей соперницы палантин. — А тебе, Ксю,

это.

Туфли!

На мне будет одни только туфли. Я дрожала, когда принимала их в руки.

Любопытство гложет меня, что досталось тем временем другим. У Милки на пальце висели одни лишь крошечные стринги. Регина держала небольшую напольную бордовую подушку. У Софии что-то не понятное из множества ремешков купленное в секс-шопе. А Вера обвевала себя веером, которым она видимо будет прикрываться перед камерой.

Не густо.

— А теперь девочки идите к визажистам и переодевайтесь, — сказала Ануш, но на нас она не смотрела.

Ей стыдно или жалко нас?

— Может раздевайтесь? — шучу я и верчу в своих руках стрипы. Высокий каблук и платформа. Черные с ремешками до щиколоток. Стоять в этом я не смогу. Только сидеть или лежать. Надеюсь там не холодно.

— Тут ты права, — добавила Ануш, мельком взглянув, и ушла.

Нас повели к знакомым мастерам. Сегодня никого не спрашивали, какую мы хотим прическу или макияж. У всех натуральные краски на лицах и распущенные волосы.

— Ты готова, Ксюш, — тронула меня за плечо Анюта.

Говорить ей что-то у меня не было сил. Я зашла за ширму и медленно скинула с себя одежду, накинула легкий халат и надела туфли.

— Ксюш, ты готова? — спросила с другой стороны Ануш. — Давай ты первая. Другие пока трусят. Но ты ведь не такая?

Не такая... да... я ведь это предполагала.

Туже затягиваю узел и выхожу.

Ануш приобнимает меня за плечи и ведет в комнату с фотографом. Сегодня закрытая съемка. И это единственное послабление для нас.

— Ксюша, самое главное для ню-съемки расслабиться. Закрой глаза, если тебе стыдно. Но продолжай работать. Представь, что на месте фотографа стоит твой парень, кинозвезда, которому ты хочешь понравиться. Или любого человека, с которым ты чувствуешь себя расслабленно. Но без эротики и пошлости. Привлечь внимание, а не соблазнить. Поняла?

Киваю. А в голове каша.

Привлечь? Да как будто голое тело в любом случае не привлекает внимание.

Перед дверью Ануш тормозит и заставляет посмотреть ей в глаза.

— Ксюша, ню-съемка сложна не только тем, что ты голая перед чужаком. А потому что фотографию красивую сделать нельзя без души. И если в других съемках ты можешь сделать акцент на вещах, макияже, сцене. То тут всё нараспашку. Тут нужна твоя душа. Душа, которая скрыта в глазах. Не тело. А душа.

Душа? Марина про это говорила.

НО.

Я так привыкла скрывать ее ото всех. Ее я так боюсь показывать друзьям. И даже скрыла от Глеба, хоть ближе него человека у меня не было. Мне нужно ее выгащить здесь. Сейчас.

Ануш открывает дверь, а я захожу.

Один фотограф. Одно освещение. И пустая белая стена.

Она права. У меня ничего нет. Я не смогу скрыть свою истинную сущность. А если захочу скрыть, то провалю задание.

Открытие души.

Перестань быть трусливой. Имей храбрость признаться хотя бы себе. Кто я.

Кладу руки на пояс и развязываю узел. Каблуки эхом стучат по полу. Но я ничего не слышу. Внутри меня запеваёт моя душа.

Прохожу мимо Ануш и незнакомого парня, приближаюсь к стене. Я успела скинуть халат, пока шла. И я стою тут. Обнаженная телом. Осталось обнажить свою душу.

Вдох-выдох.

Оглядываюсь через плечо. Бросая взгляд на фотографа. Но я вижу не его. А всех. Всех своих знакомых, которым не показывала настоящую себя. Свою душу.

Первая вспышка. Вторая.

Теперь меня нет.

Есть только я. Фотоаппарат. И этот момент. Который изменит меня или убьёт.

Как же сложно. Ты ощущаешь обнажённую кожу и первая мысль, которая возникает, показать тело. Красивое тело нужно запечатлеть на плёнку. Но это эротика. А смысл задания составить историю из ничего. Из пустоты рассказать свою версию. Усмирить свою гордость, скрывающаяся за одеждой.

Показать свою уязвимость. И каким-то образом стать сильнее.

Какой же бред крутится в моей голове. Или не бред.

— Ксюш, — подходит ко мне Ануш и отдаёт оброненный халат. — Ты закончила.

Моргаю, но не понимаю, смысл слов.

Это конец? Все что ли? Я справилась?

— Эм... правда? — накидываю халатик, и затягиваю узел. На фотографа мне страшно смотреть. Поэтому упираюсь взглядом на куратора. — И как?

— О чем ты думала? — резко спросила она.

А внутри меня все обрывается. Я не справилась?

Все зря...

— Плохо получилось? — уточняю и страшусь услышать свой приговор.

— Ты не ответила на вопрос, — требует она и скрестила руки на груди. — О чем ты думала?

— Я... об уязвимости.

Ануш молчала. Она взглянула на фотографа и спросила.

— Как, по-твоему, у нее получилось?

— Ксюша? — уточнил парень. И я медленно поднимала голову, чтобы взглянуть на него. Невысокий коренастый и с большими ушами. Он подмигнул мне и посмотрел на Ануш. — Я думаю, ее впереди ждет более впечатляющая съемка в стиле ню. Но и сейчас очень неплохо. Только судить не мне.

Поспешно открестился он и пошел готовить место для следующей девушки.

— Уязвимость это неплохо, — начала Ануш. — Но ты можешь лучше. Когда ты приехала, мне показалось, что тебя что-то тревожит. А сегодня я в этом убедилась. Это что-то тебя сдерживает. Но во время фэшн съемки этой тревоги не было. Задумайся об этом. Потому что “это” мешает тебе в работе. А теперь иди.

Киваю ей и прохожу мимо.

— И еще, — тормозит она меня около двери. — Ты выиграла индивидуальный урок со своим куратором. Завтра встретимся в тренировочном зале номер три утром в одиннадцать. Оденься во что-нибудь удобное. Можно даже в спортивное. Будем устранять твою тревогу.

Она мне не нравится. А теперь иди.

Прикасаюсь к ручке двери и отпираю ее.

Меня встречают девушки. Они сначала отскочили, видимо пытались подсмотреть в скважину. Но почти сразу накинулись с вопросами. Каждая хотела спросить. Каково это сниматься голой. Но я всех отталкиваю и ухожу переодеваться.

За ширмой падаю на стул и прячу лицо в ладонях.

Что меня сдерживает?

Вина. А еще стыд. А также желание исправить собственные ошибки.

Может пора набраться смелость и сделать это? Но только где взять эту смелость.

Глава 15

— Ксюша, — кричит из своей комнаты Марина и выходит в новых черных джинсах с потертостями на коленях и в бюстгальтере. — Давай поедем на вечеринку к Максусу.

— Не хочу, — бурчу я и отпиваю чай.

— К тому, который снимался месяц назад в нашем агентстве. Черненький и кареглазый, — продолжает она словно не слышала моего ответа.

— Не-ет, — громче отвечаю и откусываю шоколадку.

Марина возвращается к себе, но через пять минут возвращается в платье и с телефоном.

— Тогда давай поедем к Ловкач на домашнюю вечеринку, — предлагает она.

— Нет, — качаю головой и допиваю чай. И достаю новую дольку шоколада.

— А может к модельерам новым поедем, — говорит она и печатает в телефоне ответ. Но ей звонят. — Хорошо. Приеду. Малахит? Спрошу у нее. Ага, до скорого. С наступающим. Та-ак, — Марина становится передо мной и руками упирается в бока. Она угрожающе скрестила брови и прищурилась. — Ты поедешь со мной.

— Нет, — снова говорю я и встаю, чтобы отнести кружку в раковину. — Я сегодня никуда не собираюсь.

— Даже на вечеринку к Ольге, — тихо спрашивает Рубин и наклоняет голову.

— К кому? — включаю воду и ополаскиваю кружку.

— Наш распорядитель. Она кстати говоря знает как пробраться к любому фотографу и знает многих модельеров. Поэтому с ней дружить, ой, как полезно.

— Класс, — выключаю кран и вытираю руки. — Мне что теперь прыгать от радости, что у меня есть возможность пробраться к “великим и прекрасным”? — У Марины прекращает улыбаться на моих словах и отворачивается. И до меня начинает доходить, как прозвучали мои слова. — Прости, Марин. Я не хотела показаться стервой.

Девушка не поворачивается, но, к счастью, бурчит в ответ.

— Но ты ведешь себя как стерва.

— Знаю, у меня просто нет настроения, — вешаю полотенце на крючок и подхожу к подруге. — У меня второй новый год без родителей А прошлый раз... праздник это мало напоминало.

— Ах, да, — кивает она. — Предприимчивая тетка, вредная сестра, безучастный дядя.

— Ага, мне лучше остаться дома и не мешать праздновать людям.

— Ладно, — соглашается подруга. — Тогда пока я собираюсь. Расскажи как прошел твой урок у Ануш.

Марина улыбается и тянет меня за руку к себе. Она выбирает себе наряд. А я плюхаюсь на кровать и рассматриваю ее книги.

Их много.

— Что ты хочешь услышать?

— Все, — улыбается Марина и прикладывает свой белый брючный костюм, но тут же откладывает. — Сомневаюсь, что не умудрюсь облить себя вином.

— Мы работали над моей тревожностью, — выпаливаю я, глядя на книжную полку.

— Что? — тормозит Рубин. — В смысле. Она вместо того, чтобы показать хитрости фотосессии и новые позы. Работала психотерапевтом для тебя.

— Да, — соглашаюсь. — Может в джинсах останешься. Они тебе идут.

Марина достает джинсы и рассматривает из в зеркале. И подумав, начала снимать с себя платье.

— Продолжай.

— Ну, ты наверное заметила. Я напрягаюсь перед каждой съемкой. И мне приходится работать над этим каждый раз.

— А то, — поднимает руки кверху и поднимает голову, а потом хитро смотрит на меня и достает красный топ. — Ты как дзен-буддист. Может скоро с ковриком для йоги начнешь приходить для медитаций?

— Возможно, — улыбаюсь ее шутке. — Но Ануш это достало. И она пыталась разобраться почему я так веду себя.

— Ты ей рассказала про парня?

Отрицательно машу головой и начинаю говорить.

— Про родителей. Про дядю Мишу.

— Это ваш сосед, ведь так?

— Да. И она попыталась до меня достучаться. И вроде как ей удалось, — встаю я с кровати, потягиваясь.

— Значит хандрить ты больше не будешь? — с сомнением спросила подруга.

— Я буду стараться.

— Ксюша, — тихо уточняет Марина и неуверенно продолжает. — Ты уверена, что хочешь встретить новый год одна?

Рубин задавала этот вопрос часто на этой недели. Она действительно беспокоилась обо мне. Да и мое желание звучит странно. Остаться одной на праздник, который празднуют с друзьями даже самые заядлые интроверты.

Но мне нужна передышка. Тишина. Умиротворение. Особенно после психоанализа с Ануш.

Поэтому да, я уверена.

— Марин, беги скорей. А то это твоя последняя возможность побыть со своими друзьями из Москвы.

— Ты права, — согласно кивает и выходит прихожую, а я за ней. Она достает дубленку и одевает ее, затем окутывает свою шею шерстяным шарфом. Но замирает с его концами в руках. — Ты ведь не упадешь в обморок, расквасив себе голову?

— Нет, не упаду. Гормоны я больше не пью.

— Это хорошо, — заканчивает она и достает сапоги. — Ну что ж...

Ее прервал дверной звонок. Она удивленно смотрит на меня.

— Ты кого-то ждешь? И поэтому хочешь меня спроводить?

Вообще-то нет. Я не жду. Но отвечать нет смысла. Рубин уже открыла дверь и через порог вальяжно зашел Матвей. В руках пакеты, цветы, шампанское. Дед Мороз в свои лучшие годы.

— Не ждали, а я к тебе.

— Ого, — цокнула Марина. — Теперь поняла почему меня выгоняли весь день. Пока детишки, балуйте, но в меру. Ей в следующем году толстеть нельзя.

И послав нам воздушные поцелуи, девушка выпорхнула из апартаментов.

— Будем баловаться осторожно? Я за осторожность, — с гордостью говорит Матвей и стучает себя по груди.

— Зачем ты здесь? — грубо обрываю я.

— Ты даже не дашь мне занести пакеты? Открыть шампанское? И скушать один салатик?

Отодвигаюсь с прохода, чтобы он смог пройти.

Нужно ли ему это? И зачем он держится за меня. Разве не понимает, что от этого хуже не мне. А ему.

— Проходи, — рукой показываю направление.

Матвей с улыбкой переступает через порог, а я маньячно слежу за его ногами. Словно он сейчас застрянет в проеме как нечисть. Но этого не происходит. Марков спокойно скидывает обувь, своё дорогое зимнее пальто. В одной руке он продолжал держать пакеты.

Он первый прошел на кухню и осмотрел комнату. Сразу определив, куда можно поставить продукты, парень начал хозяйничать.

Мы молчали.

Я наблюдала за ним.

Он спокоен, как каменная статуя. Не обращая внимания на меня, он достал бокалы и открыл вино, нарезал фрукты и вывалил в тарелки готовые салаты.

— У нас еда есть, — предупреждаю я.

— Я решил не рисковать. Кто знает моделей, может у вас даже в праздничную ночь диетическая еда.

Усмехаюсь. Он прав. Я себе в честь праздника приготовила чуть больше, но строго диетическое. Жирных соусов и алкоголя у меня нет.

— За тебя, — поднимает бокал Матвей и выпивает половину.

— Матвей, я не...

— Ксюх, давай без этого, — рявкнул парень. — Я знаю, что ты снова начнешь говорить. Что “мне не нужно быть здесь” или “я тут ОДНА и чувствую себя нормально”. Но мне хочется быть здесь. И точка. Мне нравится с тобой общаться. Особенно, когда ты затыкаешься на эту тему. И начинаешь быть нормальной Ксюшей.

— Матвей, но от этого проблема-то не проходит.

— Значит мое пребывание с тобой — это проблема? Для тебя? Почему? Я ведь не вызываю в тебе особых чувств. Так забей на меня. И позволь мне с тобой общаться и помогать. От тебя не убудет.

— Ты меня вообще представляешь конченной сукой? — прошипела я.

Отошла к холодильнику, чтобы достать из морозилки лед. Надо достать оттуда кусочек и закинуть в стакан, а потом добавить что-нибудь покрепче и успокоиться.

Я ведь лед достала для этого, а не, чтобы пробить голову человеку, который совершил интервенцию.

— А разве не такой ты себя выставляешь? Ты всех заставляешь так думать, что ты конченная. Почему? Почему ты всем напоминаешь, что ты бесчувственная мразь?

Марков встал напротив меня. Он разводит руки в разные стороны, а на лице обреченность. А еще боли.

— Может потому что я такая, — шепчу я. Но он слышит мой голос, и делает несколько шагов ко мне.

— Тогда почему ты волнуешься о моих чувствах и бедах. Раз ты такая сука и мразь. Будь до конца такой.

И тут меня прихлопнуло.

Я ощутила как во мне лопнул пузырь. Я могу быть такой. И сукой, и мразью.

НО.

Я не хочу.

Где-то нужно быть такой. Когда кто-то пытается тебя уничтожить или подставить. И такая позиция сможет защитить меня. Но быть такой постоянно я не хочу. Да и не такая я.

Но почему я поступила так подло с Глебом?

Неужели я от него оборонялась. Неужели я почувствовала от него опасность. А Матвей? Я тоже чувствую от него опасность...

— Что? Я затронул что-то важное?

Матвей прищурился и придвинулся ко мне. Он словно хищник почуял кровь своей жертвы. А во мне запели инстинкты жертвы.

Бежать. Обороняться. Защищаться.

— Перестань, — прохрипела я, делая шаг назад.

Мой зад уперся в стол, а руки сжали стол.

Неужели вот он ответ на вопрос Ануш.

Почему я стыжусь своих чувств? Почему позволяю им управлять мной. Потому что я защищаюсь от правды.

— Что именно? — уточняет Матвей и снов приближается.

— Давить... — хриплю я.

Матвей не остановился. Он встал напротив меня и рукой прижал к кухонному гарнитуру. В его глазах было столько желания. Не страсти. А желания понять.

Он глядел на меня, словно препарировал мое тело, голову, мозг. Чтобы изучить меня и определить к какой категории меня можно отнести.

— И кто же ты такая, Малахит? Бесчувственная мразь, или наоборот. Тот, кто может проникнуться чувствами другому. Понять его. И ты боишься. Боишься того, что не справишься. Что сможешь забыть себя и раствориться в другом. Поэтому ты бежишь как олень от всех, кто может пробить твою броню. Может тебе пора остановиться? Задуматься кто ты. Какой человек? И найти в этом силу, а не только слабость.

Я не поднимаю головы.

Потому что...

Потому что он поймет.

Потому что он прав.

Смерть родителей изменила меня намного больше, чем я думала. Потеря близких. Боль была слишком велика, чтобы с ней бороться. Проще спрятаться. Сбежать. А если появится те, которых я люблю. Те, которых я могу потерять.

Лучше потерять их первой. До того как они приблизятся к мне.

— Уходи.

— Почему ты меня продолжаешь гнать. Разве в тебе есть ко мне чувства?

Лавина топит меня. Не дает мне остановиться и задуматься, что я хочу сказать. И происходит взрыв, которые разорвет меня в клочья.

— Почему? — ору я и скидываю его руку. — Почему? Потому что ты как заноза, которая напоминает мне, что я сделала летом. Потому что ты пытаешься докопаться до меня. Потому что я злюсь рядом с тобой. А злость не позволяет мне быть спокойной. Потому что я сейчас ору на тебя и начинаю чувствовать. Вспоминаю, как жила в вашем гребаном городишке. Этого достаточно, чтобы желать, чтобы ты исчез из моей жизни.

— Так все это, — он обводит руками вокруг себя. — Из-за Глеба? Он мелкий засранец

сумел так глубоко влезть в твои мозги. Что ты не можешь его выкинуть.

— Да-а!

— Ты думаешь Глеб хранит тебе верность? Ты думаешь, что платонические чувства для парня важнее банального секса? Ты всерьез такая наивная?

Я поднимаю взгляд на него. И из меня сочится неприкрытая ненависть. Кулаки сжаты, зубы тоже. Пульс стучит, как у тахикардика.

Матвей отступает и проводит руками по волосам. Его укладка пропадает под натиском дрожащих рук. Он отходит к столу, чтобы допить вино из своего бокала. А потом схватил бутылку и сделал несколько глотков напитка прямо с горла.

Со стуком бутылка встретила со столом, и только тогда Матвей оглянулся на меня.

— Извини, Ксю. Я со зла. Я не знаю, как он живет. Но если он так важен тебе. Зачем ты сбежала? Неужели ты боялась в нем раствориться? Что он с тобой сделал?

Я моргаю, и пелена гнева спадает.

Сложно говорить. словно мое горло взяли в тиски. Но моего голоса и не нужно.

— Можешь не отвечать. Надеюсь, ты когда-нибудь мне это объяснишь. Потому что пропадать из твоей жизни я не собираюсь.

Он направился ко мне и коснулся моей головы, потрепав по волосам. С кривой улыбкой он вышел из кухни, и спустя пару минут дверь хлопнула. А сразу после этого затрещали фейерверки за окном.

С новым годом, Малахит!

Подхожу к окну, а на подоконнике лежит забытый мной телефон. До того как пришел Матвей, я думала кому можно позвонить, чтобы поздравить.

И осознала, что никому.

Никто не ждет моего звонка с поздравлением Нового года. Никто!

Дядя Миша, родители — они услышат мое поздравление через саму меня. Для этого не нужна телефонная трубка.

Но может стоит перед кем-то извиниться. Он не заслуживал того, чтобы я с ним поступила так. Без объяснения причин.

Ему все же стоит позвонить и попросить прощение. И тем самым освободить себя.

Разблокировав телефон, захожу в контакты. Вывожу из черного списка единственное имя и нажимаю на зеленую трубку.

Первый гудок. Второй. Третий.

Может это лишнее. Может не нужно это делать. Если отпустить, то разрывая все нити.

Отдвигаю от уха, но не успеваю.

— Алло..., — женский голос. — Алло, кто это? Ксюша?

Это Арина? Уже отвечает с телефона Глеба.

— Да, — хриплю я, а затем откашливаюсь. — Это я. Привет, Арин. Я могу...

— Не звони ему, — перебивает меня подруга. — Пожалуйста. Он только начал жить своей жизнью.

И тут же звонок был сброшен.

Значит он не нуждается в моих словах. Может потому что я в них нуждалась больше.

Но хотя бы совесть может успокоиться.

Вот только, сердце топит свою боль в собственной крови.

Достали! Все, меня достало. Что меня постоянно тянет прошлое назад. Каждый раз я делаю шаг вперед, но прошлое не отпускает.

Достало.

Моя жизнь принадлежит мне. И да, я подло поступила. Но он начал свою жизнь без меня. Пора и мне начать.

Достаю телефон и набираю Марине.

“Ксюх, с новым годом,” — кричит в трубку подруга.

— Марина, поздравлю. Ты можешь скинуть адрес.

“Адрес? Куда?”

— Чего, Марина, чего. Где ты сейчас. Я подъеду к вам. Хочу начать в новый год свою новую жизнь.

“УРА! Я пришлю тебе сейчас же смской. Я жду тебя. Одень что-нибудь сексапильное. Тут много красавчиков. Займись наконец сексом. Раз Матвей тебя не возбуждает.”

— Марина! — настойчиво зову подругу. — С чего ты решила, что у нас сейчас ничего не было?

“Не думаю, что вам хватило бы час. Скорее целая ночь. Но я заткнулась, Ксюха. Жду. К нам едет Малахит!”

Кричит людям Марина, и я слышу как ей отзывается народ воплями.

Меня ждут. Обалдеть. Меня где-то ждут. Может даже действительно сделать то, что предложила подруга? Решу это на месте. А пока нужно найти что-нибудь сексапильное и отправиться на новогоднюю вечеринку. И отпустить свое надоевшее прошлое.

Это будет мое первое желание в новогоднюю ночь.

Я передергиваю оголенными плечами. В зале сегодня прохладно. На стенах висят новогодние украшения, гирлянды и елочные веточки. Они будут украшать зал еще неделю. А через две недели это место преобразится в связи подготовки к дефиле.

— Всех с прошедшим праздником, девочки!

Ольга, распорядитель, взмахнула своим светлыми волосами и улыбаясь вошла в зал. На ней блестел новенький загар, и к тому же счастливая улыбка преобразила ее личико. Янковская единственная, кто решил не промолчать. Модель скривила губы и ухмыльнувшись спросила:

— Как любовничек? Вижу-вижу, что он хорошо поработал над твоим счастливым видом? Может поделишься с ним.

— Твой едкий голосок выдает зависть, Ирочка, — с милой улыбкой проговорила девушка. — Но мне приятно, что даже такая ядовитая модель как ты, заметила мой счастливый вид.

Янковская неожиданно поперхнулась.

— Как она ее, — Ануш подкралась и с усмешкой кивнула в сторону распорядителя. — Так надо многих гадюк мочить.

— Это да, — соглашаюсь с куратором и оглядываюсь.

Все девочки собрались здесь. Регина разговаривает с кураторами Беловой и Ловкач. Милка шушукается с Янковской. Юлианна с двумя оставшимися конкурсантками моделями мило болтает и смеется. Среди этих девушек только две гадюки. Одна опасная и немного влиятельная модель Янковская, а вторая ее протеже Милка. Ягодки одного поля.

— Гадюк ищешь? — заметила мои оценивающие взгляды куратор.

— Среди девушек только двое, — тихо отвечаю я. — Но это только мое мнение.

Поспешила смягчить свою резкость слов. Но куратора не обидела моя резкость в словах. Ей иногда даже нравилась моя прямолинейность. Хоть не всегда ценила мое сочувствие к другим. Или тем более мою совесть.

И над этим Ануш сказала, она собирается работать со мной. Оставаться хорошим человеком, но не позволять другим пользоваться этим. А еще она объяснила, что нужно иметь чутье на вшивых людей. Которые ловко скрывают свою вшивость.

На мое самоуверенное высказывание, что я умею находить змей. Куратор только фыркнула. Вот и сейчас она фыркнула и замахала головой.

— Наивная ты еще. Молодая, — со смешком ответила Ануш. — Но это поправимо.

— О чем это вы? — раздраженно спросила я.

Меня начинает бесить, что все уверены в моей слепоте. Кого я не вижу? Про кого Матвей сказал, что я обманулась в прошлом.

— Удачи тебе, Малахит. Я вижу тебя в своей команде, — Ануш потрепала меня по голове и ласково улыбнулась. — Ты должна победить.

— Полгода назад мне так не казалось, — хмуро ответила я. — Я думала, что вы мной недовольны. Из-за желания защитить ту девушку.

— Мне ведь нужно было тебя мотивировать не сдаваться. Иногда приходится быть чуточку жестче, чтобы перспективный смог сделать свой шаг. И мне до сих пор неприятно вспоминать твое состояние во время гормонов, — Ануш поджала губы, словно эти

воспоминания даже не нуждаются в гласности. Но потом она расслабленно пожала плечами. — Но с другой стороны, эта ситуация с Лидией доказала мне, что ты действительно хочешь быть моделью.

И мне эта история тоже многое объяснила.

И многое я теперь хочу изменить в себе.

Но теперь я готова вступить в выбранный мною путь. Идти до конца. А еще я хочу перестать сжигать за собой мосты. Нельзя начинать жизнь с нового листа постоянно. Нужно научиться жить с испачканным листом, и продолжать оставаться счастливой.

Сложное, но выполнимая цель на этот год.

— Вы уже знаете результаты?

— Нет. Но я видела фотографии, — Ануш положила руку мне на плечо и немного сжала. — Мне пора.

Куратор взмахнула своими длинными темными волосами и отправилась к жюри. Туда же отправились и остальные кураторы. Остались только мы. Участницы. Мы выстроились как на физкультуре в линейку, только не по росту.

Милка косилась на нас и недобро улыбалась. На мне она задержала взгляд и послала губами воздушный поцелуй.

Фу-у!

Так мерзко получать знаки внимания от змеиного народа.

И что-то меня выдало, раз Милка заржала. Девочки покосились на нее, но тут же отвернулись. Все ждали результатов.

— Праздники прошли, надеюсь, как и у меня, хорошо, — Ольга с улыбкой осмотрела нас, держа в руках позолоченный лист. Позади девушки стояли несколько операторов, которые впервые снимали в открытую. До этого они старались не попадаться нам на глаза. Видимо теперь уровень поднялся и что-то из съемок сразу отправится в просторы интернета. — У меня вот хорошо, а у вас?

Кто-то из наших захихикал. Милка как-то глумливо улыбнулась. Юлианна еще больше запаниковала. И только Регина оставалась серьезной. Девушка не улыбнулась на шутку, более того, она нахмурилась, увидев операторов.

Это мало кому понравится. Особенно если сейчас они при помощи проектора вывесят наши обнаженные фотографии. С другой стороны такие фото приведут больше трафика. Но печальнее всего то, что возразить никто из нас не сможет. Перед началом конкурса мы все подписали разрешение на использование наших кадров. В любых целях.

То есть никто из нас и слова против не скажет, даже если нашу обнаженную грудь увидят остальные.

Такова участь модели. Наше тело продает товар. Привлекает людей. Это искусство совместное с мастерством фотографа. Но мало кто видит в этом творчество. Особенно если изображено больше голого тела, чем привыкли видеть на рекламных билдбордах.

Только почему-то раньше обнаженное тело вызывало восхищение, а сейчас это именуется пошлостью. Не задумываясь о красоте. Люди привыкли обвинять других в распутстве и зажимать других в рамки. Тем самым не позволяя себе расширить свой же горизонт и увидеть красоту в мелочах. Возможно это произошло из-за внедрения стандартов красоты, ума, статуса. Мы измеряем друг друга по линейке стандартов, не замечая уникальность.

Или же, общество сделало несколько шагов назад, а не вперед. Хоть и развитие цивилизации обещает развитие. Но оно проникает не во все.

— Сегодня мне позволено назвать тех, кто получит призы за первые три места. Второе и третье место получают качественное портфолио и рекомендацию. А первое место двухчасовой урок со своим куратором. Такой же, какой получила Ксения за победу в фэшн съемке.

— Лучше бы ей снова не побеждать, — громким шепотом проговорила Милка. Чтобы услышала я? Или другие? — А трое остальных?

— Пусть радуются, что их не выгнали, — грубовато ответила блондинка.

Милка смутилась, а девчонки улыбнулись. Да уж, модельный бизнес за призмой красоты и изящества скрывает стаю беспощадных гадюк. С милой улыбкой многие способны воткнуть шпильку в ногу.

— Так вот, — начинает девушка. — Пятое место получила... Софья Жилина.

На белом экране появилась фотография Софьи. Ее растерянное лицо и тело обтянутое кожаными ремешками. Было заметно, что девушке неуютно. Она не смогла справиться со своей нервозностью. Казалось, что школьницу развращает престарелый фотограф. На этом кстати говоря можно было сыграть. Можно было рассказать историю невинной девушки, которую развратил ее учитель.

Можно было сделать... Но Софья не справилась с нервозностью. И заметно, что это модель, которой не удалась обнаженная съемка, а не бывшая невинная школьница.

— Следующая девушка... Вера Березина.

Девушка на фотографии восхитительна. Она расправила свои волосы, прикрывая одну грудь, а другую скрывая рукой. А веером она прикрыла свои нижнюю часть. Эффект создавался словно она Венера с картины Боттичелли.

И все же ее тело напряженно, словно кто-то хочет напасть на нее. Она не расслаблена для того, чтобы картина зажила.

— Начинаются призовые места, — предупреждает Ольга. — Третье место. Демидова Юлианна.

Юля укутанная в палантин стояла облокотившись о стену. Ее грудь и бедра выпирали из-под полупрозрачной ткани и казалось, что она стала ветром. Неземная принцесса. Чуть напряжение заметно в шее и в пальцах. Но они не привлекают так сильно внимание как ее поза.

Юлей охота восхищаться. И мы обязаны это делать.

Фотография заставляет покориться тебя своей воле. Потому что это почти искусство.

— Второе место. Регина Афанасьева.

Девушка распахнула глаза и криво улыбнулась. Но с фотографии на нас смотрела королева. Она сидела на подушке. Колени прижаты к груди, волосы за спиной, руки обхватывают ноги. Фото сделано с ближнего ракурса и кажется, что она заполняет всю картинку.

Королева, которая ждет на брачном ложе своего короля. И как только он придет, он возьмет свою королеву. И будет ею восхищаться и нежиться в ее объятиях.

Эта фотография заслуживала и первое место. На мой взгляд. Она живая и с тайной историей.

— А теперь посмотрим двух оставшихся девушек. Одна из них займет первое место, а вторая последнее.

И тут на экране появляются двое. На фотографии я сижу на полу. Мои длинные ноги кажутся бесконечными. Благодаря туфлям и ракурсу фотографа. На одну руку я опираюсь, а другая сжимает грудь. Волосы прикрывают другую, но частично заметен островок груди.

Ноги сжаты. Наготы мало. Но достаточно, чтобы показать изгибы.

Фотография эротичная и эстетична. Сохраняя баланс между искусством и пошлостью.

И Милка. Наши фотографии в чем-то похожи. Только у нас двоих фотографии наполнены не только эстетикой тела, но и эротизмом. Они обе возбуждающе прекрасны.

Но только Милана сделала свой акцент на своей пятой точке, прикрытой только одними стрингами. Она стоит на коленях, руками опирается на пол. И взгляд из-за плеча.

В ее фотографии чуть больше откровенной пошлости. Даже немного вызывающей.

Но что победить? Что искали жюри этим конкурсом. Эротизм в искусстве или в пошлости.

— И первое место... получает... М... Малахова Ксения.

Ух-х! — вылетел воздух из моего горла. И я удивленно оглянулась. Почему все вопят.

— Поздравляю, — кричит мне на ухо Юлианна.

Что?

Я? Смогла? Этот ведь конкурс почти победа. Я смогла...

С других сторон тоже слышатся поздравления.

И шипение тоже.

— Что ж-ш, поздравляю, Мала-хит, — слышу за спиной. Я поворачиваюсь, уверенная, что увижу там Милку. Главную змею. Но там к моему удивлению стояла Регина. Со сжатыми в искусственной улыбке губами она протянула мне руку.

Но ее глаза опасно прищурились. А во мне срабатывают инстинкты. Моя рука замирает на несколько секунд, словно я не решаюсь коснуться Регины. И она это замечает. От этого ее губы подрагивают в легкой усмешке.

Может Матвей в чем-то и прав. И я понимаю, что вокруг меня живут гадюки, но не могу их увидеть. Может я действительно в чем-то наивна и простодушна. А из-за того, что уверена в своей искушенности, я теряю свой кругозор.

— Поздравляю, Ксюша, — Марина выскакивает из-ниоткуда и обнимает меня за плечи. Она уводит меня из порочного круга, даже не замечая, как спасает меня. — Я была уверена в тебе. С дефиле ты точно справишься.

— Так, девушки, — крикнула распорядитель. — О дефиле вы узнаете из сообщения. Наряды выбирают ваши кураторы. Так же предупреждаю, те, кто занял призовые места получают возможность дефилировать от нашего модельера Жрецовой. Ее лучшие модели. Мероприятие назначено на двадцать шестое января. Это через две недели. Пару дней у вас есть выходных, а потом работаем до потери сознания. До встречи!

Девушки разошлись. Ануш мне напоследок кивнула и увела за собой Юлианну. А меня повела Марина.

— Мы пойдем отпразднуем твою победу кое-чем калорийным, — заговорщицки подмигнула подруга — К примеру, карамельным латте и чизкейком. Доберемся до Старбакса за пять минут.

— Ты была так уверена в моей победе? Раз продумала калорийный план, — с усмешкой спросила я.

— А то, — с мечтательным видом проговорила Рубин. — Я так хочу отправиться в Париж. Я для этого так работала. Но круче может быть только отправиться в город мечты с тобой. С талантливой моделью, которая чувствует камеру лучше всех.

Старбакс действительно нашелся через пять минут. Марина хоть и обещала карамельный латте, себе взяла большой американо и два маракона, розовый и зеленый. Для

себя я выбрала лагте, но с ореховым сиропом и дополнительно заказала ролл-сэндвич с красной рыбой.

Заказы нам отдали через пару минут, и мы сели за столик у окна.

— Слышала, как тебя Регина поздравляла, — вдруг сказала Марина и откусила розовый макарон.

Вытираю крошки с губ и делаю большой обжигающий глоток. Все видели это? Все видят внутреннюю гнилость? Все кроме меня?

— Что ты хочешь этим сказать?

Марина мне не отвечает. Она во все глаза уставилась в окно и даже от удивления раскрыла рот. Потом она придвинулась к стеклу и прищурилась, словно пыталась разглядеть что-то невидимое.

— Что с тобой?

— Смотри, — она тычет в окно, и я слежу в нужном направлении. Там я замечаю Регину, которая стоит на другой стороне улице и обнимается с мужчиной. Он целует ее в лоб и хочет обнять еще крепче. Но девушка хмурится и отказывается. Мужчину такое поведение расстраивает, но пытается ей беззаботно улыбнуться. Регина протягивает руку и что-то требовательно просит. Мужчина качает головой. Ему неприятно, но девушка смогла его убедить. И он протягивает ей черный пакет. После Регина заглядывает туда, удовлетворенно улыбается и целует его в щеку. Она уходит, а мужчина еще пару минут смотрит ей вслед. Разворачивается и уходит, сторбившись и словно постаревший на несколько лет. — Вот если бы я его не видела. То подумала, что это влюбленные дилер.

— Но ты знаешь кто это?

— Угу, — кивает Марина и доедает первый макарон. — Это ее отец. Видела его, когда он приносил для нее посылку и спрашивал про нее. Она вроде как с родителями мало общается. Стыдится своего происхождения. Что он обычный инженер, а не богатый предприниматель. И в этой встрече не должно быть ничего странного, — вдруг добавляет подруга и задумчиво поглаживает свой подбородок. — Но все же меня съедают подозрения.

Я кошусь на подругу и хочу посмеяться ее предположению.

Но не могу.

Потому что мне тоже кажется, что все слишком подозрительно.

Эх, почему нельзя просто заниматься любимым делом и не париться. И почему мои слова звучат как несбывшаяся мечта идиота. А ведь это простая просьба.

— Почему этот безумец приходит к нам в агентство каждый день, — проговорила Марина и уставилась на меня. — Но ты постоянно его прогоняешь.

— Ты о чем? — притворилась, что не понимаю ее намеков.

Потому что повторно слушать подружку философию об отношениях, я уже не могла. А Матвей... Он слышал ее мнение о них. Она от него ничего не скрывает. Наоборот все выложила перед ним. Все свои козыри. Это он хочет ждать ее после каждой смены в агентстве. Хотя она была уверена, что после сорванной новогодней ночи, он исчезнет.

Разве она тогда не задела его гордость. Разве не разбивает она ему каждый раз сердце своим “нет”. Или он убежден, что упорством можно заставить девушку чувствовать то, чего никогда не было.

— Или ты может его специально не прогоняешь, — заметила девушка и подмигнула.

А я опешила. Уставилась на подругу и охнула. Вот только говорить ей ничего не стала. Не поймет. Она не поймет. Схватила со столика журнальчик, даже не посмотрев какой, и раскрыла на середине. Плюхнулась на диван и замерла, словно читаю статью. Но я даже картинки толком не могла разглядеть. Думая, может подруга права.

— Так что скажешь, Ксюш, — уточнила Марина и мне пришлось взглянуть на нее. — Ты его держишь поближе к себе? Как запасной план? Или может тебе приятно ощущать такое мужское внимание? Только смотри, ему когда-нибудь достанет все это. И что будет после взрыва неизвестно никому. Он может и взять силой то, что маячило перед глазами все это время. А может заставить страдать. Такие мужчины не прощают тем, кто потоптался на их гордости и не оценили этого.

Сжимаю губы и снова опускаю голову вниз. Словно журнал сможет меня спасти от правды.

— Я его не держу, — тихо проговорила я. — И никогда не держала. Наоборот, старалась убедить его, что я не его женщина. Но он не слышит.

— Потому что тебе нужно не стараться убедить его, — прочертила кавычки пальцами Рубин и вздернула бровь. — Нужно показать ему себя настоящую. И если он после этого останется рядом. Может после этого ты позволишь ему по-настоящему быть рядом? Так как он хочет.

На ее словах я вспыхиваю. О чем она? Она предлагает мне позволить Матвею любить себя. Полностью не отвечая на его чувства. То есть греться в его чувствах, но самой оставаться холодной для него. Да разве это правильно?

— Марина, — прорычала я. Как обычно, мой голос резко охладел, когда кто-то начинал рвать мои границы. — Мне кажется это тебя не касается. И больше не поднимай эту тему.

Подруга заметно насупилась, но замолчала. Знаю, я была резка. Но и она не слишком тактична. Мы сидели в тишине, а за окнами звучали голоса гуляющей ребятни и звуки двигателей. Над нами кто-то бойко стучал молотком, а за стенкой кто-то кажется ловил свой оргазм.

Но то напряжение между нами было более ощутимо, чем звуки вокруг нашей квартиры. Да, мы подруги. Но влезать в свою душу я никому не позволю. Хватит. Одному позволила это. После этого до сих пор отойти не могу.

И кажется Рубин поняла, что перегнула. Она осмотрела комнату, потом взглянула на

меня и покачала головой.

— Ты как хочешь, — Марина взмахнула руками словно собирается взлететь и мягко улыбнулась. — Но мы обязаны устроить вечеринку в честь нашего с тобой отъезда в Париж.

— Может сначала дождемся конца конкурса, — перелистываю журнальную страницу и рассматриваю тренды парижской моды этой зимы. Перед глазами мелькает виденье прогулок по французскому городу и на губах появляется едва заметная улыбка. — И вечеринку нужно устраивать после дефиле.

— У нас будет мало времени после окончания конкурса, — ахнула подруга и подскочила к своей кровати. Там она опустила на колени, чтобы достать из-под спального места большой серый чемодан. — Думаю, нам можно начать паковать вещи в Париж.

— А не рано? — удивленно откладываю журнал и потягиваюсь.

Марину уже не удержать. Она вилась вокруг шкафа и выбирала наряды. Что-то она откидывала, что-то задумчиво поглаживала. Но к счастью масштабную операцию по сборке вещей она не начинала.

— Я уверена в тебе, — проговорила она не оборачиваясь. В ее руках были фотографии, которые она раскладывала по неведомому для меня методу. И добавила чуть тише. — Так почему бы уже не начать паковаться.

— А если...

— Даже не думай, — резко перебила меня Рубин. — Ты фаворитка. И точка. И мы с тобой пройдемся по Парижу. А потом отправимся в Милан, и Нью-Йорк, и Лондон. И...

Хлопаю в ладоши и поднимаюсь. Нужно скорее остановить бронетранспортер Марины, пока она не выдумала всю нашу будущую жизнь.

— Я поняла, весь мир будет наш.

— Да! — крикнула Марина. Она что-то отложила в сторону, а что-то уже полетело в чемодан. — Кстати как прошло твое занятие с Ануш?

— Хорошо, — пробормотала я. — Это была смесь уроков из опыта и мотивирование бойца перед боем.

Усмехнулась про себя. Ануш тот еще куратор. Она не говорит напрямую, что фаворит я. Также она не утверждает, что полечу я. Так как это делает Марина.

Но то, как она проводила урок, казалось, что мы уже подписали контракт с французским домом мод и скоро нас ждет подиум в Париже.

— Потому что она уверена в тебе, так же как и я, — гордо отвечает подруга.

Вот только в мне нет столько уверенности. И не потому что я сомневаюсь в своих способностях. Уж, дефиле я смогу отработать на сто процентов. Почему-то мне не дает покоя взгляд Регины. То, как она осмотрела меня, словно я грязь на ее ногах. И что она в скором времени собирается отмыть свои ботильоны от меня.

Жуткое ощущение. И неприятные ожидания.

— Но почему только мне кажется, что не все так просто будет, — отвечаю запоздало я.

Марина на это не обращает внимание. И только отмахивается словно это пустые ощущения. И что я придумываю себе причины волноваться. А не имею обоснованные факты.

— Потому что ты параноик.

Может быть.

Или Матвей прав. И я не вижу истинного лица человека. Я, к примеру, не думала, что Глебу понадобится... сколько месяцев, чтобы забыть меня. Вспомнить о своей поклоннице. И теперь они вместе. Арина теперь уже отвечает на его телефонные звонки. А это значит,

что они близки.

Значит я совсем не понимаю людей.

— А если я наивная дура, — спрашиваю то ли у себя, то ли у Марины. — Которую можно одурачить милой улыбкой и хорошим отношением. Или жалостным голосом и видом. Если я не вижу истинного нутра человека?

Рубин в ответ только громко рассмеялась.

— Ты думаешь, ты одна такая. Мы все имеем и черные пятна, и белые. Пушистые только лесные зайчики и небесные облачка. А люди... они земные. Склонные к своим низменным желаниям. И без этого никак.

Все имеют и черное, и белое.

И у нее. И у меня. И у Глеба. У всех есть черная сторона души.

— А я по твоему плохая или хорошая? — не удержалась я и поджала ноги в ожидании.

Себя я не считаю хорошей.

Но и плохой... с трудом могу назвать. Так какая я?

— Ты? — задумалась Марина и уставилась на меня. Она осмотрела мои взлохмаченные волосы, чистое лицо, домашнюю одежду. Немного неряшливо, но вроде бы мило. Я так думала, когда видела себя в зеркале пару часов назад. — Ты скорее всего хороший человек, у которого есть принципы. Но в то же время, ты трусиха. Ты не умеешь воевать скрываясь в тени, как делают стервы. Но и в открытую признать свои слабости ты боишься.

Что?!

— То есть я трус, — пробормотала я и тут же запротестовала. — Но я могу защищать. Мне это часто приходилось делать.

Рубин отложила платье и подошла ко мне. Она села рядом со мной и взгляделась в мои глаза.

— Защищать кого-то, это не то же самое что и себя. Когда ты защищаешь кого-то, ты точно уже не один. И слабости проверяются другого человека. Жертвой является другой человек. Не ты. А когда нужно идти в бой за саму себя. Ты уже априори один.

— А один в поле не воин..., — прошептала я.

— Воин, — перебила Рубин. — Еще какой. Но только в том случае, если он все слабости и страхи делает своей силой и могуществом.

Воу...

— А ты мудрец или психолог?

Марина улыбнулась и покачала головой.

— Я человек, который проработал в московском модельном агентстве больше года.

— Это многое объясняет.

Марина вернулась к своему чемодану и помахала красным узким платьем с низким декольте на спине. Особое платье девушки. Она его купила за несколько месяцев до моего отъезда на юг.

Она его одела только пару раз. И каждый раз оно приносило ей счастье. По ее мнению.

Мой телефон пиликает оповещением нового сообщения в соседней комнате. Вздыхая, я поднимаюсь и отправляюсь за аппаратом.

“Дорогая, Ксения! Спасибо тебе за помощь. Сегодня мы с Викторией убедились, что малыш прижился у Леночки. Малышу уже несколько месяцев, поэтому основной риск мы преодолели. Еще раз спасибо за твою помощь. И хотелось бы убедиться, чем я могу отплатить тебе. Может есть какая-то проблема, которую ты не можешь решить. Я могу

помочь.”

Улыбка появилась у меня против воли. Столько радости в словах и тихой благодарности женщины. А я сделала немного. От этого теплеет у меня где-то внутри.

Проблема. Помощь.

Единственная моя проблема, которая меня волнует — это найти смелость извиниться перед парнем. Признать свою ошибку. И даже то, что он начал свою жизнь без меня. Забыл так быстро и легко. Не меняет того факта. Я обязана извиниться. Но это произойдет когда-нибудь в будущем. И в этом помощь мне не нужна.

А от Лидии мне нужно одно.

“Любите моего ребенка. Ведь теперь он ваш”.

А мне пора в бой. Я ведь воин.

— Марина, где твой учебник французского, — кричу я. За стенкой кажется кто-то падает в обморок, потому как что-то грохнулось. И за грохотом последовал счастливый голос.

— Что решила идти только вперед?

— Думаю лишним знание второго языка никогда не будет, — откладываю телефон и смотрю в окно.

Зимний вечер Москвы. Окна соседних домов горят домашним светом. И от этого тоже тепло. А мне... пора идти до конца. Оставив свои страхи. И сделать их наконец своей силой.

— Это что такое!?

— Плат-тье, — прошептала девочка ассистент и склонила голову перед Янковской.

— Я вижу, что платье. Но почему оно такое! Как моя девочка будет его представлять. А? Ты тут для чего? — Ассистент опустила голову еще ниже и промолчала. У нее задрожали руки и градом полились слезы. Но Янковскую это не остановило, а позабавило. — Ты здесь для того, чтобы...

— Уж точно не для того, чтобы тебе задницу вылизывать, — гаркнула Ануш. Она подтолкнула девушку в сторону стоек и что-то ей прошептала. Она кивнула и убежала. А Ануш грозно уставилась на Янковскую. — Ты что себе позволяешь? Раз ты ноги раздвигаешь перед одним спонсором, думаешь тебе тут все подчиняются?

— А ты что ли завидуешь, раз на тебя никто тут не клюет, — сложила руки на груди модель и вскинула подбородок.

Ануш фыркнула и оглянулась.

— А вы на что уставились? У нас дефиле через пару часов? Вы все готовы к работе?

Рой моделей, ассистентов, помощников, организаторов тут же разбежались. Как в принципе и в течение всего дня. Мы наверное пришли сюда примерно в часов восемь утра. Дефиле назначено на четыре дня. И за все это время никто из нас так и не сел.

Мы бегали как суматошные чудики от платья к платью, от мастера к мастеру. Еще нас напрягли с общей работой по агентству. Где-то принести стулья, где-то убраться. Либо прикрепляли к куратору, чтобы выполняли поручения. Как сказали пока мы без контрактные люди, отработываем дающий нам хлеб. Вот так как-то.

А то, что нам потом выходить, нервничать и представлять модели. Это так. Это мелочь. Мы ведь не в конкурсе участвуем, а на полставки работаем. С невыплаченной заработной платой.

Но никто из нас даже не вздумал возмущаться. Молча выполняли просьбы и требования. Милка только втихаря умудрялась посидеть и попить кофе. То, как она ловко находила поводы, чтобы отдохнуть — вызывало восхищение и раздражение. Но последнее рождалось из-за зависти. Мне почему-то не удавалось придумать серьезную причину, кроме как про усталость в ногах (что вообще-то являлось правдой) — для отмазки от новой работы.

Вот мы и бегали вместе с ассистентами. Или стояли как истуканы, пока модельеры доделывали мелочи, которые озарили их прямо перед выступлением.

Сегодня планировалось масштабное мероприятия. По уровню как выход у Жрецовых. Но оно должно состояться в одном из залов для показа города. Куда придет весь местный бомонд мира моды. Фотографы, модельеры, журналисты из глянца. И многие другие.

Остается несколько часов. Для каждой сделали небольшое пространство для переодевания. Прикрыли ширмой, поставили стул и оставили место для стеллажа с вешалками для нарядов. На пару минут я скрылась с глаз. Я нагло улизнула от всеобщего внимания, чтобы выдохнуть.

Такой ажиотаж. И к этому мне нужно привыкать.

Сейчас начнут делать окончательный макияж и прически. И скоро мы выйдем, чтобы участвовать в конкурсе “дефиле”. Моя мечта почти станет реальностью.

— Ксюша! Кто-нибудь видел Малахит, — кричит Ануш за ширмой. Заставлять

нервничать куратора гиблое дело. Я тут же выскочила и помахала рукой. — Вот ты где. Я тебя предупредить пришла. Ты будешь закрывать показ. Открывает Юлианна, а закрываешь ты.

— Ух ты, — говорю то ли ворчливо, то ли возбужденно.

Закрытие показа — это почти честь. Потому что в конце я задерживаюсь около модельера и дарю ему букет цветов. К тому же журналисты часто задерживают свой взгляд на последней модели.

А почему... от волнения я даже вспомнить историю моделинга не могу. Надо выдохнуть и вдохнуть.

— Ты не переживай, — улыбается мне Ануш. — Как, по-моему, “дефиле” проводят больше для того, чтобы определить, кому предложить работу здесь.

— Не поняла, — прохрипела я.

— Ну, как бы ты у нас определенный фаворит, — отворачивается от меня куратор, но объяснять продолжает. — Поэтому нужно определить, кого оставить тут и предложить контракт для московского агентства. Так что оценивать в основном будут других. Расслабься. А теперь иди к мастерам. Тебе пора делать прическу.

Расслабиться?

Серьезно?

Мне после слов Ануш не стало легче. Перед глазами появилась картинка, как я эпично падаю в ноги жюри. Кто будет громче всех смеяться в такой ситуации. Конечно, же я и Милка. Милка потому что это Милка. А я... потому что истерика проявляется по-разному. И одним из проявлением данного приступа является смех.

Вот и я засмеюсь, если упаду в такой ситуации.

Идти сразу к мастеру я не решилась. Вернулась в свой закуток и опустила на стул.

Вдох-выдох. Вдох-выдох.

Я смогу. Смогу. Могу.

Пятиминутная медитация помогла справиться с волнением. Но легкий мандраж остался. Вот только время убегало. Мне пришлось выйти, чтобы меня накрасили. Сделали прическу.

И настал тот момент, когда мы, шесть конкурсанток, стоим в легких халатиках под которым только нижнее белье. Мы красивые и ухоженные, и все мы готовы к последнему раунду.

В этот раз я киваю и поддерживаю улыбкой только Юлианну. Милку я сторонюсь давно. А Регину недавно. Сегодня я с ней встретилась взглядом пару раз. Но она казалась такой же отстраненной, как и всегда.

Но сегодня моя интуиция требовала от меня “держаться от нее подальше”. Что я и делала.

Мы стояли в ряд как солдаты. И ждали особого распоряжения от начальства.

— Девочки, готовы к показу, — проходит мимо трясущихся распорядитель. — Так, вы по очереди будете выходить на подиум. Юлианна, Регина, Милана, Софья, Вера и Ксения. В такой последовательности. Дальше, у каждой по четыре наряда. Последнее вечернее платье. Показ начнется через двадцать пять минут. Вас начнут одевать через минуту.

Мы стоим полуголые и ждем, пока мимо нас снуют организаторы.

Кто-то устанавливает дополнительный свет, кто-то носит наряды, а кто-то воду. Движение затрудненное из-за столпотворения. Но никто не сталкивается. Наверное это

проявление чуда и особой практики.

Нам сделали разные прически. Кому-то немного собранные, кому-то легкие локоны, а кому-то выпрямили. Теперь я могу похвастаться легкими локонами, которые покрыли приличным слоем лака. Также всем нам сделали яркий макияж. Милка может похвастаться темно-зелеными тенями, Регина темно-красной помадой. У меня же классический смоки айз с губами цвета бордо.

Девушки-помощницы отправились проверять наши первые наряды, а я отошла. Снова спряталась за ширму. Мне нужно перевести дух, и пару минут провести наедине с собой.

Опускаю голову вниз, а взглядом задерживаюсь на руках. На пальцах красивый нюдовый маникюр, ухоженная нежная кожа. А еще мои пальцы трясутся. Мелкой дрожью.

Как же я волнуюсь. Вот сейчас будет момент, который определит все мое будущее. Все. Нужны ли были мои жертвы. И стоили ли они того.

Сейчас. Вот именно сейчас.

Нужно только успокоиться и собраться.

Вдох-выдох. Вдох-выдох.

Я справлюсь. Я смогу.

— Девушки, ловите свои стеллажи. Это вешалки для Веры. Это для Миланы. Софья Юлианна. Регина. И Ксения.

Выхожу из-за ширмы и рассматриваю свои наряды на сегодня. Мы их вчера мерили. Поэтому я помню их. Но комок в горле не дает мне сказать. Медленно киваю девочкам и одна из них дает мне первый наряд.

Модели уже разбежались наряжаться. Кто-то им помогает застегнуться, возможно даже что-то подшить. А я аккуратно провожу рукой по мягкой шерсти пиджака.

— Ксюш, — прерывает меня девушка. — Пора одеваться.

— Да. Пора это сделать.

Забираю свой наряд и вешаю на крючок. И начинаю облачаться в свою первую модель.

Софиты бьют в глаза. Во время первого выхода на подиум я волнуюсь. А на втором уже нет. Нет времени, чтобы подумать. И волнение отошло. Мне поправляют волосы, подкрашивают губы, поправляют одежду. Кто-то кричит, потому что выход через минуту, а у модели порвались чулки. Вытаскивают запасные и кидают помощникам. Девчонка ловко разворачивается новые чулки и кто-то одевает их на ноги модели.

— Вперед!

— Воды! Дайте мне воды.

— Один глоток. Больше нельзя.

— Поправь губы.

— У нее пучок растрепался. Живо переделать.

— Почему свет мигает. Исправить!

Распорядительница ходит и исправляет косяки.

Выхожу под гвалт работников в тишину ожидания. Гости ждут нового наряда и они его получают. Я прохожу по подиуму и не вижу никого. Я есть наряд, который на мне. Он это я. Я знаю, что где-то там сидят жюри, кураторы. А также Марина с Матвеем. Мне Рубин прислала сообщение, что она с нахалом сидит среди гостей. “И что этот парень выглядит ОБАЛДЕННО”. Так она написала.

Но я никого не вижу.

Захожу за кулисы в какофонию звуков и попадаю в загребущие руки мастеров.

Нас готовят к последнему выходу. Каждой сделали высокую прическу, добавили аксессуаров.

Первая пошла Юлианна. Пышная юбка, кружевной верх с длинными рукавами. Все платье расшито бежево-золотистыми узорами.

Следующая готовится Регина. Открытые плечи, длинные рукава, пышная тюлевая юбка с золотистым поясом.

Милана пошла в платье бронзового оттенка с голубыми вставками. Юбка расходится в разрезе, показывая ее длинные ноги, пышные рукава и глубокое декольте.

Софья полетела как фея в золотистом обтягивающем платье с вертикальным шлейфом.

У Веры голубой наряд со штанами и юбкой шлейфом развивающаяся позади, а топ остался без бретелек. Что-то смежное между комбинезоном и платьем.

Меня же ждало пурпурно-розовое платье, без рукавов, без декольте с круглой горловиной. Только вокруг ног платье расширилось и давало простор ногам при ходьбе.

Милана уже ушла, и я как можно быстрее натягиваю платье. На спине у меня ряд маленьких пуговиц, которые мне шустро застегивает помощница.

Пошла Софья и через несколько минут пойдет Вера. А за ней и я.

Мне поправляют макияж и в какой-то момент приходит понимание. Что-то не так. Кожа словно покрылась множеством иголок одновременно. Мне хочется почесать все тело и не двигаться. Потому как любое мое движение приводит к еще большему зуду и даже местами боли.

Что за фигня?!

— Черт! — шепчу я.

— Что? — спрашивает помощница.

— Ксения, на подиум живо!

На подиум? Какой подиум, моя кожа просто разрывается. Но меня никто не спрашивает. Вера уже проходит центр подиума. У меня остается пару секунд перед выходом. Но мои мысли занимает не наряд, не мода, не конкурс. А тело. Мое тело, которому больно.

— Я не могу, — хриплю я.

— Ты должна, — кто-то кричит на меня и даже толкает вперед.

Мне нужно идти. Нужно. Вера уже заходит за кулисы. Она растерянно оглядывается. А мне... Мне нужно быть уже там.

— Иди, твою мать! Малахит!

Я камень. Я чертов камень. Я ведь малахит. Я вытерплю. Я смогу вытерпеть, и я делаю свой первый шаг в бездну.

Выхожу на подиум и теряюсь. Зуд вперемешку с болью по всему телу отвлекают меня. Я иду медленнее, чем должна. Мои движения скованы и нет привычной легкости. Но я стараюсь идти. Вперед. Только вперед.

НО.

Я не могу. Слеза стекает по моей щеке. Потому что внутри проходит борьба между животным инстинктом и человеческим желанием продолжать идти.

Я подхожу к краю платформы и замираю. Поза кривая, лицо с признаками боли. Это полный отстой. Потому что никому не нужна модель неспособная удержать лицо и имеет неестественные позы при походке.

В этот раз я вижу всех. Всех, кто пришел сегодня посмотреть конец конкурса. Они ждали фееричного показа, но получают нечто иное. Вижу перешептывание журналистов, недоумение модельеров, а жюри... Они остались холодны к моим страданиям. Более того, они скривились словно перед ними таракан, а не человек.

Тяжело выдыхаю и вижу перед собой встревоженные лица Матвея и Марины. Они переглядываются и чуть ли не подпрыгивают от волнения. Позади них сидят нахмуренная Ануш и встревоженная Лидия.

Они в меня верили, но то что происходит сейчас, подрывает их веру и мою надежду.

Я разворачиваюсь и медленно возвращаюсь кривой походкой по подиуму. Но спрятаться за кулисы мне не удастся. Мне приходится вернуться. Нужно пройти вместе со всеми в честь окончания показа. Криво улыбаюсь и хлопаю. Но мои хлопки отдают отчаянием. А стоны боли все чаще срываются с губ.

Последние шаги и я за кулисами.

Ух, я справилась? В это трудно поверить, но я тут. Вижу свою ширму и уже повернулась всем корпусом в сторону. Как слышу окрик безумного халка.

— Куда? — кричит на меня Ольга. — Малахит, живо на подиум неси цветы модельерам.

Мне толкают в руки букет. Не менее острые шипы розы царапают мои пальцы. Мне даже мерещится кровь.

Я могу или нет.

Выдох. Медленный и успокаивающий. Но боль не проходит. Я поднимаю выше голову и разворачиваюсь. Новый виток боли и зуда проходит сквозь все мое тело. Руки дрожат от усилий, а глаза застилают слезы. Но мои губы растягиваются в улыбке, и я протягиваю букет белых роз девушке. Она вроде модельер этой коллекции.

Мне уже неважно. Кто передо мной. И что на меня смотрят все в этом зале. У меня осталось единственное желание. Сбежать. Как можно скорее.

Я возвращаюсь за кулисы и меня встречает ор.

— Ты совсем обнаглела, Ксения! — орет на меня Ольга. — Все увидели, какая ты не профессиональная! Ты что просрать не успела? Поэтому ведешь себя как будто у тебя расстройство желудка. Так и думала, что они зря делают ставку на тебя.

Она кричала еще что-то, но я ее отталкиваю. Скорее бы добраться до своего закутка.

Терпеть эту боль невозможно. Но я заставляю себя дойти до ширмы шагом, а не бегом. И наконец-то могу снять платье.

Зуд не прошел, а только усилился. Хотелось зачесать себя до смерти. И только сильно

покрасневшая кожа на груди, животе и бедрах останавливало. Я убеждала себя от чеса лучше не будет. И я заставила себя думать.

У меня нет аллергий. По крайней мере мне неизвестно об этом. Значит что-то другое заставило мое тело реагировать так.

Я опустилась на единственный стул и спрятала лицо в ладонях. Слезы текли все сильнее: от боли, от отчаяния, от страха. Мое тело зудело, болело и еще сильнее краснело. А мне было страшно даже прикоснуться к себе. Вдруг я сделаю себе хуже. А вдруг если я сейчас прикоснусь к себе, то моя кожа отвиснет как в каком-нибудь ужастике. И я сдеру ее с себя. Может это все мне мерещится? Может я приняла какой-нибудь галлюциноген?

Смотрю на руки, на стены. И вроде ничего не двоится. Красные глаза не появляются. И смешным ничего не кажется.

Что со мной?!

Снова чувствую прикосновение этого мерзкого отчаяния.

А еще добавилось отвратительное чувство жалости к самой себе. И они медленно убивали во мне крупницы надежды. Слезы остановились, а вот всхлипы нет. Дышать становилось все сложнее от накатывающей истерики. Я не упала, но истерика наступила. И не смех выйдет из меня, чтобы успокоиться. А слезы.

Какая я никчемная...

— Ксюша!

— Ксю!

Голоса друзей звучали так рядом и так далеко. Зачем они здесь. Зачем им видеть такую Ксюшу.

— Кто видел, Малахит? Живо отвечайте, — кричит Матвей и почти сразу он оказывается за ширмой.

На мне просвечивающий лифчик и трусики-танга. Но мне так плохо, что я не думаю даже укрыться. За ним вбегают Марина и Ануш. Они беспокоились, и только на лице Матвея ярость.

Он опускается передо мной на колени и мягко касается моего плеча. Он немного прикоснулся к тому месту, где было платье, а я вздрогнула всем телом.словно он ударил меня молотком. Ярость сменилась недоумением у парня. И тогда Матвей достал телефон и включил фонарик. А свет направил на мое обнаженное тело.

— Кто на такое мог быть способен... — глухо прошептал он, словно про себя. Он огляделся и увидел то самое последнее платье, которое я кинула на пол. Не сложила аккуратно. Не повесила на вешалку. А кинула, словно она половая тряпка. И теперь платье горкой лежало где-то там. Неважно где, лишь бы далеко от меня. Матвей приблизился к нему. Он достал из нагрудного кармана платок и через него прикоснулся к нежной ткани. При помощи фонаря он осмотрел наряд, а потом аккуратно сложил его. — У вас есть пакет. Я его заберу.

— Это платье вообще-то дорогое, — появилась из-ниоткуда помощница модельера. — И забрать его вы не имеете право.

— А причинять вред другому вы имеете право, — заорал Матвей. — Это платье — улика. И я его забираю. Вы либо принесете пакет, и я его заберу для независимой экспертизы. Либо я всех вас по миру пушу. Особенно вашего чертового модельера!

Девушка обиженно надула губы, но больше препятствовать парню не стала. Она принесла пакет, куда Матвей положил платье. Все также не прикасаясь к нему.

Он скидывает с себя свой пиджак и накидывает его на мои плечи. Матвей держа меня только за не зудящие части рук помог подняться и посмотрел на Марину.

— Ты ведь подруга? — уточнил он. На что Рубин молча кивнула. — Тогда ты сейчас же повезешь ее к доктору по данному адресу. Я его сейчас предупрежу, что вы приедете. Он поможет ей. Касайся только ее рук. От кисти до плеч. И проследи за тем, чтобы до нее меньше касались. Поняла?

— Да-а.

— Ксюш, — Матвей повернул меня к себя и заставил заглянуть в глаза. — Тебе помогут. Поняла. Я все решу.

И он отдал меня в руки подруги. Она помогла мне обуться и повела на выход. Я шаталась от всплеска эмоций и, кажется, у меня немного помутилось сознания. Напоследок я оглянулась и заметила, как Матвей с кем-то созванивается и требует срочного внимания, а потом подошел к Ануш. Он грозно уставился на моего куратора.

— Что с ней? — спросила Ануш.

Матвей указывает на пакет с платьем.

— На платье стекловолокно. То, что она вышла на подиум — чудо.

Чудо... Какое удивительное слово. Мне оно всегда казалось как символ чего-то прекрасного и удивительного. Но разве то, что происходит со мной это прекрасное? Разве это удивительное. То что я вышла, это была всего лишь моя неукротимая воля. Вот только даже она меня сегодня не спасла. Я не справилась с конкурсом. С самым важным и последним. И мне вряд ли предложат остаться даже в московском агентстве.

И как мне быть? Или отпустить все. Отдать контроль Матвею? Но разве это справедливо по отношению к нему. Тогда я действительно собака на сене. И не отпускаю, и не подпускаю.

— Не думай, Ксюша, — шепчет мне на ухо Марина. — Он поможет тебе. Давай поступим как женщины. И переложим решение проблемы на широкие мужские плечи.

Как бы после этого не стать женой этого мужчины. Хотя может после такого грандиозного провала это будет единственный нормальный поступок.

Холодный металл вновь касается моего уставшего тела, а потом вытягивает что-то маленькое. То, что приносило мне столько боли.

— Это последняя, — с выдохом говорит медсестра и выключает лампу. — Сейчас вам нужно помыться с мылом, а потом обработать все тело мазью. Душ там. Мазь я оставлю тут.

Я безучастно киваю и встаю. Отправляюсь в душ, который находится в соседней комнате. Матвей отправил меня в частную клинику, поэтому даже в душе меня ожидает чистое полотенце, шампунь и мыло. Словно я в пятизвездочном отеле, а не клинике. Я захожу в кабинку и включаю воду. Тщательно настраиваю. Не сильно горячая, и не холодная. Теплая. Приятная. И успокаивающая.

Слезы тут же появляются скрытые под потоком воды.

Чтобы вытащить из меня всю вату, понадобилось четыре часа. Две медсестры по очереди вытаскивали из меня при помощи пинцета едва различимые волокна. Когда мы приехали, доктор уже ждал нас. Он осмотрел меня и дал обезболивающее. Затем прислал медсестр. После чего началась моя пытка. Обезболивающее смягчило легкие касание девушек, но к концу процедуры действие лекарств ослабло. Мне пришлось сжимать зубы, чтобы не вопить как резаный зверь.

Сейчас я могу признаться себе. И немного пожалеть себя.

Когда я вышла из душа, уже было два часа ночи. Меня на прикроватной тумбочки ждала мазь, которую я намазала. На плечи, живот и бедра.

И в этот момент зашла Марина.

— Ты как?

Как? Да, никак. Пару дней назад мы мечтали как пройдемся по улицам Парижа, как завоюем мир мод. А сегодня меня стукнули по голове молотом действительности. Мечты останутся в мире грез. Не выйдя из заточения в реальность.

Но это было бы слишком правдивое описание моего состояния. А мне не нужно чужое сочувствие.

— Не очень, — бурчу я, продолжая вертеть в руках мазь.

Девушка заметила в моих руках тюбик и подошла, отбирая его.

— Осталась спина?

Киваю и отворачиваюсь от нее. Я не достану спину. Она сильнее всего пострадала. Видимо в основном волокно нанесли на заднюю часть платья там, где были пуговицы. В этом мне нужна помощь.

Она мягкими касаниями покрыла мазью спину жирным слоем, а затем растерла остатки вдоль талии и поясницы.

Моему телу стало легче. Но не душе.

— Результаты сегодняшнего показа объявлены? — мой голос пререзает тишину, от чего Марина тормозит.

Значит объявлены.

И я не прошла.

— Ксюш, это не твоя вина...

— Я не смогла дойти до конца.

— Да никто бы не смог. Не то что пройти, а выйти. Ксюш, вслушайся в слова. Человек

не мог бы встать, если бы его на его одежду нанесли стекловату. А ты встала и дважды прошла по платформе и не запнулась. Ты победитель!

Ха-ха!

Так и хочется язвительно посмеяться в лицо Рубин. Она это серьезно? Победитель без награды разве может использовать этот титул.

— Который не поедет в Париж. Который не получит главный приз. Скажи, я на каком месте?

Рубин молчит. Тогда я поворачиваюсь к ней и всматриваюсь в темноту окон. Не могу глядеть на подругу. Не хочу показать скрытую боль даже ей.

— Скажи, кто занял первое место?

— Регина.

Не удивительно.

— А я на каком?

— На третьем.

Хоть не на последнем.

— А передо мной?

— Юлианна.

Отворачиваюсь и поднимаюсь на ноги. Я не справилась. Я столько положила на кон, и так позорно не справилась.

Меня вывели из игры.

— Это Милана, — шепчу я.

— С чего ты это взяла?

— Она сказала мне, что я следующая. После победы в ню-конкурсе. Она прошептала мне на ухо, что я следующая. Понятно!?

— Ксюш, откуда она могла взять эту стекловату. О ней мало кто знает. Я о ней узнала только после лекции Матвея.

— А он откуда знает? — удивляюсь я.

— Ты не знаешь? — отрицательно машу головой. — Его семья занимается строительным бизнесом. А стекловата используется в строительстве почти везде. Он сказал, что с детства знает в чем опасность стекловолокна и как очистить кожу от нее.

Точно. Строительный бизнес. Я ведь в офисе помогала. Работала в бизнесе его семьи. Вот дуреха. Я полная дура, раз не придавала значение угрозам Миланы. Что думала, что неуязвима.

Это ведь сборище змей. А у некоторых есть яд с отложенным действием.

Какая я дура.

— Может тебе успокоительный укольчик? — спрашивает Марина.

— Нет, я хочу остаться одна.

С этими словами я легла на койку и укрылась одеялом. Рубин немного постояла, а потом поправила постель и вышла. Оставив меня одну.

*

— Как себя чувствуешь? — доктор касается моих плеч и проводит по спине. — Краснота прошла. Зуда больше нет? Боли?

— Нет-нет. Все хорошо, — спешу ответить.

— Тогда сегодня еще раз намажем тебя мазью и вечером можешь быть свободна.

О да, свободна как ветер.

— И к тебе посетитель, — на выходе произносит доктор с сочувствующей улыбкой.

Ему видимо рассказали мою душещипательную историю попадания в клинику. Хмурюсь немного, но понимаю, что сделать с этим ничего не могу. Заставляю расслабить лицевые мышцы и нормально встретить человека

В эту минуту в палату заходит Ануш.

— Здравствуй, Ксюша. Как себя чувствуешь?

Смотрю на нее и вытягиваю губы в улыбке.

— Лучше...

Но тут же снова хмурюсь. Потому что Ануш жалостливо выдохнула и начала твердить свою речь.

— Ксюш, я сожа...

— Сожалеете? — выкрикиваю я. — Я понимаю. Я тоже. СО-ЖА-ЛЕЮ! Но это не изменит того факта, что Милана не дала мне выиграть. Сама не победила, и мне не дала. Это ведь мерзко. Это так...

— С чего ты взяла, что стекловату на твое платье нанесла Милана? — перебила Ануш и требовательно воззрилась на меня. Она сложила руки на груди и расставила ноги. Словно она боец, готовый к битве.

— Она мне угрожала после победы в последнем задании. И именно она вывела из строя других девчонок. Одной подсыпала аллерген, другой...

— Она устроила тот случай с водой, — подсказывает куратор. Точнее бывший куратор.

Я замираю. Тот случай?

Воспоминания накатили общей волной, отчего мои глаза распахиваются и на меня охватывает ужас.

— С водой? — хриплю. — То есть из-за нее был тот обморок. Вот еще одно доказательство, что это она испортила мое платье.

— Но она действовала по указке.

Фыркаю на слова Ануш и отворачиваюсь.

И интересно кто мог давать эту указку такой наглой девке как Милана. Если только...

— Янковская? Это она указывала что делать? — уставилась на куратора я.

Но она отрицательно машет головой.

Озадаченно опускаю голову на руки. На пальцах все тот же нюдовый маникюр, но кожа немного поцарапана после вчерашнего. Из-за роз.

В голове же вопрос. Кто мог на такое пойти? Кто желал навредить мне?

Голос Ануш заставил меня отвлечься от рук, и я медленно подняла голову.

— Вижу как в твоей голове появился один вопрос. “Кто?”. И знаешь, ты обязана поблагодарить своего друга. Он занялся этим вопросом и вытащил на свет волка в овечьей шкуре. — я продолжаю хлопать глазами. Кто мог на такое решиться? Неужели Юлиана? Но она такая милая и талантливая. Я с ней мало общалась, но не могу сказать, что она способна на такое. Но кто тогда? — Не понимаешь кто, до сих пор.

— Вообще-то нет, — выдыхаю. — Кто способен на такое? Мне доктор сказал, что если бы Матвей не позвонил и не предупредил, что со мной. То могло дойти до аллергии и даже анафилактического шока. Это ведь почти убийство.

Ануш согласно кивает и присаживается осторожно ко мне на койку.

— Да, она нарушила закон. Причинения вреда здоровью — это не шутки, если сумеешь доказать. Именно по такой статье могла бы пойти Регина. Если бы не призналась в своих

махинациях и не отказалась от победы.

— Что? — ахаю и подсакиваю. — Она отказалась от победы? Почему?

— Потому что если бы она этого не сделала, тогда пошла бы в суд как обвиняемая.

Матвей нашел реальные улики ее виновности. Сумел ее разговорить.

— За что..., — она так со мной. Концовку я не произношу.

Это и не нужно. Меня понимают и без слов.

— Ты ее уже обошла в другом конкурсе. Она это запомнила. И хотела отомстить. А тут снова ты. И ты стала явным лидером в конкурсе. Вероятность твоей победы почти девяносто процентов. Ты талантлива, трудолюбива. К тому же она услышала твой разговор с Лидией. И хоть ты не просила помощи в конкурсе у главного представителя жюри, но она явно поддерживала тебя. Как за талант, так за качества как человека.

И тут головоломка стала складываться.

Все же я дура. Действительно не вижу сути человека.

— Она знала про гормоны?

— А то, — презрительно шипит Ануш. — Именно поэтому в твоей водичке было приличное количество снотворного. Выпила чуть больше и одним обморок не обошлось бы.

— Но где она взяла стекловату? Марина сказала, что про нее мало кто знает.

— Только это не касается дочери инженера-строителя первой категории.

— Значит она отказалась от победы, — шепчу я, а Ануш кивает. — Теперь победитель Юлианна, а я на втором.

— Матвей в этом вопросе повлиять на жюри никак не мог. Лидия пыталась...

Махаю рукой, чтобы она не продолжала. И так понятно. Никому не позволят влиять на результаты конкурса. Особенно после такого провала как у меня.

— Не нужно. Я ее не просила об этом. И вас не прошу. Я заняла второе место. А первое... человек талантливый и достойный первого места. Который пробивался без махинаций. Юлианна честным трудом получила свой билет в Париж. И вы тоже.

— Ксюш...

— Уйдите. Мне нужно побыть одной. И осознать, что мои надежды не оправдались.

Ануш мягко коснулась моей руки, но я дернулась. Не могу и не хочу принимать такое. Я отвернулась от куратора и скрылась под одеялом. Наблюдая за движением солнечных зайчиков в отражении стекол окна, я услышала. Как дверь тихонько захлопнулась.

И только после этого закрыла глаза.

Мне нужно только переварить все. Может я придумаю, что делать дальше со своей покалеченной жизнью.

— Мне так неловко собираться, когда ты такая грустная, — Марина укладывает последние вещи и жалостливо смотрит на меня.

— Хорошо, что ты основную массу собрала заранее, — неуклюже шучу я. — Не приходится на мой грустный фейс смотреть больше нужного.

— Ксюш, я ведь не в этом смысле, сказала.

Обиженно хмурится подруга. Я могу ее понять. Но не сейчас. Не когда я вижу ее договор с агентством и путеводитель по Парижу.

— И я тоже. Мое грустное настроение не должно влиять на твое радостное предвкушение, — произношу и встаю.

Не могу скрывать свои чувства. Мне лучше уйти, пока не испорчу настроение другому. И не искалечу дружбу.

— Но...

— Я лучше пройдусь.

— Уже вечер, — пробует переубедить меня Рубин.

— Ничего. Я устала сидеть в квартире, — что частично правда. Скорее я устала наблюдать за предвкушением другого человека. Видимо это была чистой воды лютая и непреднамеренная зависть. — Я вчера приехала из больницы. Хочу подышать свежим воздухом.

Выхожу в прихожую, а за мной следует подруга.

— Свежий воздух в Москве, — усмехается Рубин.

— Не свежий, так хотя бы холодный, — накидывая на себя куртку говорю я и выхожу из апартаментов.

Фонари встречают меня на улице. Влажный ветер окутывает мои ноги и развеивает распущенные волосы. Второпях забыла взять с собой шапку или хотя бы шарф, а раньше я старалась избегать переохлаждения. Болеть во время конкурса плохо. А если ты модель, то вдвойне. С красным и хлюпающим носом отсняться нормально не получится. Да и на фотографии ты выглядишь не лучше.

Но сегодня мне не нужно об этом волноваться. Конкурс закончился. Победитель собирает свои вещи. Я теперь не модель. Я всего лишь неудачливая провинциалка, которая думала, что сможет завоевать мир.

Я — никто.

Дохожу до незнакомой площади, где люди гуляют этим вечером. Кто-то громко кричит, кто-то громко смеется.

Но я одиноко сижу на скамейке и украдкой утираю слезы.

Что делать дальше? В Москве искать подработку. Или вернуться в родной город? Или на юг? Но меня никто нигде не ждет. Может нужно придумать другой план. Где я не буду чувствовать себя такой одинокой.

К примеру, прийти к Матвею. Он точно окутает меня заботой и лаской. Но чувствовать к нему только благодарность вместо заслуженной ему любви. Это бессовестно. И чем я тогда стану лучше той же самой Регины.

Девушка, которая улыбалась мне. Которая поддержала меня. Которая волновалась обо мне. И которая искусно лгала мне. Каждая ее улыбка была фальшью. Поддержка данная мне,

лишь для того, чтобы заставить её доверять. А волнение её было не обо мне. А о себе. Одной единственной и неповторимой.

Матвей был прав. Снова. Я совершенно не разбираюсь в людях.

Мой телефон издал вибрацию. Зачем только его взяла. Мне нет нужды слушать ещё от кого-то слова сочувствия. Вибрация пропала. Но через секунду снова появилась. Игнорировать звонок пару минут можно.

На третьей я устала от вибрации и достала телефон.

“АНУШ”.

Мне звонил мой куратор. Поправка. Мой бывший куратор. Ответить или нет?

Официально я ещё работаю на агентство. На время конкурса нам оформляли срочный трудовой договор. И он подходил к концу где-то через месяц. Нам платили за работу небольшую сумму и давали шанс стать топ-моделью.

Но нужна ли им теперь я. Побитая как собака. Девчонка, на которую надеялись все. И та, кто не оправдала надежды.

Только Ануш до сих пор остается моим куратором и непосредственным боссом. Значит ответ очевидный.

— Алло, — с выдохом отвечаю я.

— Ксения, приходи ко мне в кабинет, — строго проговорила она без приветствия.

— Сейчас? — удивляюсь я и оглядываюсь. На площади замечаю столб со временем. —

А не поздно.

Уже семь тридцать вечера.

— Не поздно. Жду тебя у себя. Поторопись.

И тут же сбрасывает звонок. Открываю приложение такси и заказываю машину. Раз босс сказал срочно, я не могу игнорировать приказ. Даже если сильно хочется.

*

Вдох-выдох.

Нужно только успокоиться. Ведь Ануш позвала к себе в кабинет не для того, чтобы уволить. Она не такая. Была бы недовольна, то отправила меня бы при всех за кассу ближайшего фаст-фуд ресторана. Обслуживать с улыбкой людей и забыть дорогу в модельное агентство.

Но раз я стою тут. Около её кабинета. Не выставленная с позором. Значит у меня есть ещё шанс стать успешной моделью. Правда без полета в этом году в Париж на показ.

Стучу в дверь.

— Малахит? — уставший голос наставницы поразил. Мне казалось, что её ничто не может пробрать. И она сильная всегда. — Проходи скорее. Нам нужно серьезно поговорить.

Серьезно? Сомневаюсь, что мы с ней будем пить чай с диетическими пирожными.

Усаживаюсь в кресло. И чувствую неловкость, которая подкралась и впилась. Впервые так со мной. Руки потянулись к краю футболки. Но я успела одернуть себя.

Нельзя показывать свою нервозность даже куратору.

Но Ануш на всех так действует. Её статная фигура с темными ниже талии волосами и глазами, которые проникают в самые недра твоей порочной души.

Она словно все знает о тебе, даже то, что ты не знаешь сам.

Теперь её взгляд направлен на одну меня. Не рассеян по толпе. А втягивает в зрительный контакт, который девушка так любит использовать перед камерами.

— Ты хочешь в Париж?

— Кто же не хочет, — усмехнулась я. И правда кто? Для меня это огромный шанс заявить о себе миру. Что я есть. Что я существую.

А еще это шанс простить саму себя. За проступок перед ним.

— Но ты теперь не сможешь полететь, — без насмешки проговорила Ануш. Она потрянула своей копной черных длинных волос. Провела по ним рукой. Она часто так делала, когда подходила к сути. Она что-то хочет предложить. Я для нее козырь. Она видит во мне потенциал. Но то, что она хочет предложить, может не понравиться мне. — Полетят другие. А ты останешься.

Черт, она снова пытается управлять мной.

Она также поступила осенью. Не ведись, Ксю. Не смей прислушаться к ней.

— Попробую в следующем году, — вроде равнодушно проговариваю, но что-то проскальзывает в голосе. Ануш усмехается и отворачивается от меня. А когда снова возвращает свой взгляд, мне становится не по себе. — Марина ведь год пахала здесь, а теперь летит. Я тоже смогу год отпахать, и полететь в следующем.

Год отпахать?

Я! Я могу... но скорее я завоюю репутацию гоблина из-за этого года. А не отлично зарекомендовать себя. Я не смогу долго продержаться в клоаке дерьма, в котором варятся модели из агентства.

И об этом прекрасно известно Ануш.

Я не отработаю тут год. Возможно, я смогу еще пару лет продержаться как модель подрабатывая на мелких съемках или рекламе. Но моя карьера будет загублена мерзкой пакостной мезью.

И тогда обо мне больше никто не узнает. Я даже не смогу вернуться к Глебу. Моя гордость не позволит это сделать.

В итоге я останусь одна. Без родителей и другой родни. Без друзей. Одна без всякой надежды на будущее.

— Я могу предложить тебе одну возможность. Мизерный шанс. Могу дать рекомендацию, чтобы ты смогла прийти на кастинг. Одного фотографа. Он чокнутый. Но талантливый. Ты можешь знать, как его зовут. Вениамин Лессовский.

Кто же не знает его. Чудаковатый парень, который делает невероятные фотографии. От них захватывает дух. Быть моделью у него как прорыв плотины. Получить рекомендацию для него — это тоже шанс. Чтобы просто прийти на съемку.

— Ты пройдешь в святая святых его студии, — продолжает Ануш и достает конверт. В котором судя по всему лежит моя рекомендация. Мое светлое будущее. — И даже возможно встанешь напротив его камеры. Но сделает ли он хотя бы один снимок. Выберет ли он тебя для обложки. Одобрит ли он твою кандидатуру. Это зависит от тебя. Готова рискнуть?

Вы еще спрашиваете?

Хочу закричать ей в лицо. Что за глупость она говорит.

НО.

Торможу. Вместо кого я тогда поеду? Как отдельное лицо? Но мест для моделей только два. Для Рубин и той победительницы. Юлианы.

Вместо кого поеду я. Неужели это и есть тот самый подвох, из-за которого волновалась Ануш?

— Ануш, — зову тихонько. Но она понимает, какой вопрос появился в моей голове. — Вместо кого поеду я?

Она молчит.

И вместо слов понятно.

Мне придется снова выбирать. Моя мечта или друг.

Не слишком ли много забирает моя мечта? Все, что есть ценное в моей жизни. Это и есть цена моего успеха? Стоит ли она того. А не пожалею ли я об этом.

Но узнаю я об этом только после того, как выберу. К сожалению, не раньше.

*

Вываливаюсь из здания агентства. Обескураженная и взволнованная.

То что мне предложила Ануш — это ужасно. Это предательство друга. Это...

Слов подобрать невозможно. Но это хуже подкиданной стекловаты человеку, которого ненавидишь.

Поднимаю голову и вижу людей. Но если до этого они казались всего лишь телом, то сейчас я вижу лица. Кругом одни парочки. Парни и девушки держат друг друга за руки. В руках букеты алых роз, коробки конфет, а на лицах нежные улыбки.

В кафешках парочки с влюбленными глазами смотрят друг на друга и касаются. Едва заметно. Но они вспыхивают как свечи на праздничном торте.

Весь мир сошел с ума?

Достаю телефон и смотрю на дату.

И да, мир действительно сошел с ума на один день. Потому что сегодня четырнадцатое февраля. Официальный день влюбленных. А я стою под морозящим снегом — одна.

Стоит ли все это карьеры. Моя мечта требует еще одну жертву. Способна ли я на нее. На сколько я плохой человек?

Дохожу до наших с Мариной апартаментов и поднимаюсь. Она сидит на кухне и пьет чай. Играет ее телефон через колонку. Вроде это американская попса. Я обращаю внимание на обстановку, лишь бы не смотреть на нее.

— Ксюша, это ты?

— А кто же еще, — хриплю я и разубаюсь. Мои ноги оставляют влажные отпечатки, и только сейчас я понимаю насколько продрогла, пока гуляла.

— Чаю? — понимающе спрашивает Рубин, и я киваю.

Девушка встает и делает мне порцию горячего напитка. Я тем временем скидываю куртку и влажную одежду. Одевая махровый халат и шерстяные носки. Не модельный вариант, но зато тепленько и уютненько.

— Держи, гуляка, — улыбается Марина, а я сажусь напротив.

Дую на свой чай и делаю первый глоток. Тепло. И уютно. Смотрю на Марину и задумываюсь, а как бы поступила она. Смогла бы она бросить парня, который любит ее. Заботился о ней. Она бы ему рассказала свои метания или молча убежала от отношений как я.

А смогла бы она пойти на кастинг, который точно решит ее проблему с работой. Но точно лишит исполнения мечты другого человека. И не какого-то там чужака, которого видишь впервые. А друга. Десять лет знакомства это ведь не пустяк. Не разовая встреча.

Чтобы выбрала она? А я?

— О чем думаешь? — спрашивает Рубин, и уменьшает громкость музыки.

Смогу ли я подставить тебя? — думаю я, но спрашиваю совсем другое.

— Марин, ты бы смогла поступить также как Регина?

— Честно? — смотрит на меня и ставит кружку со стуком. — Не знаю. Может быть да,

а может нет.

Не этого я ожидала. А чего тогда? Скорей всего, слов, которые успокоят мою встревоженную совесть.

— Понятно-о.

— Нет, Ксюш, не понятно, — вздохнула Рубин и улыбнулась. — Регина имела все шансы выиграть конкурс без махинаций, если бы в нем не было тебя. Ты единственная, кто мог взять верх над ней. Поэтому ее можно понять. Она пришла на конкурс, уверенная в своих возможностях и тут видит тебя. Того соперника, победить которого она точно не могла. По крайней мере честно. Если только его не вывести из игры. Именно поэтому она пошла на подлость. Она знала твои возможности. И дико хотела победить. Но наш случай не подходит под описание ситуации с Региной.

— Потому что ты лучше нее? — выдавливаю из себя.

— Нет. Потому что если сравнивать меня, тебя и Юлианну. Я больше всех из троих не заслуживаю место модели для Парижа. Потому что во мне нет того таланта, что есть у вас двоих. Я бы, с радостью, отдала эту возможность тебе. Но никто не принял мою жертву правильно. Сказали бы, что если я отказываюсь, то они наймут другую модель. И не факт, что тебя. А я не могу так. Бессмысленный риск — это дурость, а самоотверженность.

— Я не прошу тебя об этой жертве, — шепчу я тронутая ее словами.

— Если есть возможность, то ей нужно пользоваться, — улыбается мне Марина. — Главное не навредить другому. Но в то же время использовать все то, что дает тебе судьба.

И что это?

Благословение? Или что.

Она знает о предложении Ануш или нет?

Рубин встает из-за стола и моет за собой посуду. А потом прощается и уходит спать.

Я достаю телефон, когда она выходит, и захожу в социальную сеть. В ленте новостей мне попадается фотография Арины. За ней, улыбаясь, сидит Глеб и вместе с ними его друзья. С которыми он меня когда-то познакомил.

Резко встаю и подхожу к окну.

Я уже сделала выбор. Нельзя останавливаться на полпути. Массовый кастинг это только крошечный шанс. Сделать его не значит предать подругу. Но не использовать его будет глупо. Это ведь не вероломный поступок. А подарок судьбы.

Моя совесть вроде бы успокаивается. И я даже быстро засыпаю. Но сны ночью приходят странные. А еще слова Марины.

“ты трусиха. Ты не умеешь воевать скрываясь в тени, как делают стервы. Но и в открытую признать свои слабости ты боишься”.

Возможно ее слова очень близки к правде. Я ведь не смогла поговорить с ней напрямую. О предложении и о возможных шансах. И о том, как это повлияет на нее.

Потому что мне страшно услышать ее протест. Узнать, что она думает. И возможную просьбу не делать этого.

Разве это не подлость?

Такси остановилось прямо напротив двери с вывеской ВХОД. Мужчина таксист нетерпеливо постукивает по рули и посматривает на меня через салонное зеркало заднего обзора. И морщится со звучным цоканьем. Он это повторяет с тех пор как я назвала нужный мне адрес.

Я крепче сжимаю руки, на них даже появляются красные отметины от ручек взятой мной сумки. Она у меня большая. В ней можно найти туфли, черную юбку и стрейчевые брюки. Все классическое, взятые с пометкой “на всякий случай”. На таких кастингах может потребоваться обувь или одежда, в которой я буду выглядеть лучше, чем есть. У них может отсутствовать моего размера или кто-то другой успеет забрать. Модель обязана на кастинге выглядеть подчеркивающее свои плюсы. И никак иначе.

А еще со мной рекомендательное письмо от Ануш. Его я подам Лессовскому только в том, случае если он возьмет меня в десятку.

Чтобы так сказать повысить свои шансы.

Но сейчас это последний шанс вернуться в квартиру и... что и? — останавливаю себя. Признаться в подлости? Бросить свою мечту? Что “и”?

Может меня вообще не заметят в этой толпе. Замечаю как девочки модели заходят в здание друг за другом. И их много. Очень. Машина остановилась минуту назад, а за это время вошли уже десять девушек. А сколько их там? А сколько еще придет. Может меня забракуют как только увидят.

— Моделька, ты собираешься выходить, — язвительно спросил меня таксист и повернулся ко мне. Я замечаю его желтые зубы сквозь его “улыбку”, зрачки расширены, а белок глаз пожелтевший.

Как бы он своим ядом не подавился, пьянь, — бормочу про себя.

И в то же время мое лицо окаменело. Я в ответ тоже ухмыльнулась, но по-своему. Приподняв одну сторону губ в язвительной улыбке и подмигнув, отчего дядя закашлялся.

У него перекосилась рожа от моих действий, и только тогда я кинула ему деньги за поездку и вышла. Этот дядя точно не захочет меня везти домой. Если бы я захотела вернуться.

Машина резко стартовала позади меня. Мне даже показался яростный визг шин. Но я видела только дверь. Туда забежали еще две девчонки. Молодые, возбужденные и красивые.

У всех же шансы равны? Я ведь ничего не теряю при попытке? К тому же я ведь не настолько офигенная, чтобы влюбить в себя фотографа одним взглядом?

Так ведь?

Пока я стояла вбежали еще несколько болтливых девчонок. За ними следовала толпа, что я решила поторопиться. А то собьют и не заметят.

Я открыла со скрипом упругую дверь и кое-как проникла внутрь. Она тут же закрылась со звонким хлопком, оставив меня в полной темноте.

Первые шаги наверх я преодолела на ощупь. Свет появлялся только при открытии входных дверей. А дальше следовали ступеньки на вершину.

Снова свет внизу, кто-то вошел. Осветив дорогу на несколько секунд. Я немедленно побежала по ступенькам и вылетела в огромную прихожую.

С одной стороны стояли вешалки для верхней одежды и обуви. С другой стояли

скамейки и стулья, где девушки переобувались. Кто-то снимал утепленные вещи, а одевал стрейчевые лосины и топы. И, конечно, у всех в сменной обуви были каблук. Казалось, что перестук шпилек звучал повсюду. Особенно в той, комнате, которая следовала за прихожей.

Скидываю пальто и обувь. Обуваю туфли. С удобной колодкой и высоким устойчивым каблуком. Пальто вешаю. И следую за девушками.

Дальше следует регистрация. Ануш отправила мои данные в офис Лессовского, поэтому мне нужно только подтвердить их. Теперь мой номер 213. Два-один-три. Мне дают две бумажки с номером и бейджик. Меньший листок вставляю в нагрудный значок и креплю его с правой стороны. Большой листок держу в руках и отхожу ото всех в угол.

Сумку прижимаю к себе, словно это мой круг спасения.

На меня мельком поглядывают девушки и молча оценивают. Буду ли я бороться. Смогу ли я пройти кастинг. Но видимо то, что я зажала себя в угол играет с ними злую шутку. Они думают, что я зашуганная и неперспективная девица, которая испугается затвора фотоаппарата. Ведь все ищут моделей с яркой индивидуальностью и особенной внешностью.

А тут я. В темном углу и стараюсь скрыться от всеобщего внимания.

Вот только с этого места удобно наблюдать за ними. Кто пришел. У кого какие сильные стороны, у кого слабые. У кого интересные идеи. У кого красивые позы. И все в этом духе.

Через некоторое время про меня все забывают. Я становлюсь мебелью для них. Всего лишь часть интерьера.

Не подозревая сильного соперника, которого я скрываю.

— Девушки, начинаем первую часть кастинга, — к нам выходит долговязый парень. Он размахивает руками и требует тишины. Но гам успокаивается не сразу. Девушки щебечут о своих волнениях подругам и продолжают шуршать сумками или пакетами. Парню приходится ударить несколько раз в гонг, который он захватил с собой. — Так, модели. Сначала вы фотографируетесь по очереди с номерками. Очередь обозначена в ваших номерах. А затем будет еще несколько этапов. И если вы пройдете все, то только тогда Вениамин выберет двадцать лучших. И после этого начнется настоящий кастинг фотографа Лессовского. Начинаем!

Гляжу на номер в своих руках.

213.

Мне придется ждать. И долго.

**

— Номер 213 проходите к фотозоне, — кричит парень через весь зал. — Вам нужно прижать к животу номерок и сделать пару снимков.

Я не успеваю выдохнуть как он начинает делать щелчки. Потом еще и еще.

За какие-то три минуты он отснял пятнадцать снимков и зовет следующую участницу.

Вениамин Лессовский известен тем, что любит свежие лица. Не известных моделей, а новеньких. Иногда даже не опытных девчонок, которые хотят стать моделью.

В этот раз почти три сотни девушек проходят через пятиминутный конвейер. Эти фотографии рассматривает Вениамин. Те, кто смогут его заинтересовать при таком поверхностном осмотре переходят на второй этап.

Дальше работают фотографы из команды Лессовского. Они снимают отобранных девчонок чуть дольше и тщательней. Их кстати тоже отбирает сам маэстро. После этого этапа остается не больше двадцати девушек.

И уже этот топ-20 встречается с эксцентричным фотографом тет-а-тет.

Я отхожу после первого этапа и спустя час вижу свой номер на электронном табло. Я прохожу на второй этап. Осталось шестьдесят восемь девушек и нас распределяют на четыре группы. У каждой группы свой отдельный фотограф.

Теперь у нас есть примерно пятнадцать минут, чтобы сделать двадцать фотографий. На этом этапе мы имеем минутку, чтобы поменять позу или сменить выражение лица. Конвейер, но более медленный.

У меня тринадцатый номер в этот раз. И мне снова приходится ждать. Прошло почти три часа, когда дошла моя очередь.

Усталость есть. Но надежда питает меня. Это крошечный шанс. Но он есть. Значит нужно собраться.

И я это делаю. Делаю шумный выдох и начинаю работать перед камерой. И не важно, что мне пришлось встать в пять утра. И то, что с шести утра я стою в очереди кастинга. Скоро три часа дня, и если я справлюсь, то останусь тут еще на неопределенное время.

Отбрасываю все свои сомнения и продолжаю работать. Использую свои самые сильные ракурсы, уверенные позы. Все, что есть в моем скрытом арсенале. Я должна заинтересовать Лессовского.

— Следующая.

Безразличный голос фотографа вырывает меня из безмятежности. Неужели это все? Я не справилась?

Мне приходится отойти, чтобы не мешать другим. Еще два часа проходят в тревожном ожидании результатов, сидя на диванчике.

И вот они пошли. Первая пятерка. Вторая. Моего имени нет. Третья пятерка. Руки сжимаются от усталости и отчаяния. Неужели все таки я проворонила свой шанс.

Последняя пятерка появляется на экране, но я не смотрю. Мне страшно. Вокруг стоит гул. Девчонки радуются, что прошли, и плачут те, которые не провалились.

А я? Я прошла или нет.

Глубокий вдох и медленно поднимаю голову.

Место 16. Алевтина...

Место 17. Каролина...

Место 18. Елена...

Место 19. Мария...

Место 20. Ксения Малахова.

Это я? Господи я-а?!

Оказываются мисс-ки по-настоящему плачут, когда одерживают победу в конкурсе красоты. Я вот тоже заплакала, хоть еще и не победила, а только попала на последний этап.

И снова наступают часы ожидания. Лессовский вызывает в свою особенную комнату студию моделей для съемок. Кажется, что время замедляет свой ход. И от ожидания мозги кипятятся в нервном котелке. Потому как мне уже мерещится табло. В котором нет моего имени. И вообще весь кастинг — это плод моего воображения.

Иными словами. Я медленно сходила с ума, пока другие девятнадцать девчонок снимались под вспышки камеры Лессовского.

И тут я слышу голос.

— Модель 213. Номер 20 в списке. Малахова Ксения.

— Это я...

Поднимаюсь и только сейчас понимаю, что осталось мало людей. Многие ушли.

Остались только это двадцать девушек. И то, они уже ждут результатов.

Мне нужен последний рывок.

Я следую за долговязым парнем. Мы проходим коридор по стенам, которого висят снимки маэстро. Затем следовал комната отдыха. И последняя дверь.

— Проходи, — кивает мне парень и испаряется.

А мне остается только войти.

— Ну что, Ксения, что вы мне покажите, — интересуется Вениамин, как только я перешагнула порог и заперла за собой дверь.

А он действительно эксцентричен. Татуировки и пирсинг малая часть его оригинальности. Ярко-розовые волосы и черная борода. Фотографу ближе к сорока, но он хорошо физически развит. Мощные руки, которые не может скрыть белая футболка. А на лице ни капли усталости. Казалось, что в нем полно сил и энтузиазма.

Каким-то образом, он смог свое воодушевление передать и мне.

Усаживаюсь около фотостены и расслабленно улыбаюсь ему.

— А что вы хотите увидеть?

Лессовский чешет свою бороду, задумавшись, а потом хитро улыбаясь отвечает:

— Покажи мне отчаяние, — кивает он и отходит к своей аппаратуре.

Отчаяние. Я с ним теперь очень хорошо знакома. На секунду закрываю глаза, позволяя затопить себя этому чувству и открываю глаза.

Лессовский уже не Лессовский. Он маэстро с фотокамерой. А я не Ксения Малахова. Я модель. И в этот момент мы начинаем работать.

Его приказы я слышу вполуха, но мое тело тут же выполняет их...

— Ксения, вы одобрены, — кричит Лессовский после съемки. — Можешь называть меня Вениамин. Завтра приходи в девять утра. Будем работать.

— Ануш, вы тут, — стучусь и захожу без спроса в кабинет модели. То что осталось от кабинета правильной сказать. Сборы Ануш идут полным ходом, и скоро это место займет кто-то другой. Я слышала Ловкач займет место Ануш в этом агентстве. — Тук-тук!

— Я здесь, — из шкафа приглушенно звучит голос модели. — Проходи и садись. Я скоро.

Осматриваюсь, и не нахожу. Не одного свободного стула. И даже на диване лежат кучкой шмотки. И куда мне приземлить свою пятую мягкую точку?

Приходится спустить с одного из стульев коробку на пол и присесть. Ну вроде как все. Я действительно прошла кастинг у Лессовского. Он проработал со мной почти целый день, и фотограф очень обрадовался моему рекомендательному письму. Так что победа в кастинге была в моих руках.

Но победа в кастинге это одно. Сейчас Ануш должна сказать, что думают по этому поводу жюри и представители агентства. Это ведь они отправляют в Париж девушек. И решение за ними.

— Что же ты себе ни воды, ни кофе не принесла, — ругает меня Ануш и выносит из шкафа коробки.

Я удивленно всматриваюсь в шкаф и пораженно тыкаю в него.

— У вас там, что ли Нарния?

Потому что снаружи можно подумать, что это просто шкаф. Для верхней одежды к примеру. Небольшой, но высокий. Но Ануш туда зашла. А потом вышла с вещами.

Так что понять мое удивление можно.

Ануш кинула взгляд на шкаф и улыбнулась.

— Можно и так сказать, — она достала из ящика стола пухлый конверт и помахала им перед моим носом. Мысли о шкафе улетучились моментально. Я могла только уставиться на конверт и на руки, которые его держали. — Ты хочешь посмотреть что там?

Киваю.

Мой голос пропал где-то там. Я могла только следить за руками Ануш. Как она разрезает конверт. Как она вынимает оттуда фотографии. Как она их раскладывает. А потом подзывает к себе. И я словно теленок поднимаюсь на ноги и бреду к ней.

— Ты потрясающая, — проговаривает Ануш рассматривая фотография для будущей обложки. Лессовский искал свежее лицо для нового каталога журнала. И сегодня он отправил серию фотографий, которые он будет использовать вместе с главным редактором. — Ты понимаешь это?

Мыслей не было. Я уставилась на себя. Такую разную. Такую живую. Каждый раз, когда я смотрела на снимки со мной — мне казалось, что там я живее, чем здесь. Слово только фотограф может увидеть мою душу и запечатлеть ее. Слово у меня ее нет. Слово она проявляется только на фотографиях.

— Понимаю, что? — шепчу я, и кончиком пальцем провожу по глянцевой поверхности.

— То, что конкурс тебе на самом деле не так уж и нужен. Ты бы смогла пробиться со своим талантом везде, — говорит Ануш и откидывается в кресле.

Пальцы замерли. Она что? Она отказывает мне? Или что?

Или...или...или...

Сколько этих или. Нужно просто спросить.

Сжимаю руки, и заставляю себя говорить.

— Это значит... Марина поедет? — в моем голосе волнение и тревога. Волнение за подругу и тревога за себя. Но с другой стороны Ануш права. Лессовский выбрал меня из трехсот девушек. И я ему понравилась. И среди этих трехсот может только сотня новички без малейшего опыта. Все остальные — это модели, которые пробуют пробиться на фотосессию Вениамину не в первый раз. И мне это удалось. Разве это не заслуга?

Вот только я рассчитывала на Париж.

— А это важно? — с насмешкой спрашивает Ануш. — Ты приняла решение. Для тебя карьера важнее.

— Звучит если честно не очень, — пожимаю плечами и отхожу.

— Не важно как это звучит. Важно то, что моделинг это твоя жизнь. И такие люди мне нужны. Те, кто не опускаются до хитрожопости, но борются до конца. И ты такая.

Ануш хлопает папкой и собирает мои фотографии, чтобы сложить их в конверт. Но мои мысли до сих пор в сумбуре. Что происходит?

— Это значит..., — начинаю я, а Ануш резко заканчивает.

— Летят две модели: ты и Юлианна. Жюри одобрили это решение. Модель прошедшая через массовый кастинг Лессовского перспективнее, чем менее талантливая девушка, берущая только упорством.

Значит я. А Марина? Она уже бесится из-за моей подставы? Она уже ждет меня, чтобы начистить рожу?

— Она уже знает? — тихо спрашиваю и ужасаюсь. На сколько пискляв мой голос.

— Иди домой и узнаешь, — поджимает губы Ануш. Я опускаю голову от стыда и в то же время от страха. Прийти теперь домой будет целым испытанием. Но модель неожиданно продолжает: — Ксюша, ты не предательница. Ты поступила не совсем честно по отношению к подруге. Это правда. Но ты не делала ей подножку. Ты не подставляла ее. Но ты ее обошла.

Киваю и отхожу. Беру в руки сумку, которая осталась лежать на стуле. Я уже направилась к двери, но кое-что вспомнила. То, что должна была уточнить.

— Ануш, когда самолет?

— Через два дня. Визы, паспорта и все нужные документы начали готовиться еще до нового года. Так что все готово. С тебя только приехать в аэропорт в 14:00 через два дня.

В кабинет ворвались люди. Им требовался совет Ануш, и она взмахом руки отослала меня.

Ответа от меня не требовалось. Модель уже взяли в оборот для решения последних организаторских вопросов. Она стала частью команды, которая отправляется в Париж и на ней теперь большая ответственность. А мне оставалось собраться духом и вернуться домой. Чтобы... Извиниться и собраться. Или может для начала выжить?

Дорога домой казалась последней дорогой жизни для человека, ждущего смертной казни. Я старалась идти как можно медленнее. Но мир был не справедлив. Потому что я даже не попала в пробку. Это находясь в Москве в самый час пик. Вот это я понимаю чувство юмора на высшем уровне.

Перед дверью в квартиру я замерла. В моих руках бренчат ключи. Ноги переминаются. Потому как я элементарно боюсь этой встречи.

Но вечно стоять под дверьми тоже нельзя. Поэтому я просунула в скважину ключ и отперла замок.

Открываю дверь квартиры и первое, что отмечаю. Это неестественная тишина. За полгода жизни здесь тут постоянно было шумно. Либо Маринка слушала музыку, либо соседка снизу вопила о невоспитанности молодежи. Либо сверху кричала семейная пара. Обычно в этой квартире шумела жизнь, которая неожиданно прекратилась.

И мысль, которая озарила меня. Которая пугала. Которая надеялась, что не случилась. Пронеслась мимо меня.

Она знает.

Ей уже рассказали.

— Пришла, — колко отметила девушка.

Марина встала на пороге кухни. Она стояла опершись о косяк, скрестив руки на груди. Нахмуренные брови, поджатые губы. На ней неряшливо висит костюм, который мы с утра ей подбирали. Именно его она всегда бережно снимала после прихода домой. Потому что он самый дорогой. Не только в цене, но и лично для нее. На столе в самом центре стоит початая бутылка вина, а рядом бокал.

А мысль хлестко ударила меня. Больше, чем могла ударить она.

Пьет. Хоть ненавидит алкоголь.

— Объяснишь? — с болью уточнила Марина. Она глотает слюну, видимо так она пытается сдержать слезы. Но она стойко стоит и ждет. Она ждет правды от меня.

— Что ты хочешь услышать? — отстраненно спрашиваю.

Я снимаю сапоги и пуховик и держусь. Не хочу оправдываться или плакать. Я поступила подло по отношению к подруге. Я признаю это про себя. Но в слух в этом не признаюсь. И лучше пусть она накричит на меня. Выплеснет боль, которая сжирает ее. Я готова принять такое наказание за поступок, который совершила.

— Ты знала, что своей победой у Лессовского ты получишь билет до Парижа. Обещанное мне.

Вот что ее волнует. Когда я пошла, знала ли последствия, которые коснутся ее.

Выпрямляюсь и прямо смотрю на нее. На свою подругу, которую возможно сегодня потеряю.

Хотя это не так. Я ее потеряла не сегодня.

А в тот день, когда Ануш сделала свое предложение. Когда я поняла, что она хочет, чтобы я сделала. Я могла послать ее и сказать, что друзей не предаю. Могла выслушать ее и не пойти на массовый кастинг. Могла обо всем рассказать Марине. Но я ничего из этого не сделала.

Потому что сделала выбор. И он был не в пользу нашей с ней дружбы. Рубина и Малахита.

— Значит знала, — сделала вывод Марина. — Ну хоть стекловату на одежду не распыляла. И на том спасибо.

Девушка развернулась и подошла к столу. Она налила себе рубиновое вино и проглотила его залпом. Словно там была вода.

— Марин, — начинаю я.

Мы обе знаем, как долго она отказывалась от алкоголя. Ее может разнести за секунды от такой дозы.

— Не надо, Ксю, — упала на стул Марина и откинулась на него. На ее щеках блестели горькие слезы обиды. И тут девушка начала говорить. Немного заплетаясь от выпитого алкоголя. — Я всегда знала, что ты талантливей меня. Всегда напоминала себе об этом. “Я

не так талантлива. Хэй, не смей расслабляться. Работай больше, чем можешь”. Понимаешь, я могу взять упорством, настойчивостью, пробиваемостью. Но не талантом. Его во мне жалкие крупицы. Во мне больше желания. В тебе же, Ксюша, есть оба эти качества. Мне тебя не догнать. К тому же в массовом кастинге сложно победить. Мне ли этого не знать. Сколько раз я бывала на таких мероприятиях. И ни разу не победила. Только талант может взять вверх. Особенно у Лессовского. Тебе Ануш подсказала пойти на кастинг? Она то знает, кто стоит за организаторами.

— Марин, — снова пытаюсь успокоить подругу. Но она уже потеряна для меня. Особенно сейчас.

Рубин просит не подходить ближе и махает головой. Она хлюпает несколько раз носом, прежде чем сказать.

— Ксюш, тебе нужно собираться. Тебе предстоит поездка в Париж. Иди спать. А завтра сборы.

Растерянно смотрю на подругу. И осознаю то, что я вижу. Это намного хуже того, что я представляла. Я ждала криков, обвинений, претензий. Все что угодно. Но только не этого. Принятия. Молчаливой обиды. И отчаяния.

Это ведь хуже. Это почти убийство надежды.

— А ты? — шепчу я.

Мои руки тянутся к ней, чтобы обнять. Мой язык хочет кричать мольбу со словами извинений. Но я этого не делаю.

Потому что я чертов камень. Потому что чувства пугают меня. Особенно такие сильные. Но их лавины уже успели пробить в моем сердце дыру. И кажется об этом я буду вспоминать намного чаще, чем о Глебе.

Потому что я снова открыла свой ящик со скрытой там душой. И возможно теперь я не в силах его запереть.

— А что я, — слегка истерично рассмеялась она, расплескивая вино. — Сегодня я напьюсь. Завтра отосплюсь. А послезавтра придумаю, что делать дальше. Иди, Ксюш. Я хочу побыть одна.

Я не могу настаивать.

Точно не сейчас.

Поэтому я ушла к себе. Но продолжала слушать, как Марина плачет о своей участи. И это медленно рвало мою душу.

На следующий день я выбиралась из дома тайком. Мне пришло сообщение, чтобы я пришла и забрала документы и билет. А еще нужно подписать несколько договоров, по которым я теперь не я. Теперь моя “должность” называлась специальная модель агентства Венеция. И меня отправляют в длительную командировку в Париж.

Юридические тонкости, чтоб их.

— На этом все, — со стуком опускаю ручку на стол и поднимаюсь.

Юрист, тучный мужчина, кивает и равнодушно провожает меня взглядом. За всю нашу встречу он сказал только два слова.

“Подпишите здесь!”.

Дальше он изъяснялся только кивками и махами руками. Очень общительный человек, отметила я про себя.

Девушки, которые встречались мне, не улыбались. Они хмуро глядели сквозь меня, кто-то шипел гадости, но никто в открытую нападать не стремился. Поэтому мне пришлось идти под перекрест хмурых и недовольных девиц, среди которых я заметила Софью и Милку с конкурса.

Вот только мне было на них наплевать.

Потому что больнее они меня не ударят, чем это сделала я сама. Мне было достаточно своей совести, которая ела меня. И кажется, от этого я получала мазохистское удовольствие. Потому что ощущала себя человеком, который чувствует.

Их взгляды такая мелочь, и я им от дыши улыбнулась.

Девушки ахнули и тут же отвернулись от меня. И такое бывает, хочется хмыкнуть. Но я молчу.

Я подхожу к двери, которая выведет меня на улицу, когда меня остановил аромат. Яркий аромат французских духов и прозвучавший позади меня знакомый голос.

— Я была в тебе уверена.

Резко оборачиваюсь, что даже полы моего пальто развились в стороны, а сумка упала в ноги. Передо мной стоит женщина. Знакомая женщина. И узнала я ее по оригинальной красной шляпке и шарфу.

Именно она была той женщиной, которая наградила меня на конкурсе фотографий. Она была все такой же худой и даже широкое манто не делало ее толще. Она выглядела как человек, который вертится в мире моде всю свою жизнь. Именно таких люди воображают себе представителей данной сферы. Русская версия Анны Винтур.

— Я вас помню..., — шепчу я и опускаюсь вниз, чтобы подобрать сумку.

Тихо радуюсь, что всегда закрываю на замок свои вещи. И что сейчас мне не приходится ползать на коленях, собирая раскиданные мелочи. Но мысли об этой женщины не пропадают. Потому что она мне кажется очень знакомой. И не из-за конкурса. Еще тогда она меня зацепила. Не потому что она наградила, а потому что казалась знакомой.

Но где? Откуда?

Медленно поднимаюсь и улыбаюсь только кончиками губ.

— С конкурса, я так понимаю, — улыбается она. Но ее улыбка намного ярче моей. Словно она встретила давнего знакомого и хочет его обнять. И тут же она добавляет: — Но вот только я знаю тебе с более раннего возраста.

Она меня знает? Неужели она присутствовала на моем детском конкурсе моделей.

— Вы о чем? Разве мы с вами виделись? — удивленно распахиваю глаза и делаю неловких два шага назад.

Но женщина поднимает руки, словно успокаивает норовистую кобылку, и подходит ко мне.

— Твоя мама... Юлия... была известным фотографом. Она часто делала снимки для нашего издания, — начала она. — И именно я предложила Юлии отправить тебя в школу моделей. Ты была крошкой, но уже тогда проявляла свою уникальную фотогеничность.

Что? Она можно сказать мне крестная что ли.

— Я-а не знала про вас, — извиняюще отвечаю и опускаю голову.

Я вообще не слышала, что моя мама настолько известна в модельных кругах. Или они мне не хотели говорить об этом.

— Мы мало общались как друзья. Но много как коллеги, — объясняет грустно женщина. — И мне очень жаль, что она и твой отец умерли так рано. И так трагично. Я бы пришла на похороны, но я узнала об их смерти спустя месяц после похорон. А ты уже переехала. И я не знала, куда нужно отправить письмо с соболезнованием.

Резко поднимаю голову и хмурюсь. Не хочу вспоминать тот период жизни. Слишком он ярко отпечатался в моей памяти.

— Это лишнее. В тот месяц я прочитала слишком много такого рода писем, а также много людей пришло, чтобы проститься. И мне тогда было не до этого. Я наверное даже не заметила бы ваших слов среди того хаоса.

На минуту мы замолчали. Не знаю о чем думала эта женщина, но я... в моей голове творился хаос. И чтобы его развеять, нужно кое-что узнать.

— Нет худа без добра. Так ведь? — спрашивает она и неловко осматривает помещение.

Вот он момент. Либо сейчас, либо никогда.

— А можно вопрос? — женщина кивнула. — Вы в конкурсе дали мне первое место из-за моей матери или...

— Или, — перебивает она. — Ты невероятно талантлива. Твоя фотография потрясла меня. Я тебя даже не узнала. Только во время твоего дефиле я поняла, кого ты мне напоминаешь.

— А можно еще вопрос?

— Конечно.

— Как вас зовут?

— Эльвира Горн, — спокойно произнесла она.

А я... у меня отвисла челюсть. Я тут спокойно разговариваю с Ней. О боже мой! С Ней Это ведь действительно Винтур русского производства.

— Горн? Так это вы владелица журнала “НьюМоушен”? — в шоке шепчу я. Руками я сжала свои щеки, в попытке не дать им раскраснеться от восторга.

Мне впервые хотелось прыгать от радости. Потому что она в моем восприятии икона в модельном издании.

— Раскусила, — улыбается Эльвира. — Может выпьем кофе и поговорим?

Отвечать мне не нужно. Восхищение перед этой женщиной шло впереди меня. Мной она воспринималась как пример для подражания, когда я клеила постеры из этого журнала. А сейчас кумир стоит прямо передо мной. Более того, она знала мою маму. И довольно близко.

Разве я могла сказать нет.

*

Я подхожу к квартире после двухчасового общения с кумиром. Она рассказывала про свою совместную работу с мамой. Как оказалось, мама не все мне рассказывала про свою работу в качестве фотографа. А еще мама утаила про свой опыт как модель. Кстати очень перспективную. Но ее любовь к съемкам пересилила желание стать моделью.

Фотографии того давнего опыта хранились у Эльвиры, и именно их она мне показала. А некоторые даже отдала. Горн как-то приезжала к нам в городок и там она познакомилась со мной маленькой и моим отцом. Слушать о родителях со стороны старого знакомого оказалось приятно. Я словно окунулась в прошлое, вспоминая те светлые моменты. Которые забылись из-за времени. Казалось, что мои папа и мама где-то рядом и их поддержка всегда со мной.

Я поблагодарила Эльвиру за разговор и направилась счастливая домой.

Но перед дверью, держа в руках ключ, вспомнила, что произошло вчера.

Я собрала все свои вещи еще ночью. Сон не приходил, поэтому решила не тратить время на неудачные попытки заснуть. Но поговорить с Рубин стоит. Я не сделал этого с Глебом. Но с подругой должна. Как минимум извиниться. Как максимум... сделать хоть что-нибудь. Потому что молчать в сторонке это не выход.

Открываю дверь и на пороге встречаюсь с Мариной. Только она выходит, а я вхожу.

— Марин, ты..., — взмолилась я.

Но она твердо отодвигает меня и резко отдергивает руки. Как будто прикасаться ко мне опасно.

— Ксюш, давай не сейчас. У меня болит голова и пока говорить я не могу. К тому же мне нужно бежать.

— Но..., — пытаюсь схватить ее за руку, но мне попадается только воздух с любимым ароматом Марины.

Меня перебивает дверной звонок, и Рубин тут же открывает дверь. Она даже не посмотрела в глазок. Для нее это был шанс выбраться из квартиры. Тем самым избежав разговора со мной.

— К тебе гость, — с этими холодными словами она вышла.

А Матвей вместо нее зашел и захлопнул дверь. Я уставилась в одну точку, находясь где-то на границе сознания. Но не менее обиженный мужской голос заставил вернуться.

— Ксюша, я узнал, что ты улетаешь в Париж.

Медленно поднимаю взгляд на него и ужасаюсь.

Матвей, он всегда такой утонченный. Даже местами отполированный. Но не сегодня. Под глазами у него серые мешки, словно он не спал несколько суток. Одежда у него тоже помятая. А в глазах столько усталости. **К н и г о е д . н е т**

Но меня волновало другое. Я ведь ему не сообщала новость.

— Откуда?

— Инстаграм агентства, — отвечает он.

Матвей напрягает мышцы рук и приподнимается на носки стоп. Он ждет. А я устала смягчать правду. Потому что она действительно горькая на вкус. Но микстура от простуды тоже не сахар.

— Да, это правда.

— Мне тебя не переубедить? — с болью спрашивает парень и тянет ко мне руки. — Ты

ведь улетишь и станешь моделью. Ты ведь так этого хочешь.

— Матвей, ты ведь знаешь ответ, — твердо отвечаю и отбрасываю его руки.

Он хмурится. Ему не нравится моя реакция.

— Тогда я с тобой.

Ну, нет, нет, нет.

— Перестань, Матвей. Я не могу стать для тебя больше, чем друг. Если ты согласен на нормальную дружбу. То да. Я продолжу с тобой общаться. Но если ты хочешь большего, то тогда забудь. Нам нужно перестать общаться. Навсегда! — кричу я в изнеможении, но твердо остаюсь на своем месте.

Он привык, что я отступаю. Но теперь я твердо решила прекратить это. Прекращать избегать чужой реакции. Я должна научиться принимать ее, но при этом продолжать двигаться в своем направлении.

Он кривит губы. Сжимает кулаки. А потом обреченно смотрит на меня и разворачивается, чтобы уйти.

И я снова остаюсь одна.

Кажется я задолжала нормальные объяснения и ему. Мне нужно объяснить Матвею почему я не смогу быть с ним. И дело ведь не в нем. А во мне. Потому что единственный мужчина, который смог заставить почувствовать жизнь. Почувствовать, что я все же женщина. Из плоти и крови. И этот мужчина — Глеб. А с другими, я кто угодно. Но только не пышущая любовью и страстью женщина.

Вот только как это сделать?

И как мне поговорить с Мариной.

Потому что только сейчас я стала осознавать как не права. Правда, я снова наворотила дров и как исправить все — не имею представления.

— Так девочки, осталось еще минут двадцать. Наши опозданы скоро придут. Поэтому пока есть время сходите по своим делам и собираемся тут, — кричит Ануш. — Только не смейте пропадать. Иначе вас потом найдут на другом свете.

Я оглядываюсь и вижу поблизости знак туалетов. Раз пока есть немного времени, нужно сделать все важные дела. Чемоданы мы уже сдали. Но ждем несколько опаздывающих членов группы. Как только они зарегистрируются, тогда мы все вместе отправимся на посадку.

Захожу в туалетную комнату и подхожу к раковинам. Я оказалась права. Макияж немного размазался. Потому что вчера я переволновалась и с трудом уснула. А сегодня чуть не опоздала. И даже тот факт, что вылет назначен на два часа дня, меня не особо спасал. Из-за спешки макияж я нанесла неуклюжа и сейчас его нужно немного подправить.

Достаю косметичку и тут из кабинок выходит девушка. Сначала я на нее не обращаю внимание, пока она не охает. Девушка и в Африке девушка. Но ее реакция возбудила во мне любопытство, и я посмотрела на нее.

Черт, это не может быть правдой.

— Привет, сестренка, — улыбается мне во все тридцать два Света.

— А год назад ты не хотела называть меня сестрой, — язвлю, но в душе снова появляется буря.

Заставляю себя хотя бы не показывать своих чувств. Достаю из косметички салфетки и карандаш. Я обязана просто подправить свой макияж.

Но сестренка не была со мной одного мнения. Она хотела продолжить разговор так же сильно, как я не хотела.

— Это было до того момент, как навязанная сиротка стала моделью с обложки. И та, что отправляется в Париж, — подмигивая говорит мне “сестра”. — Я думаю, ты правильно поступила, когда бросила этого неудачника.

Карандаш замер на полпути. Я поворачиваюсь к ней в ожидании продолжения.

— Неудачника? Ты это о ком?

Света проводит губной помадой до конца нижней губы, потом закручивает ее и убирает в сумочку. Только тогда начинает смеяться и отвечает.

— Ну точно не о Матвее. Конечно, я говорю о Глебе. Он хоть и красавчик. Но он парень без будущего. Так еще и с обузой в виде маленькой сестры.

— Люся не обуза, — тут же говорю я, даже толком не подумав.

Люся мне очень нравилась. Хорошая девчушка. И ей невероятно повезло с братом.

— Ну да, она милашка, — согласилась Света. — Но она висит как хомут на шее брата. И логично предположить, что и на избраннице брата тоже.

— Что за чушь ты говоришь, — шепчу я и отворачиваюсь к зеркалу. Я начинаю проводить карандашом по бровям и немного на веке. Затем я убираю его и достаю тушь.

Но Света, улыбаясь, ждет, когда я снова на нее посмотрю.

— Я о том, — дождалась она моего внимания и продолжила. — Что ты вовремя сбежала. У парня мать умерла и вся ответственность о Люське легла на Глеба. Так же как и любому мужику, ему тяжело ребенка расти одному. Вот поэтому как только ты уехала, он тут же подобрал мышонка поближе к себе.

— Мышонка, — растерянно повторяю я.

Хаос в голове разрушал все мои представления о Глебе. У него умерла мама? Он несет ответственность за Люсю. А отец? Как он с этим справился. А еще я со своей изменой. Не мышонок. Откуда появился мышонок?

— Ну да, — продолжает Света. Она словно не замечает как медленно вводит меня в стазис. — Помнишь нашу соседку. Арину. — Киваю. — Она ведь уже на шестом месяце. И вроде как они готовятся к свадьбе. Он быстро сообразил как привязать к себе домашнюю девчонку. Чтобы точно не сбежала. А там где один ребенок, то и второго никто не заметит. Поэтому ты прям вовремя сбежала. А то он бы и тебя обрюхатил.

Слушаю слова Светы и не понимаю, почему так тошно. Может потому что я мучилась все эти полгода. Думала, что он страдает. А я такая стерва, что сбежала и даже не сказала ему ни слова. А он быстро нашел мне замену.

И это... оказывается больно.

— А ты что здесь делаешь, — холодно интересуюсь у сестренки и подкрашиваю глаза тушью.

— А я... Вышла замуж за старого уродца. Единственный плюс, который он правда имеет. Это большие деньги на счете.

— То есть стала официальной шлюхой? — едко спрашиваю я.

— Сестренка, грубость тебе не к лицу, — с улыбкой проговаривает Света, касаясь моей щеки, и медленно выходит из туалета, покачивая бедрами.

Какая она стер-р-рва... Уговариваю себя успокоиться. Но не получается. Скидываю всю косметику в сумочку и выхожу, хлопая дверью.

И я тут же натываюсь на Матвея.

— Ты чего тут делаешь? — рычу на него.

— Я к тебе. Хочу полететь за тобой во Францию. Я буду с тобой, и когда-нибудь я добьюсь тебя. Я уверен.

А-а!

Я устала! Как же я устала.

— Матвей, — беру его за грудки и подтягиваю к себе. — Мы никогда не сможем быть вместе.

Говорю ему это в лицо. Мне даже кажется, немного моей слюны приземлилось на его лицо. Но он даже не нахмурился. Он мягко взял мои руки в свои и отцепил от себя.

— Малахит, не будь такой упрямой.

Нужно что-то делать. Пока этот дурак не придумает историю любви, которой нет. Если моя любовь с Глебом была ложью. То у меня с Матвеем даже такой иллюзии нет. И никогда не будет.

— Я могу доказать. Хочешь?

Он молчит. А я не медлю. Просто прижимаюсь к его губам и атакую их.

Я целую его. Но я заставляю двигаться свои губы и язык. Как нужно. Как правильно. Прикуси тут и получишь это. Повернись туда и будет удобнее целовать. Голова работает на полную катушку, а не плавится от страсти. Я целую его до того момента, когда он сам отодвигает меня и смотрит. Будто узнал обо мне что-то новое. То, что потрясло его.

— Почему ты словно кукла в моих руках. Почему ты отвечаешь, но механически. Ты как робот. Ты и с Глебом была такая.

— Матвей, — беру его за руку и впервые не чувствую стеснения. — Теперь слушай меня

внимательно. Я со всеми такая. Никто не мог зажать меня и сделать нормальным человеком. Никто кроме Глеба. Ведь даже сейчас у меня остались воспоминания о нем. Но они продолжают заставлять мое сердце биться и двигать кровь в моих жилах, — фыркаю от своих же слов. Они правдивы. Это их единственное оправдание. Как бы странно они не звучали. — Прости меня, Матвей. Что не могу. Что не такая. Ты хороший. Но ты достоин другой девушки. Той, что ответит на твои чувства. Той, что увидит в тебе свет, а не мрак. Но это не я.

И тут в его глазах появилось понимание. То самое, которое я так ждала. Он кивает моим словам. Он наконец-то слышит меня. И делает несколько шагов назад, отпуская меня.

— Малахит. Я понял. Наконец-то я понял, что с тобой. И да, я не буду тебе мужем, но хочу стать другом.

— А тебе не будет больно? — хмурюсь. Не уверена, что он так быстро может перейти от матримониальных планов к обычной дружбе.

— Если бы ты была для меня любимой женщиной, а не придуманным образом. То да, было бы больно. Но я не чувствую боли сейчас, — неожиданно выдает он.

— И что же ты чувствуешь?

— Освобождение.

Мы смотрим друг на друга, но между нами впервые нет неловкости. Мне не стыдно, что не могу ответить на его чувства. И он не борется со своими, чтобы не надавить на меня.

А это реально освобождение.

— Я дерьмовый друг, — перед глазами промелькнул мой поступок с Рубин.

— А я дерьмовый человек. Но мне это не мешает жить, так и тебе не мешает быть другом. Особенно мне. Так что пиши мне. Я отвечу. И, Малахит, — Матвей уже успел отойти от меня на приличное расстояние. И закричал на весь аэропорт. — Порви Париж. Я в тебя верю.

Он поднял руку со сжатым кулаком мне на прощание и ушел. Не оглядываясь.

— Спасибо, — ошалело прошептала я ему вслед.

— Ксюша, — кричит Ануш. — Ты последняя. Я тебя найти не могла. Живее в самолет.

В самолете я подхожу к своему месту и вижу, что рядом со мной будет кто-то сидеть. Подхожу ближе и ахаю. На месте около окна сидит Рубин. Я вижу ее и понимаю пора. Я сумела объясниться с Матвеем. А теперь пора поговорить со своей подругой.

— Прости меня, Марин, — сажусь к ней и взмахивая руками продолжаю тараторить. — Я подставила тебя! И теперь из-за меня ты не полетишь в Париж. Ты так этого хотела. Ты так стремилась. А я взяла и опрокинула тебя. И даже то, что ты считаешь талантливой меня. Не делает мне поблажки. Я совершила подлый поступок по отношению к своей подруге. Я...

Марина смотрит на меня, а потом откидывает голову на кресло.

— Ты меня не подставляла.

— Ну конечно, — морщусь я. — А кастинг. А твой отказ. Ты ведь теперь не полетишь во Францию и все из-за меня.

— Ты обсыпала стекловатой мою одежду, — перебивает Рубин и строго смотрит на меня.

— Нет.

— Снотворное в воду добавляла?

— Нет.

— Строила козни против меня? Или может слухи распространяла?

— Нет.

— Значит ты не подставляла, — делает вывод Марина и снова откидывается на кресло.

— Но я пошла на кастинг, не сказав тебе.

— Ксюш, ты чувствуешь вину. Но не понимаешь из-за чего. И дело ведь не в кастинге. А в том, что ты не сказала мне сразу. Всю правду про свой шанс. До кастинга. Ты струсилась узнать мою реакцию по этому вопросу. И решила разорвать наши отношения, чтобы не видеть. Как я возможно обижаюсь, злюсь, ругаюсь или пытаюсь отговорить тебя от этого.

Опускаю голову и молча признаю ее правоту. Она была права, что я действительно трусиха. Боюсь показывать себя настоящую. И боюсь увидеть настоящих других.

— Ты права. Но факт остаётся прежним. Ты не полетишь, куда мечтала, — грустно говорю я.

Но неожиданно рядом со мной раздается Маринин смех.

— Ксю, оглянись. Где мы?

Растерянно оглядываюсь по сторонам. И ахаю. Мы ведь, черт побери, в самолете. Первый класс. Я прошла регистрацию на рейс Москва-Париж. Но я пропустила тот момент когда пришла Марина. Потому что встреча со Светой и разговор с Матвеем сбили меня с равновесия.

— Ты летишь с нами?! — кричу я и кидаюсь на шею подруге. Надеюсь, все еще моей подруге.

— Ну все-все, Ксю. Откуда в тебе столько эмоций, — улыбается она и вырывается из объятий. — Знаешь мне нравится быть моделью. Но больше мне нравится управлять ими. А по поводу подставы... ты не предавала. Тебе только нужно было поговорить. И раскрыть чувства. Но вместо этого ты закрылась. И я думаю, — Марина смущенно потупилась, не продолжила. — Ты также поступила с тем парнем.

— С Глебом? — отстраняюсь от нее. — Думаешь я поступила неправильно?

— Значит его зовут Глеб. А правильно или нет, покажет время. Но откровенный разговор это лучше, чем молчаливый разрыв.

Она права. Но только в том случае, если любовь я не придумала.

Над нами появилась тень, и мы обе повернули головы на голос нашего босса.

— Марин, держи папку. Там информация, которую нужно выучить, — Ануш в костюме от Прада стояла как настоящая модель.

Я опустила голову, чтобы осмотреть себя и поставила себе пометку. Мне нужно срочно менять гардероб. Мне нужно забыть об обычных джинсах. Теперь я модель. И обязана следить за своим внешним видом постоянно.

— А что так мало? — улыбается мне Рубин и забирает папку.

— Мыслишь в верном направлении, — смеется Ануш. — Это первая папка из десяти.

Марина распахнула глаз и в шоке посмотрела на меня, а потом снова на Ануш.

У меня невольно вырвался смешок.

— Ксюш, ты готова? Нам предстоит разрыв шаблонов. Так что набирайся сил, — с этими словами Ануш отдает мне дорожную подушку и уходит дальше по проходу.

Да, а она ведь права. Мы сейчас отправляемся, чтобы работать-работать-и-еще-разработать. Мне нужно поспать, раз этой ночью я ворочалась.

— А как ты получила эту работу? — зевая спрашиваю я.

— А мне позвонила Ануш и потребовала к ней прийти. Она рассказала как все было и предложила работу.

Кидаю мимолетный взгляд на модель, и тихо спрашиваю.

— Она нами что ли все это время играла?

— Видимо, да, — серьезно кивает Рубин.

— Спасибо, Марин.

— За что? — удивляется она.

— За то, что не держишь зла на меня.

— Вообще-то держу, но прощаю. Я бы сама не знала как поступить на твоём месте. Но в следующий раз, — она грозит мне пальцем. — Поговори со мной до того как начнешь действовать. Потому что не знаю. Хватит ли у меня сил простить такое во второй раз. И тогда тебе придется замаливать мою боль.

Киваю ей и отворачиваюсь. Но тут же резко поворачиваюсь.

— И каким же это образом?

— Будешь вечным поставщиком для меня кофе из Старбакса. И... добудешь для меня автограф Винсента Касселя.

— О нет, — обреченно ахаю я под смех Марины. Знает она, что требовать. Но потом я с благодарностью касаюсь ее руки и немного сжимаю.

Если быть серьезной, то я ей действительно благодарна. И она это понимает без лишних слов.

Стюардесса проговаривает правила перед полетом. Мы дружно пристегиваемся. И почти сразу начинается взлет.

И снова моя жизнь меняется, а точка опоры — самолет. Но важно другое. Когда я летела из родного города, меня наполнял гнев. Я злилась на судьбу. А еще мне было страшно.

Когда я улетала в Москву, я была в смятении.

А сейчас. Я чувствую облегчение. Сейчас после совершения ошибок, я стала осознавать в чем была не права. Где мне предстоит еще развиваться. Но я чувствую радость, что объяснилась с Матвеем и у меня появился друг, а не докучливый ухажер. С подругой я восстановила свое общение. Но чтобы вернулась дружба, нам еще придется поработать. Я узнала про свою маму от ее коллеги. Узнала, что мне нравится помогать людям. Просто так. Потому что они нуждаются. А я нуждаюсь в их искренней благодарности.

И сейчас я лечу, и мой груз остался в прошлом.

НО.

У меня остался один долг. И хоть Глеб скоро будет женат и у него будет ребенок. Это не значит, что я ему не задолжала извинение. Да, я злюсь и обижена на него. Из-за фальши в нашей истории любви. Но я обязана с ним поговорить. Хотя бы ради себя. Надеюсь, когда-нибудь нас снова сведет судьба, чтобы решить нашу проблему окончательно.

Эпилог 1

POV Глеб

Поднимаю ручную кладь и выхожу из самолета. Тут холоднее, чем на юге. Но я сюда не за прогулками прилетел. Мне нужно с ней поговорить.

Нет, не так.

Я просто обязан это сделать.

Мне нужно успеть найти ее в Москве до того, как она улетит. И почему только раньше об этом не додумался.

Пялясь в телефон, я шел не замечая дороги. Москву я не знал. От слова совсем. Куда нужно ехать, на чем. Адрес мне нашел друг Рустама. Но там ли сейчас Ксюша я не знал. Остается только надеяться на чудо.

Вбиваю в поисковик карты адрес и узнаю маршрут. Думаю, лучше на такси. Будет быстрее и может быть эффективнее.

— Ой, какие люди!

Торможу рядом с девушкой, с которой чуть не столкнулся. Удивленно рассматриваю ее и отвечаю.

— Света? Не ожидал тебя тут увидеть, — киваю ей и пытаюсь обойти.

Но девушка вцепляется в мою руку мертвой хваткой и заставляет остановиться.

— Куда ты так торопишься, Глеб, — улыбается она и целует воздух перед собой. — Мы ведь так близки. По крайней мере были.

— Наша с тобой близость кончалась на выходе из школы. И единственное, что нас объединяло так это класс. Одиннадцать лет. И все, — рычу я.

Отцепиться от нее не получается. Вроде маленькая девчонка, но силенок больше, чем у Рустама.

— Как же все, — удивляется Света. — А Арина. Ты к ней вообще зачастил в эти полгода.

— Ты на что-то намекаешь, — злюсь и отступаю.

— Да, так ничего. Я просто удивилась, что ты здесь. Арина попросила?

Я поражаюсь этой девчонке. В школе она умела притворяться милой. Но ее истинная сущность проявлялась на улицах. С драными штанами и в грязных кроссовках. Она гоняла изгоев, а потом отпиновала их на пустырях вместе со своей подельницей Диной. Я однажды ее увидел во время таких боев. Так после этого она начала преследовать и меня. Узнала мои домашние секреты и даже пробовала шантажировать.

Но в какой-то момент мы пришли к нечто похожему на понимание. Она не трогала меня, я не рассказывал про ее хобби. Влезать в чужие дела не в моих правилах. К тому же у меня в тот период навалилось. Маму уволили. И теперь ее доход едва хватал на нее одну. А нас было трое. Плюс дорогие лекарства.

Мне пришлось искать выход.

И сейчас я снова уставилась на эту девчонку. Ту, что натравила своего основного боксера на Ксюшу. Которая является ее родней.

Я недоумевал. Они ведь такие разные. Но и одинаковые. Ксюша тоже оказалась стервой. Поэтому я прилетел сюда. Не верю, что стервозность ее второе имя. Она не могла играть мной, как утверждает Арина.

Не хочу верить в это.

— Значит ты ради нее прилетел, — уточнила Света и порочно улыбнулась. А в глазах просьба. “Давай, спроси. Что я знаю о ней”.

И я, к сожалению, ведусь на это.

— Ты знаешь, где Ксюша? — теперь я хватаю ее за руку.

Света никак не реагирует на мой выпад. Она уставилась на что-то позади меня. А довольная мина выдавала ее с потрохами. То, что она видела, ее очень радовало.

Я опускаю свою одноклассницу и медленно поворачиваюсь. И тут же замечаю ее. Свою первую любовь. Ту, что меня предала. Или вроде того. И она стояла не одна. А с Матвеем.

Они говорили о чем-то очень эмоционально. И тут она потянулась к нему и страстно поцеловала.

В эту секунду я почувствовал, как мое дыхание замерло. А руки опустились. Как буквально, так и фигурально.

— Кажется, она снова выбрала не тебя, — прошептала Света мне на ухо и упорхнула.

А я пошел обратно. Мне нужно поменять билет. Потому что теперь мне не нужно никого искать в этом городе. Я могу со спокойной душой отправиться домой.

Ведь она действительно выбрала его, а не меня.

Сижу в самолете и не понимаю зачем я поехал к ней. Поехал, чтобы сказать. Что я все еще ее люблю. Что готов ждать ее. Принимать все ее увлечения, работу, жизнь. Готов пойти на все ради нее.

Главное, чтобы она не бросала меня.

Но оказалось, что она бросила меня ради другого. Того, кого она сегодня жадно целовала.

— Молодой человек, самолет сел, — тревожит меня стюардесса.

Забираю ручную кладь из отсека и выхожу по туннелю в аэропорт. Столько людей, а среди них нет одного. Близкого для меня человека.

Моей девушки.

Выхожу из здания и сажусь в такси. Да, это дорого. Но мне наплевать. Я хочу просто напиться. Говорю адрес знакомого бара и жду когда наконец поедим. Таксист не говорит, а заводит свой драндулет и выезжает.

И вот я уже сижу за барной стойкой и пью третью стопку.

Дешевле купить алкоголь в супермаркете и прийти домой. Сегодня Люся у отца. И я мог спокойно нажраться. Но пить одному...

Устал. Не хочу быть один. Хочу быть с людьми...

И выпиваю до дна. Снова.

— Парень... Скажи свой адрес. Куда тебя отправить?

— Буга-га.

— Что?

— Аргвы...

— И как мне его отправить домой? Он же тут спать скоро уляжется.

— Телефон посмотри.

— Он как раз звонит. Давай ответим. Алло, девушка. Это бармен из бара по адресу... Да, он. Заберете? Отлично. Ждем.

— Кто ответил?

— Девушка. Похода его. Вот как распереживалась.

— У меня нет двшки, — пробуждаюсь от его слов и бунта в моей голове.

У меня нет девушки. Потому что моя девушка выбрала другого.

— Ты уже спи парень. Твоя девчонка скоро будет тут.

Утыкаюсь головой в сложенные руки. Все мое тело такое легкое. И в башке ни одной подходящей мысли. Но мне охота вернуться в столицу и вмазать говнюку. Который все время попадался мне на пути.

— Это вы ответили?

Нежный голосок влетел в бар вместе со свежестью февраля. А я болван вдохновившись днем влюбленных отправился покорять свою беглянку.

А у нее были причины бежать.

— Глеб? — знакомый голос.

Смотрю на девушку. Светлые волосы, нежные черты лица. И глаза... которые постоянно преданно заглядывают в мою душу.

— Что ты здесь делаешь, Арина? — неожиданно правильно задал я свой вопрос.

— Я за тобой приехала, — захныкала девушка. — Тебя не было дома, вот я и позвонила. Но ответил бармен и сказал, что ты здесь. Пьяный.

Последнее слово сказано с упреком. Да, с упреком. Я ненавижу алкоголь. Но за эти полгода я так напиваюсь уже трижды.

В первый раз, я узнал, что Ксюша улетела. Она меня заблокировала. И что теперь я стал главой нашей маленькой семьи. Мне нужен был небольшой перерыв.

А вторая попойка произошла потому что увидел фотографию Матвея и Ксю на каком-то вечере. Рустам потом нашел информацию, что Марков подменял модель. И только поэтому я сегодня рискнул поехать к ней.

Рискнул черт возьми. После этого хоть ставь крест на риске.

Сегодняшняя пьянка была третьей. Надеюсь, что последняя.

— Давай, вставай, Глеб. Я тебя увезу домой.

Арина прыгнула под мою руку и приподняла меня с барного стула. Я ей не помогал. Она несла меня, а мне было как-то плевать. Может после этого она от меня отстанет. Ведь ей нужно во мне разочароваться полностью. И только тогда она сможет отпустить меня.

— Глеб, я тебя не оставлю, — шепчет девушка и заталкивает меня в машину.

Таксист не удивлен. Он даже советует Арине бросить меня. Ведь зачем такой красавице пьянь как я. И он прав. Во мне гены нехорошие.

Мать истеричка. Отец трус и беглец.

Зачем я такой ей.

— Для меня он лучший, — слышу голос девушки.

Хоть для кого-то лучший.

Ее слова приятны для меня. Но они бы были приятны для любого. Но за них нельзя полюбить. Арине надо оставить меня. Чтобы начать жить.

— Арин..., — хриплю я.

— Потом скажешь, — опускает свой палец на мои губы она. — Нам пора выходить.

Февральская свежесть немного бодрит меня. Но это всего лишь немного. Я могу идти сам, но моя голова кружится. К сожалению, я не могу контролировать некоторые действия.

Около квартиры я удерживаю Арину и говорю ей то, что должен сделать уже давно.

— Ты должна забыть меня. Я не то что нужен для тебя. Поняла? Совсем не то.

— Ты не прав, — девушка поднимается на цыпочки и касается моих губ. — Ты не прав.

Ты лучшее для меня.

Она снова касается губ, но уже целуя их.

Я пьян. Я голоден. И я разбит. Формула ошибок.

Отвечаю на поцелуй влюбленной в меня дурочки.

Открываю дверь квартиры и резко впихиваю туда ее. Слышу, как Арина охает, но молча позволяет делать с ней все. Снимаю с нее куртку, свитер и штаны. Не заботясь о ней, жестко снова ее целую. А потом... скидываю все с себя. И захожу к ней. Не обращая внимания на ее стон боли.

Я тоже сволочь. Но мне сейчас нужно хоть чье-нибудь внимание. А еще я жалок. Но мне наплевать. Я устал быть один. Только не сегодня и не сейчас.

— Глеб, — стонет в ухо девушка.

Ее голос не похож на Ксюшен. И, вместо того чтобы остановиться, я просто затыкаю ей рот поцелуем, а затем рукой. Не хочу смотреть на нее и слышать.

Мне просто нужно это тепло.

Потому что кое-кто забрал мой огонь с собой. Вместе с моим сердцем.

Ксюша, что же ты наделала? А что наделал я?

POV Матвей

Это такая дикость. Я почти два года испытывал любовь к иллюзии. Мне казалось, что я порхаю. Что я люблю. Что она вся моя жизнь.

Когда я видел ее с Глебом, мне казалось, что я весь в огне. Ярость во мне полыхала. Она убивала во мне свет. В те минуты я по-настоящему становился Мраком. Как когда-то назвал меня Леха. В тот день я разозлился. Сильно. И тому парню было плохо из-за меня. И хоть у этого была причина. Но Леха заметив мое состояние сказал:

“Чувак, ты мне друг. Но если я тебя когда-нибудь так разозлю, лучше просто сразу смажь мне. А не злись. Ладно? А то твои глаза стали та-акими черными. Мне казалось, что вылез дьявол и прыгнул в тебя”.

Но сегодня... Я впервые ощутил свободу.

Ксюша она не специально. Она ничего не сделала. Но каким-то образом сковала меня. Я упал в нее. Был поглощен ею.

Она этого не хотела. Но сделала это.

А вот сегодня она меня освободила.

— Что празднуешь, красавчик? — ко мне подсаживается красотка. Фигуристая блонди. Губы с ботоксом, но в меру.

До знакомства с Ксюшей я был кобелем. Я бы переспал с этой красоткой и возможно не спросил ее имя. После того как я влюбился. Или выдумал эту любовь. Я перестал замечать таких женщин. Доступных. Более того, они перестали мне нравиться и возбуждать.

И теперь я вроде как освободился от чувств. Но ощущение брезгливости осталось. Неужели я стал разборчивым в таких вещах. Перестал быть падок на все что валяется.

До чего я докатился? Думать как молодой старик.

— Красавчик, дай угадаю. Ты расстался с девчонкой. И теперь ты в поиске в любви, — улыбается по-американски блонди. — Я попробую...

Девушка тянет свои руки к моему напитку, а я резко хватаю ее за запястье. Неужели я когда-то увлекался такими. Такими дешевыми дамами, которые ищут развлечения на ночь. Как бы это малость мерзко.

— Руки прочь, — шиплю я и откидываю руку. — То, что я не прогнал тебя сразу, не значит, что я хочу тебя. Поняла? Я хочу выпить. И только. Можешь остаться сидеть здесь. Но не говори со мной.

Делаю глоток чистого виски и расслабленно пожимаю плечами. Рядом шорох. Видимо дама решила сменить объект.

А я только рад.

Допиваю свой напиток и кладу бармену на чай.

Из-за своих фантазий я многое пропустил. У меня было столько планов до встречи с Ксю. После школы мне хотелось пойти в универ и сразу начать небольшой бизнес. В делах больше всего цениться опыт.

И я хотел занять этот опыт.

Но отправился вслед за мечтой. Отец был прав. Чувство это хорошо, но только если они не мешают жизни. Я же позволил им захлестнуть меня.

Выхожу из бара и сталкиваюсь с девушкой. Короткие темные волосы, большие глаза,

хитрая улыбка. Что-то было в ней неуловимо знакомо. Но в то же время она казалась незнакомкой.

— Матвей, — удивленно говорит незнакомка.

Я с ней спал? Нет, не помню. Но кто она? Она бы не радовалась так, если бы я ее отшил в прошлом.

— Не узнаешь? — смеется она и достает из сумочки тонкие сигареты. — Неужели я так сильно изменилась?

Она закуривает и делает первую затяжку. И в моей памяти просыпаются воспоминания. Кто также курил свои сигареты. Только раньше они были крепче.

— Анька! Гордеева? — охаю и отступаю.

Обалдеть. В школе вечная пацанка скрывала такие формы. Она ведь могла отбить корону у Светы. Неожиданно.

— Как ты здесь оказалась? — спрашиваю ее и тоже достаю свои сигареты. Она молча протягивает зажигалку, а потом прячет ее в сумке. — Будешь молчать или расскажешь? Как жизнь.

— Лучше, чем в школе. Это точно, — улыбается она.

— Все сохнешь по Сашке?

Анька кинула грозный взгляд и отвернулась. А потом грубо уточнила.

— Все сохнешь по Ксюше?

— Засранка, ты даже интонацию повторила, — смеюсь я, и она тоже. Но более грустно. Значит не перестала.

Мне бы хотелось ей помочь освободиться от ботаника. Но я сам не понимал как это происходит. Просто нужно начать жить своей жизнью. И это говорит тот, кто не мог отпустить девушку. Почти два года.

Хорош советчик.

— Матвей, я могу тебя кое о чем попросить? — решительно проговорила Аня. — Ты ведь не встречаешься?

— Я свободен как сокол, — раскидываю руки и жду смеха. Но его не было.

Тогда я разглядываю Аню и жду. О чем она хочет меня попросить.

— Переспи со мной.

— Чего? — отхожу от нее и давлюсь дымом. — Кто такое говорит, когда человек курит.

— Прости, что так неожиданно. Но я устала быть пацанкой. Я сегодня нарядилась как какая-то прошмандовка и отправилась искать себе приключения. Я ведь девушка. Я хочу ею быть. Но мне кажется, что меня никто не хочет. Сначала Сашка. Он ведь ботаник. И то не хотел меня. Потом ребята с универа. Некоторые думают, что мне нравятся девушки. Я устала, Матвей. Помоги мне.

Я не хотел с ней спать. Не потому что она уродлива. А потому что это будет неправильно. Но и бросить в такой ситуации не мог. Мне вспомнилось, как сегодня меня целовала Ксюша. Может и сейчас простой поцелуй поможет Ане понять.

Я аккуратно коснулся щеки девушки, а потом медленно приподнял голову за подбородок. Затем подошел и поцеловал ее. Осторожно и мягко.

Аня начала отвечать. Но не охотно. А из-за необходимости. Потому что ее вроде как целуют. Закончив, я отстраняюсь и смотрю в ее глаза.

— Это даже хуже, чем странно, — шепчет она. — Я словно с камнем сосалась.

— Согласен, — ржу я и отступаю. Аня дрожит и оглядывается.

— Так будет со всеми, — вдруг спрашивает девушка. — Если не хотеть. То всегда такое чувство, словно тебя касается мертвяк?

— Возможно, — отвечаю ей. — Раньше я этого не замечал.

Аня продолжает прыгать на месте, а я наконец сжалился над ней.

— Может зайдём куда-нибудь? Или может тебя довезти?

— Я на такси, — отвечает она.

— Как и я.

Мы молча ловим машину и садимся в нее. Сначала Аня называет свой адрес, потом я диктую свой. Всегда ли будет это чувство холода? Я думаю не всегда. Но и не сразу. Мне дана свобода, и сейчас мне лучше подумать, что с ней делать.

Кошусь на Аню. А она ведь не глупая девчонка. У меня давно было несколько идей для одного стартапа. Но мне нужны люди.

— А ты на кого учишься?

— Менеджмент, — хмуро отвечает она.

— И тебе нравится?

— Местами да, местами нет. Все зависит от препода. А что?

— Раз мы с тобой не любовники, — ухмыляюсь ей, на что Аня закатывает глаза. — То походу мы партнеры в другом.

— И в чем же? — демонстративно равнодушно спросила она.

Но я помню Аньку Гордееву. Она всегда хотела быть лидером. Сильной и классной. И она бы была такой. Если бы в школе не втрескалась в Сашку Воропаева. Нашего скучного ботаника.

— Идея есть, — неопределенно отвечаю ей. — Хочу наконец-то занять делом. Устал гоняться за мечтой. Пора за дело.

Минуты не прошло, как Анька вцепилась в наживку. Она не хотела остаться на дне. И хоть многие ее недооценивали. Я помню ее другой.

— Примешь в дело, — уточнила она и грустно добавила. — Устала быть никчемной девчонкой, в которой даже пол определить никто не может.

— Может нужно изменить имидж, — осторожно предложил ей я. — Ведь сегодня ты выглядишь как девушка. И это заметно издалека.

— Да ведь дело даже не в одежде. Мне неуютно в платье. Но я хочу добиться большего. Не хочу, чтобы во мне видели дочь уголовников, пацанку и троечницу. Человека без будущего. Я хочу стать лучшей версией себя. Красивой женщиной, у которой устроена жизнь.

— Я думаю, ты обратилась по адресу, — киваю ей я. — Вбей свой номер в мой телефон. Завтра я позвоню, чтобы обговорить детали. Пора начать свою дорогу на Олимп.

Аня в ответ только качает головой, но послушно вбивает свой номер. Машина остановилась около общаги, где девушка вышла. Я убедился, что она внутри. И только после этого позволил таксисту тронуться.

Ладно, папуль. Ты вроде как хотел расширяться. Теперь я готов вступить в свои права. Стать истинным Марковым. Как ты этого хочешь.

Конец второй книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net